КНИГА УЧЕТА ЖИЗНИ

АУКЦЫОН

документальный
роман
МИХАИЛА
МАРГОЛИСА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новая книга известного музыкального журналиста — обозревателя «Известий» Михаила Марголиса представляет собой наиболее полный вариант биографии легендарной группы «АукцЫон».

-
- «Милый мой, зачем мне все помнить?»
- Гандболист, киномеханик, театрал
- Леня и папа
- Олег и сестра
- Дима и клавиши
- Картавый, маленький, но бойкий
- «Волки зайчика грызут…»
- Застрелиться можно сразу
- Чирик, Принц и Волк
- Рогожин и «засланные казачки»
- Тут появляемся мы и хихикаем
- Дважды два равно три
- «Ну, ты, Лермонтов!»
- Фанера, Фирик, Шушары
- Колик, деревянная птичка и три грамоты
- От «Взломщика» к «Багдаду…»
- «Словно я ударил ребенка…»
- Явление рыжего Вовы
- Делайте что хотите, только инструменты не трогайте
- «Предатель» и Дятлов
- Да будет Ы!
- Краски стирают, бомбы развозят
- Из «Красной кузницы» к бургомистру
- Добили советскую культуру, Начинаем строить порядок
- Накатила суть
- Алкоголизм — не шутка
- Расставание с Фавном
- От «Жопы» до Хвоста
- Дом на колесах
- Сделал «Птицу» и в больницу
- Стойкий директор
- В эпоху Хлебникова
- Матковский — в ашрам, Гаркуша — в профилакторий
- «Музыка моя, где-то рядом…»
- Друзья уходят. Девушки поют…

- Сообщество вольных трубадуров
- «Мы уходим прямо в даль…»
- Дискография «АукцЫона»
- Дискография Леонида Федорова

Посвящается Дмитрию «Айсману» Дедовских

Этим летом случайно, от нечего делать, попал на концерт «АукцЫона»… От увиденного и услышанного получил такой сильный культурный шок, что потом не мог уснуть всю ночь. А на утро понял, что в моей жизни что-то изменилось…

Я, конечно, и раньше слышал, что есть, мол, такая группа, «АукцЫон», и даже слышал саму группу, но как-то не воспринимал их серьезно. Это нужно было видеть живьем!

Потом сходил на сольное выступление Леонида Федорова (уже целенаправленно). Я, конечно, и раньше слышал, что есть, мол, такой исполнитель, Леонид Федоров, и даже слышал что-то из его сольного творчества, но то, что я увидел, превзошло все ожидания! Что он вытворяет с одной гитарой и голосом! И дело не в каких-то там немыслимых переборах по всему грифу, наоборот, песня — два-три аккорда. Но каких! Откуда он берет эти звуки?! Федоров напоминает шамана с бубном, который впадает в транс и говорит на только ему понятном языке. Творчество Леонида Федорова — это не столько красиво, сколько мощно. Это как Ниагарский водопад, как Гималаи, как гроза в начале мая…

Реплика, найденная в ЖЖ в 2007 г.

У меня было три этапа отношения к «АукцЫону». Сначала я почувствовал, что это экзотически интересно. Затем их энергия показалась мне нездоровой, не полезной людям. Она меня напугала и заставила от «АукцЫона» надолго отшатнуться. И наконец, много позже, внимательно послушав Ленины песни, я понял, что он очень большая величина. Настоящий гений. А в целом «АукцЫон» — это фрики. И раньше, и теперь. Если они перестанут быть фриками, то какие же фрики у нас останутся?

Борис Гребенщиков, за чашкой утреннего кофе в

московском клубе «Б1», осень 2009 г.

«Милый мой, зачем мне все помнить?»

«АукцЫон» — это хохот отчаяния и свобода навзрыд, прошитые мелодиями из ниоткуда в никуда.

Не больно вольно дотоле,
Доколе воля больна.
Бывают разные воли,
А боль бывает одна…

Голову рукою обернуть.
Нет тебе покоя.
Все тебе чего-то не найти,
Что-то не вернуть…

Между этими песенными «аукцыоновскими» строфами — более десятилетия. Они из, скажем так, раннего и зрелого периодов группы. А еще семь зим спустя, в 2007-м, Леня Федоров, с нестираемой полуулыбкой на лице, стремглав бегущий вдаль от изученных форм, от любых «куплетов-припевов», «квадратов», от ямбов, если хотите, и дактилей, — а заодно от минимальной даже медийности, героики, — рассказал, нет,

пропел, промурлыкал, проголосил словами Димы Озерского, провидением посланного ему в пожизненные попутчики-соавторы, что

Голова в петле, а ужин на столе.
Ты моя беда.
Голова летела по параболе.
Что за ерунда.
Думать нелегко, верить тяжело.
Все, что не было со мной,
Было и прошло.

И выходит, сколь ни рос, ни взрослел, ни матерел «АукцЫон», как ни искал (и продолжает искать) Федоров «музыки, которой

нет», поэтов «холодных как лед», бесстрастных стихов, а лучше даже текстов, таких, что вовсе не стихи, — сакральный, предельно чувственный, не просчитываемый, одинокий, добрый, беззащитный и несгибаемый, по-христиански радостный, корневой мотив «АукцЫона» звучит на всем его пути. С первых шагов группы под сенью питерского рок-клуба до нынешних дней, когда многие уже отпраздновали ее двадцатипяти- и даже тридцатилетие.

Хронологию можно вести по-разному. А вот историко-художественное резюме, по-моему, очевидно одно: составляя перечень имен, позволяющих русскому року сделаться легитимной частью искусства, «АукцЫон» надо упоминать непременно.

Когда-то, в одном из музыкальных журналов, я назвал «АукцЫон» «коллективным Пьеро без занудства и деструктивной тоски». Но с тем же процентом ассоциативной точности «АукцЫон» можно представить

ушедшим ото всех Колобком, шаловливым Карлсоном, независимость коего реалисты и ханжи принимали исключительно за вредоносное или бессмысленное озорство, искателем счастья Маленьким Муком, не вписавшемся в обывательские стереотипы и местечковые нравы, и еще много кем. Важнее, однако, что в «АукцЫоне» действительно никогда не было скуки, занудства, строгих правил, одинаковости. Оттого и не определил его никто в конкретную стилевую нишу.

С этим бэндом вообще непонятно что делать. Плакать, смеяться, погружаться в транс, впадать в экстаз, прислушиваться, исследуя каждую фразочку и звук, или «употреблять» целиком, не разбирая на компоненты? Кто они, «аукцыонщики», в конце концов, такие: клоуны, феерические менестрели, психи, анатомы музыки? Впрочем, а на фига это определять и знать? Зачем препарировать чудо?

Их сейчас в группе, на секундочку, девять человек (включая преданного команде звукорежиссера Михаила Раппопорта и примкнувшего к «АукцЫону» контрабасиста-авангардиста Владимира Волкова), и никто толком ничего из прошлого не помнит, кроме, как сами они считают, Олега Гаркуши, беспробудно бухавшего половину «аукцыоновской» истории. Гаркундель, видимо, однажды осознал, что если не он, то кто же, и на заре нулевых, по трезвости, накатал лаконичные мемуары «Мальчик как мальчик», посвятив их центральную часть своеобразной летописи «АукцЫона» (до выхода книги, которую вы сейчас читаете, труд Олега был единственным опытом подробного повествования об истории «Ы»).

Гаркушина документальная проза лапидарностью своей и натурализмом близка его стихам. Весь «АукцЫон» ею не измерить. Она — только одна из черт и «диалектов» многомерного «аукцыоновского» пространства, достойного разнообразных описаний. В таком пространстве уживаются любые крайности, странности, безумства. Все идет во благо и выстреливает «аццким» фейерверком.

А Гаркуша (с которым мне нередко доводилось пересекаться, общаться, чокаться еще в конце 1980-х и в его «лихих 90-х») сегодня тоже, к слову, сомневается в объеме собственной памяти. Иногда просто потому, что так удобнее.

Вот он, сорокавосьмилетний долговязый «мальчик» Олег («тотем «АукцЫона», по убеждению Федорова, и главный человек в группе, чуть ли не ее создатель, в представлении многих поклонников «Ы» рок-клубовской поры), сидит со стаканом сока в компактном, любимом баре в центре Питера, смотрит на меня знакомыми, хитроватыми, разными глазами (в одном искусственный хрусталик — последствия детской травмы) и негромко рассуждает:

— Помню я на самом деле не все. Не так давно, на презентации книжки «Сумерки „Сайгона"», ко мне подошел совсем плохонький, скажем так, мужчина (такие ко мне сейчас подходят почти ежедневно) и говорит: «А помнишь…» Я сразу ответил: «Нет, не помню». Поскольку дальше, как правило, следует что-то типа «помнишь, как ты мне облевал квартиру двадцать четыре года назад, такого-то числа». Приходится объяснять: милый мой, я полгорода в былое время заблевал, и что же, мне теперь все это помнить? С кем пил, у кого ночевал… На похоронах Рикошета встретил священника Вячеслава Харинова, он когда-то играл на саксофоне с группой «Объект насмешек», и то же самое: «А помнишь, ты у меня жену хотел отбить…» Я готов к подобным обращениям. Меня не только в Питере такие знакомые встречают, но и повсюду, даже в Америке. Не помню, извиняюсь, не помню, ничего не помню.

Не факт, что и хронологию «АукцЫона» я помню лучше всех в группе. Приезжаем сейчас в какой-нибудь город, и начинаются споры, выступали мы здесь раньше или нет, и если да, то сколько лет назад? И не всегда я могу точно ответить. Хотя фотографии и другие наши архивы в основном у меня. Но многое пропало, заиграли. Что-то из этого не найти уже и в пресловутом интернете…

Гандболист, киномеханик, театрал

Сила «АукцЫона» в случайностях. Они определяют все — от состава команды до ее названия и существования как такового. Несколько сверстников (речь сейчас о Гаркуше, Федорове, Озерском, Бондарике; один-два года разницы в возрасте между ними — не в счет) из ленинградских спальных районов вполне могли бы пойти по жизни разными, не совсем рок-н-ролльными и совсем не рок-н-ролльными путями. Но пересеклись и сложились в феноменальный организм, затянувший в свое энергетическое поле еще массу душ, столь же непохожих друг на друга, как эти четверо.

Неатлетичный, картавящий Леня в школьную пору «о музыке серьезно не думал». Он учился в спортивном классе и выступал за сборную Ленинграда по гандболу.

— Я еще и в хоккей играл, — вспоминает Федоров. — Меня в СКА хотели брать, но я уже успел гандболом проникнуться. У нас была достаточно сильная детская команда, но, как ни странно, на взрослом уровне никто из нее особо не блеснул. В лучшем случае кто-то сейчас работает тренером в детской спортшколе. А в основном — все быстро прекратили занятия. Из девчонок, правда, одна впоследствии играла даже за сборную Польши. Хотя в своем возрасте обе наши команды — и мальчиков, и девочек — входили в тройку по стране. Белорусы, украинцы и казахи с нами конкурировали, а москвичей мы обыгрывали…

Пока Леня закидывал мячики в ворота сборных республик-сестер, Олег закончил восьмилетку и двинул за средним профессиональным образованием. Туда, где могли выучить на «директора пивного бара или винно-водочного магазина», экзамены сдать не удалось, зато Гаркушу взяли в Ленинградский кинотехникум, где в первый же учебный день он получил по фэйсу от однокашников постарше. Далее ремесло киномеханика, любопытство и несуразная внешность способствовали ему в активном постижении окружающего мира и, прямо по Бродскому, смещали Гаркунделя «от окраины к центру», где Невский проспект, «Сайгон», филофонисты-фарцовщики у Гостиного двора, народившийся рок-клуб на Рубинштейна, разные люди, масса знакомств и дорог.

— Когда ты молод, из тебя выходят зелененькие росточки, — душевно констатирует Гаркуша. — Тебе все интересно, интересен практически любой человек. А если он еще и с большим, чем у тебя, жизненным опытом, то и подавно. Грязь, слякоть, сугробы, минус 30, «если диктор не врет», — тебе по барабану. Все рок-

клубовские концерты, тусовки в «Сайгоне», парадники (по-московски — подъезды) с приятельскими компаниями, дискотеки меня притягивали. Я увлекался звукозаписями, частенько тусовался в магазине «Мелодия» и однажды прочел там объявление, что в ДК им. Первой пятилетки (сейчас его уже нет — там Еврейский театр) клуб «Фонограф» проводит лекцию, то ли о «Лед Зеппелин», то ли о «Дип Перпл». Это был год 1980 или 1981. Я, естественно, на нее помчался. И потом ходил на каждую. А они проводились достаточно регулярно. На лекции о «Машине Времени» познакомился с известным ныне питерским журналистом Андреем Бурлакой. Он меня, собственно, в скором времени и ввел в рок-клуб. Хотя еще раньше, году в 1979-м, я побывал на концерте «Россиян», когда никакого рок-клуба не существовало.

Потом я сам стал лектором. Кто-то из ведущих заболел, мне предложили его заменить, поскольку я там уже примелькался, и я с задачей справился. В моей коллекции были какие-то интересные слайды, записи, я начал делать программы о разных группах «демократического лагеря» — из ГДР, Венгрии, Польши.

За лекциями следовали дискотеки, диджействовать на которых тоже доверяли Гаркуше. В собственных мемуарах Олег расписал это так: «Я стоял на возвышении, приплясывал, объявлял группы… В перерыве между танцами я шел в бар, выпивал и ел пирожные. Выбор тогда был щедрый. Вино, шампанское, коньяк и коктейли. После возлияния дискотека продолжалась. Я не выдерживал и пускался в пляс. Ставил рок-н-роллы и твисты».

Озерского на Гаркушиных дискотеках не было. Он отплясался раньше.

— Родители с малых лет пихали меня в различные самодеятельные кружки, как, в общем-то, происходит с большинством детей, — говорит Дима, поглядывая на моросящий дождь за окном. — Класса до шестого я занимался танцами, а потом по состоянию здоровья мне это запретили, и я пошел в театральную студию. Она была достаточно заметной в Питере. Из нее вышло немало известных людей. Например, кинорежиссер Дима Астрахан.

В студии занимались разные начитанные ребята постарше и подрастающее поколение, к которому я тогда относился. Это сподвигало к чтению. Культурный набор у всех нас тогда был общий: перепечатки Толкиена, «Мастер и Маргарита», братья Стругацкие…

В «Сайгон» и вообще в неформальную, музыкальную тусовку я попал позже. До того у меня сложился сугубо театральный круг

вращения. А это достаточно замкнутая сфера. На мой взгляд, музыканты гораздо шире знакомы с жизнью, чем театральные люди, варящиеся в собственном соку, в своем коллективчике, и постоянно изобретающие велосипед. Однако моими приоритетами были литература и театр.

— А я о приключениях любил читать. «Остров сокровищ», например. И фантастику, — возвращается в далекую юность Бондарик. — А чтобы там чего-то думать, сложные книги — нет. «Войну и мир» так и не осилил. Пытался, пытался…

В общем, они не были продвинутыми юношами. «Когда я уходил в армию, то даже не знал, что рок-клуб существует», — признается Витя. Они проводили львиную долю времени, как говорят нынешние тинейджеры, «на районе». Они и мысли не допускали, что когда-нибудь музыка станет их основным делом. Двое из них, Озерский и Гаркуша, не играли ни на каком инструменте и не собирались этого делать (Олег, в общем-то, остался верен данному принципу до сих пор). В сей четверке, ставшей незыблемой основой «АукцЫона», кажется, не было (и теперь нет) и йоты целеустремленности, но, видимо, в ней быстро пробуждалось чутье на «не сегодняшнее» желание двигаться туда, где «ощущение “под” превращается в ощущение “над”», и так невзначай родилась самая нонконформистская и беспредельная (в поэтическом восприятии эпитета) отечественная рок-группа.

Леня и папа

Вот и вышел, паскуда, в своем свитерке!..

Юрий Арабов «Предпоследнее время»

В чуть растянутом свитерке болотного цвета Леня появился на сцене где-то в первой половине 1990-х (раньше он использовал иные прикиды), и такой его облик оказался не менее выразительной и знаковой чертой «Ы», чем белые перчатки и инкрустированный бижутерией пиджак Гаркуши. К этому времени хребетная значимость Федорова в группе стала очевидна любому, кто хоть раз видел и слышал «АукцЫон». А до того реально «заведующий всем» Леня был квинтэссенцией «аукцыоновской» парадоксальности. Человек, вокруг которого, собственно, и строились история группы, ее мелодия, голос, кредо, казался самой миниатюрной и малоприметной фигурой в «Ы». Ну у какого еще коллектива найдется такой лидер?

За подлинной федоровской индифферентностью к популярности и сторонним оценкам скрывались, как выяснилось, редкие основательность и мощь. Он, год за годом, от альбома к альбому, стремительно рос во всех переносных смыслах. И вырос, не побоюсь чуждой Леониду пафосности, в заметную личность русской современной культуры.

— Ленька-то был парень довольно простой, а я — из интеллигенции петербургской, знал всю богему, хорошо тусовался, — рассуждает с высоты своих 50 лет «господин оформитель» раннего «Ы», художник-неформал Кирилл Миллер. — И я не ожидал, что впоследствии именно он ни с того ни с сего достигнет таких вершин. Федоров единственный музыкант из мне известных, кто, пребывая в фаворе, на волне успеха, полез в глубь музыки. Популярность почему-то останавливает развитие большинства музыкантов. Они начинают просто тиражировать себя, купаться в своей известности. А Ленька в пику собственному успеху заинтересовался бесконечностью музыки. Это меня потрясло и вызвало фантастическое к нему уважение.

Потому и «паскуда» в эпиграфе, кстати. Здесь это не ругательство, а восторженное восклицание, типа каков стервец! Ведь начиналось-то все по-мальчишески типично и легкомысленно…

— Еще в дошкольном возрасте родители отвели меня в музыкальную студию при ДПШ (Дом пионеров и школьников), — рассказывает Федоров. — Изначально я сам туда хотел, но после

нескольких занятий на фортепиано мне все там дико не понравилось. Тем не менее я отходил в студию лет десять, наверное. И ничего из нее не вынес. Сольфеджио я игнорировал, специальных знаний фактически не приобрел, играть нормально не научился. Ну, руки мне там поставили кое-как, конечно, за такой-то срок. И всё.

В первые школьные годы меня даже коробило от того, что я, как «ботан», хожу заниматься на пианино. Благо, нашлись в моем классе два приятеля, посещавшие ту же студию. Я с ними сошелся, и уже в девятилетнем возрасте мы пытались что-то вместе исполнять — «битлов», кажется. Приятели, кстати, играли гораздо лучше меня…

Где-то году в семьдесят седьмом, зимой, я все-таки уговорил папу купить мне гитару и пошел учиться играть на ней в другой ДПШ, при ДК имени Газа. А летом, в деревне, один из моих старших товарищей, с которым мы до сих пор общаемся, показал мне три блатных аккорда. За каникулы я их хорошо освоил. С тем же парнем, к слову, я и курить начинал, и выпивать. Лет с двенадцати я уже алкоголь точно употреблял. Правда, года через два уже «завязал». В старших классах я не пил, не курил, поскольку спортом серьезно занимался. А до того, в каникулы, мы в основном пили какое-то эстонское яблочное вино. Деревня находилась недалеко от Нарвы. И любимые наши сигареты «Лайэр» были эстонскими.

В четырнадцать лет я собрал свой первый ансамбль из одноклассников. Репетировали у меня в квартире, на первом этаже сталинского дома в районе Автово. Помнится, у нас были маленькие пионерские барабанчики, которые мы струбцинами прикрепляли к стульям. Собирались вечерами, раза три в неделю. И мои родители нас как-то терпели. Ансамбль состоял из гитариста, барабанщика и клавишника. Последний играл либо на моем домашнем пианино, либо на каких-то дешевых клавишах, которые мы впоследствии ему купили.

Однажды в наш класс перевели из другой спортшколы парня по имени Миша Маков. Выяснилось, что он тоже играет на гитаре и поет. Я взял его в ансамбль, и вскоре он привел на репетицию своего приятеля, басиста Витю Бондарика. Это был 1978 год…

Знаменательная встреча Лени и Вити считается некоторыми днем зарождения «АукцЫона». В таком случае сегодня «Ы» уже за тридцать. Солидно, но слегка преувеличенно. Та безымянная команда, что продолжила вместе с Бондариком репетировать у Федорова «на флэту», — не более чем Ленино «школьное сочинение».

Впрочем, появление Вити годится для открытия списка

животворных «аукцыоновских» случайностей, о которых упоминалось в предыдущей главе. Бондарик явился в федоровский бэнд тем еще басиситом. За его плечами был минимальный опыт подъездно-домашнего бренчания на обычной акустической гитаре с приятелем Маковым. Баса он в глаза не видел. Но когда пришел к Лене и получил положительный ответ на вопрос: «Можно ли с вами поиграть?» — отчего-то сказал, что хочет «попробовать на бас-гитаре». И на эту его просьбу откликнулись, мол, если желаешь — пробуй.

— Других ансамблей у нас в районе я, честно говоря, не знал, — поясняет Виктор, — и очень обрадовался, что оказался в такой компании. Те наши занятия были для меня, в сущности, процессом обучения, поскольку ни в какие музыкальные кружки и школы я не ходил. Я привыкал, что называется, держать бас-гитару. И все свои навыки черпал по ходу дела: кто-то нам что-то показывал, у кого-то я что-то подсматривал…

Гитары нам Ленькин отец делал. Пилил их из фанеры, сам паял схемы, крутил датчики. Искал нужную информацию по радиожурналам.

Инженер-электротехник Валентин Федоров, по словам своего сына, «оказался вообще активным».

— Когда собрался наш ансамбль, — вспоминает Виктор, — батя нашел какие-то специальные книжки и сделал мне гитару. Потом еще две: соло-гитару для меня и бас для Витьки. Да еще через профсоюз купил нам барабанную установку, клавиши, какие-то колонки. До окончания школы мы на всем этом и играли. А тот первый, самодельный, бас у Бондарика, кажется, до сих пор сохранился.

Мы записывались тогда дома, на мой кассетный магнитофон, и по праздникам играли для своих друзей. Гаркуша говорит, что у него сохранилась какая-то пленка с теми записями. Откуда она у него взялась, не знаю, но чего-то такое он мне действительно как-то давал послушать.

Олег и сестра

Воплощенный герой «аукцыоновских» песен, шизоидно-юродивый Гаркундель открыл в себе поэта в карельском поселке Гирвас (где проходил летнюю трудовую практику) в 1980 году, после тесного контакта с тамошней «первой блядью на селе». Красота северо-западной природы и «неопределенная влюбленность» побудили будущего автора «Панковского сна» и «Польки» («Сосет») к рифмовке строк о «царях эфира», «сверканье звезд» и «судьбине мира». В ту же олимпийскую пору его родная сестра Светлана, считавшая своего старшего брата малым не вполне адекватным (что не помешало ей через два года после поступления Олега в кинотехникум избрать ту же стезю и оказаться в одной учебной группе с… Витей Бондариком), стала девушкой Лени Федорова.

Бессменный басист «АукцЫона» в конце 1970-х был не только однокашником Светы, но и наладил с ней «романтические отношения». Витя нередко наведывался в Веселый поселок, где Света жила со своей мамой и братом Олегом, и как-то привез туда руководителя любительского ансамбля, в котором играл, — Леню. Увидев последнего, Гаркуша-младшая, еще не подозревая, что обращается к будущему супругу и отцу своих дочерей, заботливо предупредила: «Будь поосторожней с моим братом, он очень странный». Федоров, юноша на тот момент, по собственной оценке, «вполне обычный», рассудил, однако, прогрессивно, в грибоедовском духе, мол, «а не странен кто ж?» — и к Гаркунделю проникся симпатией. А к сестре его, как оказалось, тем паче. Через некоторое время он увел девушку у Вити, что, в принципе, грозило потерей друга. Но толерантность и приоритет свободного выбора, видимо, являлись для «аукцыонщиков» базовыми принципами еще в доисторический период группы. Проще говоря, никто сильно не напрягся.

— Никакого конфликта или обид у нас с Леней по этому поводу не было, — поясняет Бондарик. — Всегда стараюсь претензии предъявлять сначала к себе. Если так случилось, значит, я сам виноват.

— Так вышло, — солидарен с другом Федоров. — Витя, конечно, расстроился. Но Света ж сама выбирала. Причем я был такой мальчик, неиспорченный. И специально никакими благоприятными моментами не пользовался. Все было чисто. Мы все тогда еще почти детьми оставались.

Вскоре Виктор надолго, аж на три года, ушел служить в Военно-морском флоте, а Леня и Света в 1983 году поженились.

— Обычная свадьба была, — вспоминает Леня, — веселая. Человек шестьдесят гостей. Никакой рок-н-ролльной тусы. Я тогда не очень в нее вливался. Учился в институте. Жил не в центре и лишний раз выезжать из района меня ломало.

— Сестра моя стала встречаться с Леней еще до ухода Вити в армию, — растолковывает Гаркуша. — Ее личное дело. Это жизнь, здесь никого не нужно осуждать. Тем более, Федоров мне больше нравится, чем Бондарик. Я человек откровенный. И много раз, по пьяни, это самому Вите говорил. Да я ему и сейчас, совершенно трезвый, так говорю. Думаешь, только пьяницы говорят правду?..

Амурные хитросплетения не потопили федоровский домашний бэнд. Напротив, посткарельский Гаркуша влил в него свежую кровь.

— Мы и в квартирных условиях уже репетировали песни своего сочинения, — рассказывает Федоров. — Музыку писал я, а тексты использовали различные, те, что находили в книгах и журналах. На стихи Блока что-то пели, на стихи Смелякова… В начале 1980-х ряды поэтов пополнил Гаркундель.

Я не считал тебя на пальцах,
И не терял в кромешной мгле,
И не искал, как кольца в ЗАГСе,
На красном бархатном столе…

— глаголил Олег, и Леня сразу признал в виршах потенциального родственника поэзию, достойную музыкального переложения. До настоящего «АукцЫона» еще было далеко, но авторский альянс Федоров-Гаркуша стал, конечно, семимильным шагом ему навстречу. А тут и Озерский возник…

Дима и клавиши

Побаловавшийся в пору юную эстонским табачком и ради спорта завязавший с этим вредным занятием, Леня по окончании школы опять закурил. То ли оттого, что вдруг решил пойти нелегкой металловедческой стезей и поступил в питерский Политех, дабы постичь технологию термической обработки металлов, то ли потому, что его кустарный ансамбль стал, по мнению Федорова, «реальной группой».

Из Лёниной квартиры команда перебралась на свою первую настоящую репетиционную базу — в подростковый клуб «Ленинградец» на улице Петра Лаврова (ныне ей возвращено историческое название Фурштатская) неподалеку от метро «Чернышевская», где, по рассказам Бондарика, молодым музыкантам «предоставили гитары „Урал", какие-то колонки, усилители, короче, все дела…»

Группе, которая, по смутным воспоминаниям Лени, именовалась в тот момент, «кажется, „Блю бойз"», хотелось «играть на танцах».

— Песенки-то у нас получались довольно бойкие, — констатирует Федоров. — Играли рок какой-то. Все мы в группе тогда любили примерно одну и ту же музыку: «Дип Перпл», «Лед Зеппелин», из нашего — «Земляне».

Ансамбль состоял теперь уже из бывших моих одноклассников: Лешка Виттель, Зайченко Димка, Александр Помпеев на клавишах, Бондарик и Маков. Вскоре Витька ушел в армию, а Миша еще какое-то время оставался с нами, зато потом отправился сразу в военное училище.

Видимо, Макову однокурсник Федорова Дима Озерский, «с детства баловавшийся написанием каких-то дурацких стишков, веселивших товарищей», и посвятил свой «юмористический» опус: «Твой скорбный путь к венцу военной славы, движение сквозь тернии вперед во имя благоденствия державы народ почтит, а партия зачтет. Дай Бог тебе дожить до генерала, тяжелого от водки и наград. И поглупеть не с самого начала, а лет хотя бы в 40-50. Иначе, если раньше поглупеешь, не будешь ты командовать полком. А лишь простой полковник — полысеешь, и в добрый путь простым военруком. Занятие достойное мужчины. Бог Марс простер ладони над тобой. Раз не перевелись еще кретины, то маршируй под медною трубой».

— В нашей институтской группе было человек двадцать-двадцать пять, но мы с Ленькой как-то нашли друг друга. Я однажды показал ему свои стишки, они его заинтересовали, —

воссоздает анатомию «АукцЫона» Озерский.

— Наше знакомство с Димкой произошло на почве того, что я сообщил ему о своем ансамбле, — развивает тему Федоров. — И еще сказал, что мне «Машина Времени» нравится. Озерский сразу дал мне книжку стихов своего приятеля, Олега Киселева, кажется (Димка до сих пор у него останавливается, когда в Москву приезжает), который как раз тогда писал что-то в духе «Машины», и заодно сказал, что сам может сочинять тексты. Вскоре он присоединился к нашему составу.

Если верить Федорову, мечта о выступлении «на танцах» осуществилась у его команды в 1981-м, когда она превратилась из «Блю бойз» в «Параграф», а «Параграф» вскоре стал «Фаэтоном», несколько поменял состав и даже получил грамоту на конкурсе патриотической песни среди ВИА Дзержинского района Ленинграда, проходившем в клубе «Водоканал».

— До сих пор помню, что мы исполняли песню на стихи Ярослава Смелякова, где были замечательные строчки, которые нас с Озерским очень веселили:

Не глядя на беззвездный купол
И чуя веянье конца,
Он пашню бережно ощупал
Руками быстрыми слепца…

Начиналось это стихотворение, «Судья» (1942), тоже радикально:

Упал на пашне у высотки
Суровый мальчик из Москвы;
И тихо сдвинулась пилотка
С пробитой пулей головы…

От такого военного трагизма и каверов на зарубежные и советские хиты федоровский коллектив вскоре станет плавно переходить к реалистичному абсурдизму Гаркунделя и Озерского. Последний же, параллельно с написанием текстов и участием в институтском театральном кружке, приступит к освоению игры на клавишах.

— Поначалу я в ансамбле ни на чем не играл, поскольку ни

на чем и не умел играть, — доходчиво поясняет Дима. — Конечно, три гитарных аккорда я знал, ибо, как все подростки, класса с пятого чего-то бренчал в подворотне. Потом даже попробовал заниматься на ритм-гитаре в какой-то самодеятельной команде, хотя своего инструмента у меня так и не было. Вскоре в том коллективе появились ребята, игравшие на этих самых ритм-гитарах на порядок лучше меня, и я оттуда удалился.

Когда мы встретились с Ленькой, он мне резонно посоветовал: гитаристов много, давай, начинай играть на клавишах. И хотя клавиш я прежде никогда не касался, предложение воспринял нормально. В сущности, как и на гитаре, требовалось взять те же три нотки: ту-ту-ту… Времени у меня свободного было много, и я принялся совмещать театральные занятия с музыкальными. Даже записался, будучи студентом, в музыкальную школу — на фортепиано. Но протянул в таком режиме с полмесяца и понял, что на все меня не хватает. В музыкалке было четыре-пять занятий в неделю, это чересчур. Решил осваивать инструмент самостоятельно. Тыкал одним пальцем по клавишам и разучивал песню за песней.

Не прошло и года, как Озерского вслед за музыкальной школой достал и Политехнический. Сначала он взял академический отпуск, а потом совсем ушел из чуждого ему негуманитарного вуза в Институт культуры на режиссерский факультет. Для грядущего «АукцЫона» такой трансфер Димы получился весьма полезным. Спустя некоторое время «Кулек», благодаря коммуникативности Озерского, стал поставщиком ценных кадров для раннего «Ы».

Картавый, маленький, но бойкий

> Фрики (англ. freak — странный человек) — социальные группы людей, которые стараются выглядеть очень ярко и подчас вызывающе… Из общей массы их выделяет не только внешний вид, но и своеобразные взгляды на окружающий мир, слегка неадекватное поведение. Часто это творческие натуры — художники, поэты, певцы, актеры, диджеи. Образ мышления (мировоззрение) фриков характеризуется определенной свободой от социальных стереотипов.
>
> *«Википедия»*

— В те далекие времена разделение общества по духовным признакам было гораздо слабее, чем теперь, — утверждает Озерский. — Сейчас пропасть между двоечником, не увлекающимся ничем, и теми, кто читает книжки, чем-то интересуется, — огромная. А раньше, по-моему, такой пропасти не было. Всех заставляли хотя бы некоторые вещи по программе читать. Зато достать что-то сверх того было трудно. И разрыв между культурными слоями был незначительный. Мы с Леней, например, хорошо проводили время и с разными нашими приятелями по месту жительства, и с однокурсниками по Политеху выпивали, веселились. Огромное количество людей находилось рядом, мы дружили. Но институтские ребята впоследствии, как и задумывали, стали металловедами… А Леня, Дима, Олег, даже отслуживший в армии Витя и иже с ними попали под вышеприведенную статью из сетевой энциклопедии. Тут с БГ не поспоришь (см. второй эпиграф к книге).

Самую фриковую рок-группу Советского Союза собрал и возглавил не покорившийся логопеду (об этом чуть позже) Леня, который и в школе, и на первых курсах института оставался «абсолютно советским мальчиком, комсомольцем», то есть человеком никак не восставшим против «социальных стереотипов». Федоров, строго говоря, сам являлся стереотипом. Представить его потенциальным советским инженером «на сотню рублей» было тогда проще, чем нетривиальным, одержимым музыкантом, пусть его ансамбль и продолжал регулярные репетиции в подростковом клубе.

— Глядя на окружающую действительность, я и не мыслил, что она может быть какой-то иной, — объясняет Леня. — И сравнивать было не с чем. Жил как все — в некотором смысле как

профан полный. Книги в старших классах практически забросил. Музыку слушал преимущественно ту, что издавала «Мелодия», хотя многое переписывал и у одноклассника, занимавшегося продажей пластинок. Поэтому предпочтения у меня были довольно разноплановые. Классе в восьмом я слушал второй альбом канадской прог-рок-команды Rush — «Fly by Night», «пинкфлойдовский» «The Dark Side of the Moon», «Imagine» Леннона, британскую команду 10 CC и тут же Nazareth, какие-то другие «тяжеляки». Потом только «битлов» мне довелось нормально послушать. А раньше я имел единственный «мелодиевский» миньон с их «Come together» на одной стороне и какой-то песней Харрисона на другой.

Русский рок я в школьные годы почти не знал. «Машину Времени» впервые оценил тоже в восьмом или даже девятом классе. Зато знал всякие восточноевропейские рок-команды: «Пудис», «Локомотив ГТ» и т. п. Они уже даже начали приезжать к нам на гастроли. Так что иногда попадал на их концерты. Наши ВИА я не любил, разве что «Ариэль». «Песняры» мне не нравились, «Цветы» — тоже. «Земляне» и Юрий Антонов, правда, нормально воспринимались и для исполнения на танцах годились. А еще, помнится, я с боем купил пластинку «Звезда и смерть Хоакина Мурьетты»…

Комсомолец Федоров не увлекался и песнями Владимира Высоцкого, служившими нравственным паролем едва ли не половины населения страны. Он считал их не то чтобы блатными, но недостаточно мелодичными и гармоничными.

— Мне даже советская эстрада больше нравилась, — поясняет Леня, — что-то типа Миансаровой, Кристалинской, музыки из кинофильмов. По крайней мере, я мог это слушать. Песня про медведей, например…

Гипотетически на какую-то иную трансформацию Лени (не ту, что с ним постепенно произошла) могли повлиять два момента — его избавление от врожденного речевого недостатка или раннее узнавание им драматичной истории своей семьи. Случись что-то из этого, и, возможно, в Федорове проснулся бы уверенный в себе, лихой вожак-фронтмен вроде Гарика Сукачева или непримиримый русский рокер типа Михаила Борзыкина. Однако судьба, не колеблясь, вела его от обычного к гениальному. Из скроенного по советским

лекалам студента (с легкой тягой к «зарубежной молодежной музыке», как выражались тогдашние газеты) по штришку нарисовался асоциальный, аполитичный, глубинно энергетичный, непредсказуемо креативный фрик, контрастировавший не только с «общей массой», но и с большей частью нарождавшегося

отечественного рок-индепендента.

— По молодости моя картавость казалась проблемой, — улыбается Леня. — Ее пытались исправить. Лет в двенадцать отец отвел меня к логопеду. Вышло очень смешно. Я начал заниматься, исправлять дефекты речи. Ходил туда так долго, что за этот срок три группы закончили «лечебный курс» и в них все научились говорить правильно, а я по-прежнему не мог. Логопеды обалдевали от моих результатов. Решили показать меня какому-то самому крутому специалисту, профессору, и тот сказал, что у меня «уздечка» языка короткая, надо операцию делать. Но операции я боялся настолько, что отец в конце концов просто забрал меня с этих логопедических занятий, и всё.

Комплекс по этому поводу у меня, конечно, был. Дразнили иногда, евреем называли, хотя мне как-то невдомек было, что тут особенного. Вообще, я был картавый, маленький, но довольно бойкий и быстро бегал, чуть ли не быстрее всех сверстников. А бегать иногда приходилось…

Отец Лени, чутко относившийся к желаниям сына и, думается, не в последнюю очередь повлиявший на его становление, не только спасал Федорова от скальпеля хирурга и мастерил ему первые гитары, но и оберегал от болезненной информации, ненужной, по его мнению, советскому молодому человеку брежневской эпохи. Может, в таком воспитании кроются истоки Лёниного буддистского спокойствия вне сцены, пренебрежительного отношения к политике и философского приятия того, что нельзя изменить?

— Лишь в 1993 году мне рассказали, что мой дед, бывший крутым летчиком, полковником, прошедшим в тридцатых войну в Испании, не погиб позже, во время советско-финской войны, а был повешен в 1942-м в лагере под Свердловском, — вспоминает Леня. — Его арестовали по доносу и вынесли смертный приговор, что было в сталинское время обычной практикой.

Когда батя мой, сразу после войны, в шестнадцатилетнем возрасте сам поступал в летное училище (в анкете он себе несколько лет «приписал», чтобы приняли), он скрыл от комиссии тот факт, что его отец был репрессирован. Вскоре это тем не менее выяснилось, и папу, по стопам деда, тоже отправили в соответствующие отдаленные места и освободили только в 1953-м, после смерти Сталина…

С течением институтской жизни мировоззрение Федорова все-таки начало, по его собственным ощущениям, «резко меняться». Гаркуша и Озерский, составлявшие ближний круг его общения, играли тут не последнюю роль. Дима по максимуму отслеживал происходившие в Ленинграде культурные события,

количество которых было «столь ограничено, что с равным желанием выстаивали ночь за билетами на концерт польского джаза или на чтецкий вечер Сергея Юрского». Олег уже активно тусовался в центре города, сблизился с питерскими неформалами, ходил в рок-клуб и даже наведывался на флэт к самому Бобу, жившему тогда на улице Софьи Перовской.

— Будучи членом клуба коллекционеров пластинок, — говорит Гаркуша, — я доставал много дисков, особенно «нововолновских», The Jam, Clash, Talking Heads, и показывал их Федорову. Конечно, все это им впитывалось. Хотя если послушать записи еще «Фаэтона», то там композиции были достаточно жесткие, не хард-рок, но и не нью вэйв. А потом у Лени эстетика музыкальная сменилась…

— Лет в девятнадцать мне уже конкретно нравилась новая волна, — подчеркивает Леня. — Озерский — первый, кто поставил мне «Полис». У него папа ездил тогда за границу и привозил много классных дисков. Впрочем, продвинутым сайгоновским чуваком я по-прежнему не был…

Таковым являлся Гаркундель, ни на чем не игравший, но сочинявший стихи и сдружившийся с «Фаэтоном».

— Я посетил два-три их концерта и стал у них кем-то вроде штатного звукооператора или, точнее говоря, снабженца. Работая киномехаником в кинотеатре «Современник», я, грубо говоря, имел возможность что-то со службы уносить. Провода, динамики, софиты, годные для концертных выступлений. Ничего из этого я, конечно, назад в кинотеатр не возвращал. Кстати, Бондарик когда-то попросил у меня для своего приятеля две колонки замечательные, с новейшими динамиками. Я достал. Бондарик их отдал тому человеку, и у него их украли. Так вот вещи-то хорошие исчезают…

«Волки зайчика грызут…»

В «Сайгон» и вообще в центровую тусовку я попал сравнительно поздно. Тогда, наверное, когда мы с помощью «Аквариума» пролезли в рок-клуб.

Дмитрий Озерский

Для меня «АукцЫон» начался с 1983 года, когда мы впервые в рок-клубе сыграли и я еще был не на сцене, а в зале. Шумы ставил. Вступали в рок-клуб по совету музыкантов «Аквариума». Без каких-либо целей, просто было радостью где-то выступать.

Олег Гаркуша

Если существует версия, что мы посодействовали появлению «АукцЫона» в рок-клубе, после того как «аукцыонщики» любезно пустили нас порепетировать у них на «точке», я рад этому. Но, честно говоря, не помню той истории. Хотя все репетиции «Аквариума» в восьмидесятых мне запомнились. Их и было-то три или четыре. Однажды мы действительно репетировали где-то в районе «Чернышевской». Но чья там была точка, сказать не могу.

Борис Гребенщиков, за второй чашкой утреннего чая в «В1». Осень 2009-го

То, на что не обратил должного внимания БГ, рельефно отобразилось в воспоминаниях каждого из основателей «АукцЫона». В начале 1983-го Гаркундель действительно затащил «Аквариум», уже тогда многоуважаемый, в клуб «Ленинградец», где обитал практиковавшийся на школьных танцплощадках коллектив «Фаэтон». «Затащил» — глагол в данном случае условный. Разумеется, молодые, безвестные, лишь по слухам знавшие о рок-клубе (за исключением Гаркуши), еще хиленько играющие «фаэтонщики» под любым предлогом, в любое время согласились бы лицезреть на своей базе «классиков» русского

рока. «Я слушал их альбомы „Треугольник", „Табу", — повествует Озерский, — но „Аквариум" все равно оставался для меня чем-то недоступным, обитающим где-то далеко». Однако конкретно тот визит Гребенщикова и компании в «Ленинградец» еще в большей степени требовался самому «Аквариуму». Флагману питерского андеграунда просто негде было репетировать. «Их же тогда гнали отовсюду», — напоминает Леня. И, по сути, «Фаэтон» протянул старшим коллегам руку помощи. Они это оценили. Но сначала Федоров со товарищи сполна оценили, кто к ним пришел.

«Составчик у „Аквариума" тогда подобрался — ошалеть! — восклицает Леня. — Курехин, Титов, Ляпин, Болучевский на саксофоне, Фан на бонгах…» Гаркуша в своих мемуарах вспоминает, что как только авторитетные гости принялись играть на имевшемся в клубе аппарате, «звук сразу изменился, и мы не могли понять, почему у нас был другой — естественно хуже. Курехин играл на клавишах „Юность" и хохотал, выделывая звук, как на „Ямахе" или ДХ-7». После мастер-класса последовала пьянка, братание и совет «Фаэтону» от Михаила «Фана» Файнштейна — вступать в рок-клуб. Предложение, озвученное в столь доверительной, непринужденной атмосфере, хозяева «точки» приняли легко, и вскоре «Фан» повторно заглянул в «Ленинградец» уже с целой рок-клубовской комиссией.

— Вместе с Файнштейном к нам пришли Николай Михайлов, Нина Барановская, Анатолий «Джордж» Гунницкий, Андрей Бурлака, кто-то еще, кажется… — восстанавливает цепь событий Федоров. — Ну, послушали, как мы поем свои песенки. Мы уже тогда играли что-то типа новой волны или постпанка. Пел я. А тексты были в основном Гаркуши, немного от Озерского и одна песня на стих Николая Олейникова…

Пытливым рок-клубовским экспертам в тот день и час определенно повезло. Им попались не очередные эпигоны со скромными навыками и амбициозной самооценкой, а забавные ребята, стаскивавшие в свою «песочницу» все, на что случайно набрели во внутреннем и внешнем мире, и игравшие с этими находками по-детски увлеченно, бесцельно, ради самой игры.

— Групп молодых вокруг хватало, — продолжает Леня, — но собственного материала они имели мало. В основном исполняли что-то из или под «Дип Перпл», в лучшем случае «Лед Зеппелин». А мы играли плохо, но по-своему. Наверное, этим комиссии и понравились. Хотя подозреваю, что положительной оценки мы удостоились благодаря Гаркуше. Фан замолвил за нас словечко, Джордж… Гаркуша им каким-то боком нравился, да и «Аквариуму» мы помогли.

Конечно, благоволение заслуженных «аквариумистов» к

нарождавшемуся «АукцЫону» грех недооценивать. Тем более, в тот период на барабанах в «ансамбле Федорова» стучал Женя Чумичев — племянник известного ударника Евгения Губермана, несколько лет барабанившего в «Аквариуме». Но экспертам с улицы Рубинштейна и без этих дружественно-родственных связей было чем проникнуться, прослушивая «Фаэтон». Вокалист поневоле Леня при поддержке клавишника от безысходности Димы со всей своей специфической дикцией исполнял рулевым рок-клуба тему блаженного киномеханика Олега «Лампа».

Пусть лампа красная горит,
Все для того, что жизнь прекрасна… —

и переходил к тому самому олейниковскому «Надклассовому посланию», в котором расстрелянный в 1937-м «детский» поэт жалостливо-едко констатировал:

…Страшно жить на этом свете,
В нем отсутствует уют.
Ветер воет на рассвете,
Волки зайчика грызут…

Сейчас эта тема смотрится очевидной предтечей «аукцыоновских» основ, найденных группой впоследствии образов, интонаций, вербальных приемов. А тогда она была первым проявлением федоровской интуиции, которая потом приведет Леню и «АукцЫон» к «Бодуну», «Птице», обэриутам, Хлебникову, Хвосту…

— В начале восьмидесятых я выписывал ленинградскую молодежную газету «Смена», — рассказывает Федоров. — Тогда каждой семье полагалось выписывать одну партийную газету и одну комсомольскую. «Смена» при таком раскладе выглядела лучшим вариантом. В ней уже отводили полполосы под всякие неформальные темы — заметки о рок-музыке, молодежных движениях и т. п. И там же был поэтический раздел, который вел поэт Владимир Эрль. В то время я с ним знаком не был, а сейчас мы дружим. Порой, под шумок, Эрль умудрялся публиковать в своем разделе очень интересные стихи. Даже что-то из Александра Введенского.

Я, разумеется, тогда понятия не имел, кто такой Введенский, но, прочитав его стих, почувствовал, что это очень похоже на то, что пишет Димка. Вырезал ту публикацию и принес Озерскому. Смотри, говорю, какой-то мужик, наверняка питерский чувак, пишет прям как ты. Озерский прочел и сказал: да, кайфово. Он тогда тоже не знал ни Введенского, ни обэриутов. Только Олейников ему нравился, поскольку из той поэтической плеяды его единственного еще как-то печатали в советских изданиях. Собственно, и я поэтому про Олейникова узнал.

Вообще, поначалу Озерский, конечно, на меня оказывал влияние. Он Пастернака, например, наизусть читал. Это и до сих пор его любимый поэт. Арсения Тарковского читал. А я ничего такого не читал. Мне вот нравилось, как Гаркуша пишет…

Серьезно о поэзии я не думал. Важно, чтобы текст на музычку ложился и песня получалась с «изюмом». У меня всегда сначала появлялась мелодия, а потом под нее, почти интуитивно, текст искался.

На заре нового тысячелетия Гаркундель в книге «Мальчик как мальчик» воскликнет: «Запомните этот день — 14 мая 1983 года!» Именно тогда Леня и компания узнали, что доброжелательная комиссия назначила их «кандидатами в члены рок-клуба» и определила дату их вступительного концерта. Его запланировали на глубокую осень того же 1983-го. Маршрут «Фаэтона» фактически подошел к концу. Коллектив, периодически выступавший на танцах и чередовавший в своей программе несколько собственных номеров с исполнением массы советских шлягеров («У нас обширный репертуар был, — конкретизирует Федоров, — до сих пор помню, что он состоял из 54 песен. Антонова пели, „Траву у дома", и „Каскадеров" из „Землян", „Поворот" и „Синюю птицу" из „Машины Времени" и т. п.»), стал готовиться к первому настоящему концерту и смене названия.

— Как только мы узнали, что нас будут принимать в рок-клуб, мы спешно пошли пьянствовать и придумывать себе новое имя, — повествует Леня. — Накупили портвейна, открыли словарь, стали листать, но дальше буквы «А» не двинулись. Остановились на слове «аукцион».

Перманентно сомневавшийся в своем фронтменском потенциале Федоров привлек в переименованную команду вокалиста Валерия Недомовного. На басу вместо отдававшего долг родине Бондарика играл некто Фикс, на барабанах, как уже говорилось, Чумичев, на гитаре Сергей Мельник, на клавишах, само собой, Озерский. Гаркуша олицетворял нечто среднее между звукооператором, директором и пиарщиком коллектива, примерно те же функции были у Сергея «Скво» Скворцова, давно

тусовавшегося с Гаркунделем и соорудившего еще для «Фаэтона» мобильную светоустановку, «пошаговую такую». «В ней было шесть прожекторов, которые последовательно включались при нажатии специальной кнопочки», — умиляется Озерский.

Память, как уже отмечалось в начале данной книги, не самое сильное качество «аукцыонщиков» и их окружения, поэтому даже краеугольная дата первого пришествия группы в главную советскую рок-обитель существует в двух вариантах. Гаркундель утверждает, что дебютный сейшен «Ы» на Рубинштейна состоялся 10 октября 1983-го. Присутствовавший при том событии Бурлака говорит о 18 ноября того же года. Впечатления от первого «аукцыоновского» сольника, впрочем, у всех, кто был к нему причастен, сходятся. Команда не блеснула, но пропуск в официальное питерское рок-семейство авансом получила.

Застрелиться можно сразу

В рок-клуб нас приняли, но до конца 1985-го мы там ничего особенного из себя не представляли. Так, молодая группа…

Леонид Федоров

Ошеломить всех своим рок-клубовским дебютом у «АукцЫона» не вышло. Причем не вышло настолько, что, по утверждению Гаркуши, после вступительного концерта «Ы» Леня и Олег «сидели в гримерке и плакали горючими слезами». Гаркундель, пожалуй, раньше и полнее всех ощутил «нервяк» и проколы того сейшена, поскольку оценивал все, сидя за звукооператорским пультом.

— Для нашей программы я купил в магазине пластинки с шумами, — рассказывает Олег, — и записал разные фонограммы — шум дождя, звук уходящего поезда и т. п. Магнитофон, на котором я собирался их прокручивать, должен был доставить в зал Скворцов. Так вот, еще минут за двадцать до нашего выхода на сцену ни его, ни магнитофона в рок-клубе не было.

Скво с нужной техникой появился-таки на Рубинштейна, что называется, «на флажке» и поведал стремную историю о своем задержании на улице милицией и дальнейшем выпутывании из ситуации. Но это быстро стало мелочью по сравнению с тем обломом, который испытали «аукцыонщики» в ходе самого концертного сета. Гаркуша описал его в собственной книге, скупым, телеграфным слогом: «Музыканты потихоньку выходят. Им вроде хлопают. Грим. Необычные костюмы. А звук — полное говно. Я до сих пор не могу врубиться, почему на настройке все более-менее звучит, а на выступлении — жопа». Более велеречиво-дидактично подытожил презентацию «АукцЫона» в своей энциклопедической статье Андрей Бурлака: «…живописно костюмированная группа отыграла свои песни бойко, но несколько невнятно и вызвала добродушную, однако не особо серьезную реакцию зала, хотя уже тогда был отмечен ее несомненный мелодический потенциал и нестандартный подход к визуальному оформлению своих выступлений».

Потенциал, оно, конечно, хорошо, но Леня-то думал и повторял в тот момент совершенно другое: «Мы сыграли отвратительно, программа сырая, звучали фигово. Исполнили нашу „Лампу", но и она особого резонанса не вызвала…»

Когда выступали следующие участники того вечера, «Союз

любителей музыки рок», «Стандарт», понурые «аукцыонщики» уже пили горькую в буфете, и, как очень быстро выяснилось, то были «поминки» по первому составу «Ы».

— После этого концерта, — повествует Гаркуша, — трое от нас свалили: вокалист, басист и барабанщик. Затем нас выгнали с репетиционной точки, и, до кучи, у нас украли аппарат.

Застрелиться можно сразу. Однако никто из нас стреляться не стал. Напротив, расправили крылья и через два года собрались, сделали программу «Вернись в Сорренто», после которой стали королями не королями, но личностями весьма известными.

Сейчас такая ретроспекция звучит гордо и победоносно, но тогда на светлое будущее «АукцЫона» поставили бы немногие.

— Мы вступили в рок-клуб и почти сразу развалились, — вздыхает Леня. — Барабанщик наш ногу сломал. Потом у нас начался какой-то раздрай. В 1984-м мы фактически не существовали. Хотя Гаркуша какие-то слухи о нас распускал, и «АукцЫон» превратился почти в мифическую группу. О ней знали, иногда что-то говорили, но никто нас не слышал.

Если опираться на фатальный принцип: все, что ни делается, — к лучшему, тот «аукцыоновский» ступор после осеннего сейшена-83 выглядит благом. Несмотря на все огрехи «вступительного» перфоманса, в рок-клуб группу приняли. То есть основная в тот период задача решилась. «АукцЫонщики» перестали быть просто прикольными ребятами с улицы и влились в созвучную им среду. Покатись они в ней сразу как по маслу, получи сплошные восторги за первые свои опусы и эксперименты, могли и нюх потерять. А так — остановились, продышались, подумали, осмотрелись, перекурили… И двухлетний тайм-аут обернулся для «Ы» в некотором роде полезной медитацией.

— До нашего принятия в рок-клуб я вообще смутно понимал, что он собой представляет, — признается Федоров. — Но когда попал туда, почувствовал, что это некий оазис. Всюду ведь царил такой мрак: на улице, на работе… Вот, приходишь на работу, вроде нормальные с виду люди вокруг, а с ними не то чтобы скучно, но как-то никак… А в рок-клубе возникало ощущение семьи. Мне тогда казалось, что в Москве музыканты размежеваны, а у нас, в Питере, тусовка выглядела более сплоченной, доброжелательной, позитивной. Никаких драк. Все одевались ярко. Серятина сразу уходила.

Ленинградский рок-клуб не только являлся местом знакомств креативной молодежи, но и предоставлял своим членам полезные преференции.

— У принятых в рок-клуб групп была возможность хотя бы

один-два раза в год выступать на большой сцене и участвовать по крайней мере в отборах к фестивалям, — поясняет Леня. — А если уж отбирали на сам рок-клубовский фестиваль — вообще здорово. Это еще одно гарантированное крупное выступление и шанс получить потом приглашение поехать с концертом на какой-нибудь завод.

К «АукцЫону», сами понимаете, подобные перспективы поначалу отношения не имели. Команды-то в реальности не было. Однако ее руководитель и, соответственно, член рок-клуба Федоров наличествовал и пользовался другими льготами принявшей его организации.

— Я получил возможность посещать разные рок-концерты, — вспоминает Леня. — Нам в клубе давали на них билеты. И я постоянно ходил, слушал всякие группы. У меня вырабатывался какой-то собственный вкус. На первых порах запомнились «Пикник», «Зеркало», «Преферанс», «Мифы» с песней «Черная суббота». «Аквариум», конечно, был интересен. «Зоопарк» я спокойно воспринял. А больше всего вставили «Странные игры». Я понял, что это мне по-настоящему нравится.

Проект пионеров российского ска Александра Давыдова и братьев Гриши и Вити Сологубов стал для «аукцыонщиков» определенной точкой отсчета.

— Одна моя знакомая, — с довольной улыбкой рассказывает Гаркуша, — впоследствии ставшая женой нашего барабанщика Игоря Чередника, в разгар популярности группы «Странные игры» (которую я очень любил и люблю до сих пор) сказала мне: «Вы никогда не станете круче, чем они». Это было в конце 1983-го или начале 1984-го. И я ответил: «Ну-ну, посмотрим, посмотрим…»

— С 1983-го по 1985-й я искал новых музыкантов, — говорит Леня, — поскольку четко осознавал, что «АукцЫон» должен играть значительно лучше, чем прежде. Ждал Витьку из армии, иногда встречался с Гаркушей, Озерским. Помнится, мы пытались что-то репетировать с парнем, который играл с Цоем в «Палате № 6». Потрясающий музыкант, кстати. Он пел и играл на всем, барабанщиком был потрясающим, но потом куда-то исчез.

Нам хотелось сделать веселую, драйвовую группу, как «Странные игры», только круче, чтобы все плясали. Тексты «Кино», даже «Аквариума» уже не вдохновляли, тянуло к чему-то совсем абсурдному. «Странные игры», скажем, делали песни на стихи Поля Элюара, Козьмы Пруткова. Мы понимали, что сами-то не Элюары, зато готовы сыграть еще отвязнее «Странных игр» и всех остальных…

Чирик, Принц и Волк

Думаю, что первый состав, который действительно можно определить как «АукцЫон», образовался у нас с появлением в группе барабанщика Игоря Черидника.

Дмитрий Озерский

«Ну, спой что-нибудь», — предложил ударник рок-команды «Электростандарт» Черидник Лене Федорову, заглянувшему к нему на репетиционную точку в ленинградской вневедомственной гостинице при объединении «Авангард» на улице Металлистов. Лидер «полумифической» группы «АукцЫон» запел панковскую тему «Телега», написанную им на стих Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, народного поэта Литвы Эдуардаса Межелайтиса:

Я короб на колесах.
И в дождь, и в зной
Маячит конский зад
Передо мной…
Но что мне конь, куда бы он ни вез —
Лишь только б не остаться без колес.
Я телега, я телега…

«О, круто! — воскликнул Игорь. — Мне нравится, я буду у вас играть». Дело было, надо отметить, на последней «электростандартовской» репетиции. Группа с точки съезжала, и вездесущий Гаркундель, познакомившийся через свою сестру и Лёнину жену Свету с руководителем «Электростандарта», экс-участником «Аргонавтов» Сергеем Белолипецким, получил от последнего наводку на освобождавшееся насиженное место. Федоров в тот вечер как раз и приехал «на Металлистов» осмотреть «точку» и пообщаться с «хозяином апартаментов» по фамилии… Принц. А тут нарисовался Черидник, по прозвищу Чирик («летун», как сказали бы в годы «укрепления социалистической дисциплины труда», изучив карьерные зигзаги Игоря; перемещение из одной группы в другую было для него привычным занятием), которого Леня тут же переманил.

— Выяснилось, — продолжает Федоров, — что мы с ним оба

любим группу «Полис». Потом я спросил: не хочет ли он у нас поиграть? И рассказал, что ансамбль — это я, Гаркуша, есть клавишник, скоро придет саксофонист. Мы тогда уже нашли Федоровича…

Альт-саксофонист Николай Федорович, поигравший в питерской «Библиотеке» и знаменитых «Джунглях», стал и долгое время оставался «единственным профессиональным музыкантом в группе», по определению самих же «аукцыонщиков».

Вдохновленный внезапно возникшей вакансией и тем, что лично ему никуда переезжать не придется, Чирик тут же подключился к разговору с Принцем. Видимо, начальник с монаршей фамилией Игорю доверял и, услышав от него убедительную фразу: «Я их послушал. Отличные ребята», — пустил «АукцЫон» в свои владения.

«В одночасье нам достались и удобная точка, и барабанщик, — радостно вспоминает Леня. — Через неделю с нами стал репетировать Федорович, и обнаружился новый вокалист — Аркаша Волк». Последний спустя годы накопит богатый административный опыт, поработав директором «Двух самолетов», «Препинаков», «Игр», а в краткий миг своего пребывания в «Ы» Волк проявил деловитость, отыскав для коллектива басиста. «Аркаша привел своего приятеля из Красного села», — упоминает в мемуарах Гаркуша.

— Где-то с февраля 1985-го мы опять, после длительного простоя, начали активно репетировать, — говорит Федоров. — А весной, наконец, вернулся из армии Витька, и как-то так совпало, что в то же время от нас ушел Волк и его друг-басист…

Бондарик все три своих военно-морских года с Федоровым переписывался.

— Ленька присылал мне в армию кассеты рок-клубовские, и я на корабле гонял «Аквариум», «Кино»… — рассказывает Бондарик. — Плюс там у нас был ансамбль, мы «снимали» песни «Машины Времени» и т.п. Я обнадеживал Леньку — вот приду, и все у нас будет нормально, начнем играть. И первое, что увидел после возвращения домой, — концерт «Джунглей». Просто супер! Сразу появились мысли: где я со своим исполнительским уровнем и где такие группы! До них как до луны. Но Леня очень спокойно мне сказал: у нас есть песни, давай их делать и играть. К осени мы уже подготовили программу «Вернись в Сорренто».

Феерическое сочетание плохо сочетаемого — это, конечно, федоровский конек. Для повторного вторжения в рок-клуб он всей силой своей неприметности соединил в одной команде дембеля Бондарика, со скромными возможностями басиста, и духовика Федоровича, из той самой команды «Джунгли», на которую Витек

поглядывал снизу вверх, одного из лучших питерских барабанщиков того периода Черидника и «одним пальцем» играющего клавишника-театрала Озерского. Сам же Леня при первой возможности уступил пост у микрофона сладкоголосому тенору Рогожину, и вся эта компания с азартом стала превращать в хиты издевательские песни на тексты своего колоритного звукооператора Гаркунделя. Сработало идеально!

— У Леньки всегда была сильно развита интуиция, — подтверждает уже звучавшую в этой книге мысль Озерский. — Не думаю, что он логически осознавал, зачем меня приглашает, когда во второй раз позвал в группу. В тот момент в моей жизни происходила масса других, не касающихся музыки событий. Я учился на режиссерском факультете в Институте культуры, а там, как в любом творческом вузе, был достаточно плотный график, и скучать не приходилось.

На клавишах за время паузы в деятельности «АукцЫона» я играть не разучился, поскольку особо и не умел. Музыка для меня оставалась чем-то вроде семейной радости. Я не воспринимал наши прежние выступления как серьезные концерты и потому не считал, что нам так уж обязательно уметь хорошо играть. Играют в консерватории. А мне, театральному человеку, приятно просто выходить на сцену и не важно, что при этом делать: стучать погремушкой, чего-то кричать, прыгать и т.п.

Гравитационный центр нового, вернее, «неразрывного» с тех пор «АукцЫона» образовали два несхожих по стремлениям и конституции человека с абсолютным взаимопониманием.

— Я никогда не придавал большого значения текстам, да и сейчас не придаю. Считаю, что музыка — серьезнее и важнее, — заявляет Федоров, словно в ответ на вышеприведенную тираду Димы. И тут же признается: — Я знал, что мы с Озерским неразрывны. Даже когда он перешел в другой институт и общаться мы стали значительно реже. Песни-то изначально вместе сочиняли и понимали, чего хотим. Мне никогда не приходила в голову мысль пригласить вместо него более профессионального клавишника. Мы как-то и так справлялись.

— Наверное, если бы нам встретился подходящий человек, хорошо играющий на клавишах, то вопрос о моем удалении из «АукцЫона» все равно бы не встал, — предполагает Озерский. — Просто в группе играли бы два клавишника.

И в этих спокойных словах вся непроизвольная логика «Ы». Еще тогда, в середине 1980-х, «АукцЫон» обрел признаки группы-коммуны, странноприимного дома, куда возможно зайти и где можно остаться любому — и так же свободно уйти, если захотелось. «В „АукцЫоне" собрались давние друзья или люди с

похожими взглядами на жизнь», — считает Леня. «„АукцЫон" по сути — коллективная личность, — анализирует Дима. — Кто-то тексты пишет, но на клавишах играет скверно, а кто-то отлично играет на барабанах, но предлагаемые тексты ему до лампочки. И ни-чего — у каждого из нас свои любимые интересы. А вообще „Ы" — это болото. Люди в него попадают и вязнут. Кому удается выкарабкаться, тот сбегает. Остальные остаются навсегда. Что их засасывает? То, что в „АукцЫоне" всегда происходит что-то интересное».

Они еще как «неразрывны» — моторный, компактный Леня и плавный, тучный Дима. Уже в те молодые годы сей тандем мог «образно говоря, под сигарету, за 10-15 минут написать песню». «Нашел Федоров какой-то рифф, — поясняет Озерский, — мы шли в туалет, перекуривали и сочиняли тему, которую потом играли несколько лет».

Рогожин и «засланные казачки»

> Года через полтора после окончания Политеха я понял, что не стану в дальнейшем работать по специальности, а буду музыкантом.
>
> *Леонид Федоров*

Молодой специалист-металловед производственного объединения «Русские самоцветы» Леонид Федоров, продолжавший формально числиться вместе со своим коллективом «АукцЫон» (тогда еще через «И») членом ленинградского рок-клуба, летом 1985-го, пожалуй, впервые ощутил, как на него «накатила суть». За несколько теплых месяцев, чередуя беспонтовые трудовые будни с «вяленькими пока» репетициями и выездами за город, Леня сочинил фактически весь материал для первой по-настоящему самостоятельной программы «Ы», которая очень скоро принесла группе победы, популярность и оказалась кладезем хитов, исполнявшихся потом на «аукцыоновских» концертах многие годы. «Книга учета жизни», «Чудный вечер», «Женщина»,«Волчица», «Деньги — это бумага»… Тексты Озерского и Гаркуши, резво избавлявшиеся от любительской угловатости, прямолинейности, шаблонности и обретавшие шутовство, изощренную наивность, ироничный сюрреализм Саши Черного, были в равной мере подвластны федоровскому мелодизму, вдруг брызнувшему фонтаном.

— Эти песни родились в сжатый срок, — подчеркивает Леня, — фактически за одно лето. Иногда я писал музыку на готовый текст, иногда на какую-то показавшуюся удачной фразу. Скажем, «Волчица» (ее я сочинил на даче) появилась из одной строки Гаркуши «он идет к своей волчице». Дальше я придумал мелодию, а Озерский на нее дописал остальные слова.

Разница между «АукцЫоном», принятым в 1983-м в рок-клуб, и одноименной группой, готовой напомнить о себе после двухлетнего «карантина», возрастала стремительно. Но на Рубинштейна мало кто об этом догадывался, ибо никаких «аукцыоновских» записей, тем более концертов (кроме того давнишнего, вступительного) никто пока не слышал. В руководстве рок-клуба за этот период и людей прибавилось. Появились такие, кто вовсе никогда не видел «живьем» участников «Ы» и даже приблизительно не представлял, в каком стиле эта команда играет.

Осенью 1985-го нехило укрепившемуся составу «АукцЫона» с бронебойным и сенсационным на тот момент репертуаром и имиджем предстояло, в сущности, заново прописаться в рок-клубе, пройдя те же испытательные стадии, что и в первый раз.

— Нас там уже порядком подзабыли, — рассказывает Леня. — Хотя Гаркуша продолжал какие-то слухи об «АукцЫоне» распространять. Когда мы начали осенью активно репетировать, к нам на точку стали приходить разные интересующиеся люди, всякие панки продвинутые. Слушали, говорили: «О, круто!»

Поскольку от нас ушел Волк, а мой комплекс в отношении собственного вокала сохранялся и я считал, что нам нужен солист, мы периодически просматривали кого-то на эту роль. Но никто у нас не задерживался, до тех пор пока Озерский не нашел Сергея Рогожина…

— Не сказал бы, что мы вели целенаправленный поиск вокалиста, — дополняет Бондарик. — Просто Ленька все еще не чувствовал в себе уверенность фронтмена, и было понятно, что кто-то нам на это место нужен. И тут Димка сказал, что в его институте учится парень, который очень хорошо поет.

— Озерский подошел ко мне однажды в перерыве между лекциями в Институте культуры, где мы оба учились, и по-свойски так сказал: «Чувак, мы слышали, ты хорошо поешь», — вспоминает Рогожин. — Для меня тогда подобное обращение было непривычным. Я ж приехал в Питер из провинции этаким интеллигентом в маминой кофте. В молодости я все заблуждался на свой счет и думал, что стану оперным певцом. Примечательно, что масса людей помогала мне утверждаться в этом заблуждении. Поэтому сперва я решил поступать в Институт имени Гнесиных. Прослушивался там у самой Зары Долухановой. Потом пробовался в ГИТИС, во ВГИК, в столичные театральные вузы, в конце концов судьба привела меня в Питер, где я подумал, что профессия режиссера привлекательнее актерской. Если ты актер, то тебя имеет кто захочет, а когда ты режиссер, то сам всех имеешь. И я поступил на режиссерское отделение в Институт культуры. Пение при этом не забросил. Даже записал пару своих кассет, которые разошлись по общаге, где я жил, по институту. Меня начали приглашать выступать на различных вечерах. Среди студентов возник слух о моем неплохом вокале. При этом репертуар у меня был совсем не рокерский, а какие-то популярные арии, романсы…

И тут вдруг Дима со своим вопросом. Я ему в ответ: «Ты сам-то слышал, как я пою?» Он сказал: «Нет. Но мне рассказывали». «Так, и что у вас за группа?» — интересуюсь. Озерский сказал: «„АукцЫон", Ленинградский рок-клуб». А тогда одно лишь

словосочетание «рок-клуб» вызывало уважение. Это же Гребенщиков, Цой, Кинчев — уже «живые» легенды. Долго сомневаться не пришлось. «А когда я нужен?» — спрашиваю. «Еще вчера, — говорит Озерский. — Поехали». И мы отправились прямо из института куда-то в неведомое мне место, забив на оставшиеся у нас в тот день лекции…

Понятия не имевший об «АукцЫоне» Рогожин, по собственному определению, попал в тот вечер на «кастинг». Однокашник Дима притащил его в ДК Металлистов на Кондратьевском проспекте в судьбоносный час прибытия туда же очередной рок-клубовской комиссии, намеревавшейся подтвердить или дезавуировать членство «Ы» в упомянутой организации и решить, достоин ли сей коллектив стать кандидатом на участие в ближайшем IV фестивале рок-клуба (то есть назначить группе дату официального презентационного концерта). Комиссию, между прочим, привести на прослушивание оказалось проблематичнее, чем Рогожина.

Отдельных предводителей Ленинградского рок-клуба «неправильность» и безыдейность таинственного «Ы» почти бесила.

— Как только мы отдали на «литовку» в рок-клуб наши новые тексты, сразу случился скандал, — улыбается Федоров. — Их стали разбирать с чрезвычайным пристрастием, еще до того, как нас «живьем» послушали. В частности, создатель «Санкт-Петербурга» Владимир Рекшан, заведовавший тогда в рок-клубе поэтическим семинаром, разбил тексты Димки и Олега в пух и прах, назвав их безграмотными. Нас обвинили чуть ли не в том, что мы засланные казачки — от кагэбэшников и наша задача развалить сплоченное рок-сообщество.

Я, правда, на подобный семинар лишь однажды заглянул и больше туда не ходил. Я был тихим, интеллигентным человеком, вообще не шумел и чувствовал, что там мне делать нечего. А Гаркуша эти собрания посещал и с помощью все того же Бурлаки сумел-таки вновь заманить к нам на точку рок-клубовское руководство…

— Захожу в ДК Металлистов, — продолжает Рогожин, — вижу пустой зал, где сидит комиссия, человек пять наверное. Тоже сажусь неприметно на стульчик в уголке, смотрю… На сцене безумие просто: носится Гаркуша со своей странной пластикой, поет Леня Федоров, не выговаривавший тогда, по-моему, 32 буквы алфавита. А текст-то тогда в нашей рок-музыке считался первичным…

Комиссия смотрела, смотрела и вынесла вердикт: вы или солиста к логопеду сводите, или поменяйте его, что ли?

«АукцЫонщики» стояли растерянные. Им же нужно было одобрение, фестиваль впереди. А их все «банят» и «банят», выражаясь сегодняшним сленгом.

Тогда Леня спросил у Озерского: «Привел?» Тот отвечает: «Привел». Они поворачиваются к комиссии и заявляют: у нас есть солист. Вот он — в зале сидит. Это Леня говорит обо мне, не видев и не слышав меня до этого момента никогда. Полнейшая авантюра. А я не знаю ни одной песни «АукцЫона»!

Кто-то из комиссии предложил: раз у вас есть солист, пусть выйдет и споет. Леня мне со сцены: «Ну чего, споешь?» «Спою», — говорю. И пока я иду к сцене, судорожно думаю: «Что мне спеть-то сейчас? Ариозо Германа из „Овода" не подойдет, ария индийского гостя из „Садко" — тоже. И „Белеет парус одинокий" — не то, и народные песни…» Перебираю весь свой репертуар и понимаю, что в нем нет ничего подходящего для данной ситуации. И тут меня осенило. Когда-то в Запорожье, где я вырос, к нам приезжала венгерская группа «Пирамеш» — хардилово такое. Мне страшно понравилась у них одна рок-баллада. И мои знакомые венгерские студентки, проходившие тогда практику в нашем местном вузе, меня этой песне научили. Ее я и решил исполнить.

Выхожу на сцену, пацаны из «АукцЫона» спрашивают: «Ну что, тебе подыграть?» «Не надо», — говорю.

И начинаю петь а капелла эту тему на венгерском языке!.. Комиссия офигевает, «АукцЫон», застыв, стоит на сцене. Это было из серии непонятно, но здорово. Я допел, и за моей спиной раздались одиночные аплодисменты. Хлопали сами «аукцыонщики». Из зала говорят: «Ну вот, у вас, оказывается, солист отличный, все слова слышны. Что же вы раньше о нем молчали?» Потом комиссия свинтила, и «АукцЫон» вновь приняли в рок-клуб.

Тут появляемся мы и хихикаем

Однажды в «Сайгоне» встретился с Гаркушей. Я был ярким художником, он — ярким тусовщиком. «Не хочешь ли поработать над оформлением программ „АукцЫона"?» — поинтересовался у меня Олег. Что это за группа, я не представлял, но предложение поступило от колоритной личности, и я подумал, что должно быть любопытно.

Кирилл Миллер

В середине 1980-х большинство питерских рок-музыкантов мигрировали из группы в группу или совмещали участие в нескольких проектах. Барабанщик «Ы» Игорь Черидник, с которым я играл в «Оркестре профессора Мориарти», как-то пригласил меня на репетицию «АукцЫона», поскольку на носу был рок-клубовский фестиваль и у них созрела идея расширить свою духовую секцию. Что играет «АукцЫон», я совершенно не знал, но друг позвал, и я откликнулся.

Николай Рубанов

Магнетизм почти никому неведомого «АукцЫона» продолжал превращать группу в некий сказочный «теремок», где поселялись под одной крышей — для совместных экспериментов, безумств и удовольствия — все новые и новые, непохожие друг на друга личности. Вслед за несостоявшимся оперным певцом, провинциальным украинским интеллигентом Рогожиным нарисовался коренной питерец Миллер — эксцентричный, от всего независимый художник с ксивой маляра, полученной им по окончании ленинградского ПТУ № 61.

О первом «приводе» господина-оформителя на репетицию «Ы» Гаркундель написал в мемуарах так: «…от вида Миллера и от его бешеной энергии все упали в обморок, но собрались и устроили маленький концерт. Ему, конечно, понравилось…» Кирилл Семенович, надо отметить, был слегка постарше обитателей «аукцыоновского» балаганчика и столь уж однозначно всему, что увидел, не умилялся. Бесспорно, эти молодые ребята импонировали его фриковской душе, но их спонтанное озорство нуждалось, на его взгляд, в некой театральной концептуализации. «Аукцыонщики» спорить с ним и не помышляли. Все были только «за». Для того, в принципе, Миллера и позвали. Пусть творит под

сенью «Ы» что заблагорассудится. Здесь канонов и законов нет, сплошное буйство развеселых натур.

— До знакомства с «аукцыонщиками» я с рок-музыкантами особо не контактировал, — повествует Кирилл. — Разве что с Гариком Сукачевым пересекался. Он даже предлагал мне с ним поработать, но как-то не сложилось. Все-таки «Бригада С» в Москве обитала… А когда я сообщил ему, что начал с «АукцЫоном» взаимодействовать, вопрос сам собой закрылся. Сукачев же, полагаю, рассчитывал на эксклюзивность…

«АукцЫон» мне хотелось превратить в стильный, оригинальный коллектив, не копируя какие-то западные образцы. Изначально, на мой взгляд, они все же двигались по пути пародии, подражания. Панковали, как-то дежурно раскрашивали свои лица… В те времена почти все наши любительские рок-команды так поступали. Мне это было малоинтересно, поскольку никакой концепции тут не просматривалось и никто в «Ы» о ней толком не задумывался. Хотя у группы прослеживался потенциал для театрализации своих номеров. В ее рядах наличествовал такой человек, как Гаркуша, — не певец, не музыкант, а подлинный фрик, готовый персонаж для жизни на сцене. От него и стоило вести некую театральную линию «АукцЫона». Ребята были открыты для принятия моих идей, и мы стали творить нечто протестное, но не массового, не манифестного свойства, а интеллектуально-эстетического.

— Мы были податливой глиной для любого эксперимента, — подтверждает миллеровские слова Озерский, — и близки тому, что придумывал Кирилл. У него получались интересные декорации и костюмы. «АукцЫон» постепенно становился этаким сообществом клоунов, превращавших некоторые свои концертные номера в гротескные мини-спектакли. Мы и к картинам Миллера относились скорее как к карикатурам на что-то, не выискивая в них серьезный протест.

— Озерский сразу схватывал эстетику, к которой я стремился, — подчеркивает Миллер. — Помню, однажды он сказал, что хочет выступать в рубашке с божьими коровками, но чтобы головки у коровок были нарисованы отдельно от туловищ. Всё — для меня вопросов нет. Понятно, что фантазия этого человека абсолютно сочетается с тем, чего я хотел достичь с «АукцЫоном». Я нашел подходящую Диме рубашку и вручную разрисовал ее, согласно оговоренному эскизу. Когда рубашка слегка застирывалась, я подправлял нанесенный на нее рисунок…

— Все как-то удачно у нас тогда сложилось, — оценивает Леня. — Примерно в одно время появился Миллер с идеями наших костюмов, Федорович с саксофоном, Рогожин с таким

запоминающимся вокалом, что мы стали уже специально для него песни сочинять. «Книгу учета жизни» он, например, с ходу запел. И Гаркуша вышел на сцену.

— В тот период мне нравилось ходить на репетиции, — говорит Олег, — хотя я по большому счету никто: не музыкант, не танцор, не поэт, не актер. Но так вышло, что постепенно я предстал во всех этих ипостасях. Моя сценическая история как раз и началась с репетиции. Федоров попросил меня в песне «Деньги это бумага» пропеть или прокричать строки: «Будет в будущем все без денег, / А сегодня хорошо. / А сегодня я бездельник, / На работу не пошел». Я это сделал, всем понравилось, после чего мое пребывание на сцене стало постоянным.

— Да, как-то само собой получилось, что Олег стал с нами выступать, — рассуждает Озерский. — После той пробы на репетиционной «точке» никто в группе против такого дополнения к нашим концертам не был. Олег и так везде, где возможно, публично читал свои стихи, плюс к тому танцевал, стиляжничал. Как он может двигаться, мы более-менее представляли. Это выглядело не совсем так, как сейчас происходит. Гаркуша больший упор делал на своеобразную пантомиму…

К своему презентационному или отборочному (на фестиваль) рок-клубовскому концерту осени 1985 года «АукцЫон» предстал уже реальной стихией, непредсказуемой и художественно-нахальной.

— В руководство рок-клуба входили отдельные люди, которым мы нравились: те же Бурлака, Файнштейн, — вспоминает Леня. — А прочие «авторитеты» смотрели на нас как на что-то несуразное, не имеющее отношения к устоявшимся рок-клубовским традициям. Там же были свои фавориты: «Пикник», «Мифы», «Аквариум», «Кино», «Зоопарк». А мы — вообще другие. Пишем, с их точки зрения, графоманские тексты, исполняем абсолютно асоциальные песни… Восхищались только нашим барабанщиком, а остальные в «АукцЫоне» кто такие? Черидник, к слову, действительно был тогда, на мой взгляд, лучшим из барабанщиков в рок-клубе. Он, по-моему, единственный, кто мог ритмически играть. И пил он в тот момент еще немного, как, собственно, и Гаркуша. Мы вообще бухали скромно. По сравнению, скажем, с «Россиянами» или «Зоопарком» мы просто трезвенниками смотрелись. Они на сцену могли никакими выйти, но выглядели при этом рок-героями. А мы — совсем не герои, скорее антигерои. У нас Гаркуша к публике выходит — просто урод, конкретно эпатажный, с ним еще вокалист «голубоватого» вида, Рогожин то есть, и другой чувак поющий, который букву «р»

не выговаривает. Все в непонятных одеждах, поют что-то бредовое, кривляются, а зацепиться критикам не за что. Мы же никаких лозунгов и идейных установок не озвучивали, ничего не провозглашали. «АукцЫон» занимался веселым музыкальным издевательством.

— В рок-клубе, помимо концертов, еще какая-то жизнь бурлила, — добавляет Озерский. — Люди собирались на диспуты, что-то обсуждали, голосовали. И делали это абсолютно искренне и серьезно. А тут появляемся мы и хихикаем. Нам потому и тексты иногда со скрипом «литовать» приходилось, в них не проглядывала наша гражданская позиция, не было призывов, борьбы с чем-либо, реализма. Экспертам это казалось провокацией, мол, какую дурь приходится «литовать»…

Дважды два равно три

За первый год пребывания в «АукцЫоне» я обрел долю здорового цинизма, необходимого каждому мужчине, чтобы при слове «жопа» не падать в обморок.

Сергей Рогожин

Своевременно обнаруженный Озерским в недрах питерского «Кулька» сладкоголосый певец Рогожин хотя и покорил «аукцыонщиков» при всей честной рок-комиссии вокальными навыками, еще какое-то время сомневался — туда ли его занесло? Оставшиеся в родном Запорожье мама и жена поначалу, естественно, не ведали, на какую дорожку свернул их интеллигентный Сережа. А он им рассказывать о своих новых рок-клубовских коллегах не спешил, ибо сам себе еще не ответил на вопрос: подходит ему «АукцЫон» или стоит подождать каких-то более солидных предложений?

«Попсовым Рогожин в те годы не был, — анализирует Гаркундель, — но от нас, питерских „гопников, наркоманов, алкашей" (как считала советская пресса и обыватели), конечно, отличался». «В нашем коллективе Сергей на первых порах немного особняком держался. Культурненький был, правильный, не пил», — дополняет рогожинский образ Леня. Тем не менее ассимилировался в «Ы» новый фронтмен быстро.

— Слишком серьезно к тому, что делал «АукцЫон», я не относился, — признается Рогожин. — Но решил-таки вписаться в группу, как в творческий эксперимент. В подобной атмосфере я никогда прежде не находился, и такой опыт меня манил. Прикольно, что позже кто-то из «аукцыонщиков» мне рассказал, как в моем присутствии они стеснялись ругаться матом…

Перебравшаяся вскоре к Сергею в Питер супруга с большим интересом выслушала новости о радикальных творческих изысканиях мужа, и, по словам Рогожина, «шока у нее не случилось». Однако в тусовку она не влилась. «Там у нас были все эти жуткие барышни с начесами, — вспоминает Сергей, — а мы со Светланой до этого в театре работали…»

В сущности, Рогожин и остался в театре, только далеком от академизма, оседлости, чьей-либо жесткой режиссуры и «вертикали власти».

— В «АукцЫоне» никто не пытался переделывать, переламывать меня под стиль группы, — подчеркивает Рогожин. — Напротив, думали о том, как меня, такого, каков я есть,

вписать в общую картинку. И так происходило в этой команде с каждым, благодаря чему, я считаю, тот «золотой» состав «Ы» имел охренительный успех. Абсолютно разные люди фантасмагорическим образом вписывались в единое шоу…

Лекала питерского рок-клуба вот-вот должны были затрещать под натиском столь иррациональной «аукцыоновской» силы. Она не искала направлений и не нуждалась в них. Можно было лишь наблюдать за ее действиями со стороны или присоединяться к ней, как к цыганскому табору.

— В сущности, мы сразу дистанцировались от рок-клубовской среды, — развивает Леня тему независимости «Ы». — Помимо музыкантов в наш круг входила куча людей: художники, дизайнеры, панки… Это была внушительная компания более чем из двадцати человек. В рок-клубе к нам относились настороженно, поскольку мы казались другими и при этом никак от руководителей клуба не зависели. Нам по большому счету ничего от них не требовалось. Никого из них мы, что называется, не добивались, хотя и понимали, что приятнее играть в больших залах, нежели просто на танцах, а такую возможность предоставлял именно рок-клуб.

Но «АукцЫон» сам по себе обрел большую популярность. Мы собирали залы, поскольку не просто пели песни, а делали хиты, неординарные даже по меркам рок-клуба. У нас был абсолютно шизоидный художник Миллер, какие-то самые модные, безумные парикмахеры и стилисты, создававшие нам экстравагантные прически, неожиданные костюмы… Некоторые из них добывались на «Ленфильме», где у Гаркуши в костюмерной работала тетя. Мы стали тем, что сегодня назвали бы «арт-проектом». А все наши художественные издевательства проистекали из чистого веселья. Скажем, нас с Димкой забавляли Гаркушины вирши, и кучу песен мы придумывали примерно так же, как «Волчицу», — брали смешную фразу Олега и от нее строили целую тему.

— Как музыкант и человек с неплохим, надеюсь, вкусом, я смог оценить великолепие и нестандартность федоровского мелодизма, — говорит Рогожин. — Я такого раньше не пел. Мне стало по кайфу, тем более что над всем, происходившем в «АукцЫоне», витал здоровый стеб, оптимизм и эгоизм молодости. Это когда долго не задумываешься над тем, что делаешь, но получается все легко, играючи. Мне казалось, что и другие ребята в группе слишком серьезно то, чем занимались, не воспринимали. Они и к жизни-то своей не очень серьезно относились. Во всем у них присутствовал некоторый пофигизм. И никакой идеологии у «Ы» не было. Самым политизированным и диссидентствующим в этой компании, по-моему, являлся Кирилл Миллер.

— Интересы Рогожина в то время во многом совпадали с нашими, — вспоминает Озерский. — Его склонность к театру и пению в «АукцЫоне» находила широкое применение. Пока мы увлеченно создавали шоу-программы, Сергей пребывал в близкой ему стихии. Он выходил на сцену в пиджаке с эполетами, вокруг него плясал Гаркуша и индийская барышня со свечами, отжимались культуристы…

— Да, смотрелись первые представления «АукцЫона» феерично, — восторгается Рогожин. — Один участник группы весь концерт находится в каком-то эпилептическом припадке, другой с видом разорившегося графа что-то красиво выпевает в центре сцены, третий смахивает на Иванушку-дурачка в костюме, расписанном под березовую кору. Это Миллер для Лени придумал такой наряд…

— Из всех «аукцыонщиков» только Гаркуша был уже вполне сформированным образом, — объясняет Миллер. — Его трудно, да и бессмысленно было переделывать. А остальных членов группы я хотел одеть согласно своему видению сути «АукцЫона» и учитывая то, что компания эта достаточно разношерстная, и по характерам людей, и по их мировосприятию.

Вот Рогожин, например, был открыт для экспериментов, с ним можно было договариваться. Но именно он олицетворял этакую звезду, красавца, что противоречило всей «аукцыоновской» атмосфере. Я решил, что в контекст «Ы» его надо вписать в навязчивом образе а-ля Элвис Пресли. Так появился его тренч с эполетами и специфической росписью, изначально являвшийся пиджаком от обыкновенного черного костюма.

Вообще, кардинально переодевать «аукцыонщиков», предлагать им какие-то совсем странные по фасону прикиды было не так легко. Определенная мера традиционности в их внешнем виде должна была сохраняться, и мне оставалось только всячески расписывать их наряды, то есть в самом традиционном костюме отыскивать нелогичные решения. Я добивался того, чтобы у «АукцЫона» на сцене не появлялось ни единого «пустого» персонажа, чтобы все они выглядели по-своему колоритно.

Очень тяжело приходилось с Витей Бондариком. Он такой комплексатик, сам по себе. Поэтому сначала смотрел, что говорят и делают остальные «аукцыонщики», и лишь потом соглашался сделать «как все». Помню, его первый наряд я создавал очень аккуратно, без всякого панка. Просто весь Витькин костюм разукрасил жестким утверждением «2x2 = 3». То есть человек принципиально придерживается заведомо неправильной формулы, что служило достаточно выразительным знаком в той

«аукцыоновской» концепции. Мол, не все так однозначно в этом мире.

«Ну, ты, Лермонтов!»

Мы знали, что станем популярными, потому что были в десять раз драйвовее, чем «Кино» или «Зоопарк».

Леонид Федоров

«Все, конечно, я не помню, но реакция публики была ураганной. Гримерка ломилась от фанов, друзей, каких-то журналистов, вина, травы, девчонок и черт знает чего. Мы вернулись в гримерку с сияющими фэйсами, совсем не уставшие и пьяные от удовольствия. У нас было полно энергии, и мы хотели (и сделали это) выплеснуть ее, утереть нос некоторым рокерам, которые возомнили себя чуть ли не Джаггерами, Элвисами и т. д.», — так смачно по прошествии многих лет Гаркундель в своих мемуарах высказался о том самом, прорывном, блицкриговом рок-клубовском сейшене «Ы» осени 1985 года, проходившем под незатейливой вывеской «Представляем молодых» и ознаменовавшем начало победоносного вторжения «АукцЫона» в российскую рок-элиту.

— Тогда мы впервые показывали программу, которую сделали фактически за месяц-полтора после моего появления в группе, — конкретизирует Рогожин. — Мой вокал звучал в трех или четырех песнях, остальные ребята пели сами. Как человек с режиссерским образованием я стал придумывать, как обставить момент моего появления на сцене, то есть заявку нового солиста команды. У меня уже имелся миллеровский тренч с эполетами, но хотелось чего-то еще. В результате родилась следующая мизансцена: в середине концерта Гаркуша за кулисами накинул мне на лицо красный шарф и, словно на поводке, вывел меня на нем к публике и подвел и микрофону. Потом шарф с меня сдернули, подобно покрывалу на открытии памятника, и я, облаченный в упомянутый тренч, запел. Это тоже, как и весь тот «аукцыоновский» концерт, стало «бомбой». После нашего выступления многие мне говорили, как эффектно вышло, когда «среди такой „каши" и балагана вдруг зазвучал настоящий голос». Питерский журналист Миша Садчиков даже отметил в своей заметке, что «второй солист группы „АукцЫон" — обладатель бельканто». Короче, все были в шоке. Хотя, уходя со сцены, я еще не понял, что произошло: хорошо получилось или плохо? В зале стоял шум, грохот, не моя атмосфера совершенно.

Но в гримерке ко мне подошел Леня Федоров и, взглянув на меня уже каким-то другим, не таким, как прежде, взглядом,

сказал: «Чувак, а ты крут!» Затем Дима Матковский из «Мануфактуры», еще никак в тот момент не связанный с «АукцЫоном», с сожалением заметил: «Молодой человек, что же вы так мало спели? У вас потрясающий голос». Еще кто-то из рокеров, пока я эполеты не снял, в шутку крикнул мне через всю гримерку: «Ну, ты, Лермонтов!»

В общем, первый блин не вышел комом, и я почувствовал уверенность. Можно было начинать активную подготовку к фестивалю. Хотя удивительные ощущения у меня оставались. Ведь прежде я в рок-клуб вхож не был. Разве что ходил на отдельные концерты, точнее, прорывался на них. Помнится, в ДК «Невский» слушал «Аквариум», когда они исполняли «Радио Африка». Получил колоссальное впечатление. А мог на тот сейшен и не попасть, если бы не подрабатывал тогда в «Невском» диджеем. Мы с супругой снимали квартиру, поскольку в общежитие нас вместе жить не пускали, и денег нам конкретно не хватало. Так вот, на «Аквариум» я попал через служебный вход как работник ДК. И увидел такой зрительский «лом», какого не знал ни один советский официальный артист. Я еле продрался сквозь толпу к сцене, попутно заметив и ментов, и всех этих гэбистов в штатском…

О рок-клубе тогда, конечно, с придыханием говорили, и вот я сам становлюсь его полноценным представителем. Когда в институте узнали, что Рогожин теперь солист «АукцЫона», меня зауважали. При встрече где-нибудь в коридоре каждый хотел руку пожать. До этого я такой персоной там не был, хотя со многими общался, и некоторые слышали, как я пою. Но тут-то я стал рок-звездой…

— В крутизне «АукцЫона» я тогда уже не сомневался, — с несвойственной ему самоуверенностью заявляет Леня. — Я слышал, что играют вокруг другие группы, и понимал, что хотя мы уступаем в исполнительском мастерстве многим, то есть, за исключением Черидника, играем плохо, зато находимся на острие современных тенденций. У нас получались неординарные мелодии. Может, не такие клевые, как у «Странных игр», но точно поинтереснее, чем у «Кино». Да и Гаркуша нас постоянно подбадривал — да, мол, мы крутые! После нашего повторного вступления в рок-клуб он ходил туда задравши нос, регулярно о чем-то общался с клубовской администрацией и т. д. А я к ним, в смысле к руководству, по-прежнему не показывался. С взрослыми, серьезными дядями я как-то не очень любил разговаривать…

К «молодым», которых «представляли» в рок-клубе в знаменательный для «Ы» осенний вечер 1985-го, отнесли тогда группу «Электростандарт» того самого Сергея Белолипецкого, что

в свое время «освободил» для «АукцЫона» репетиционную точку на улице Металлистов, хард-роковую команду «Присутствие» с экс-фронтменом «Рок-штата» Игорем Семеновым во главе и объемный по составу коллектив «Кофе», усиленный двумя музыкантами из «Телевизора». Завершать сей мини-фестиваль дебютантов в качестве хедлайнера призвали легендарный «Зоопарк», нигде не выступавший полтора года. На фоне обожаемого публикой Майка (а концерт был «открытый», то есть не только для членов рок-клуба, но и для простых школьников и студентов, в чьих учебных заведениях распространяли билеты) остальные участники сейшена вполне могли оказаться малоприметными. Однако «аукцыоновские» дерзость, эксцентрику и кураж к тому моменту уже не затмевали никакие авторитеты.

— Те, кто впервые воочию увидел нас на том концерте, — рассказывает Гаркундель, — потом в «Сайгоне» говорили знакомым, какой там сумасшедший чувак выступал. А где-то в прессе меня описали примерно так: «Появился невероятно вытянутый человек по фамилии или кличке Гаркуша и заметался по сцене с криками и гримасами. Это надо видеть».

Естественно, образ мой в тусовке начал стремительно обрастать культовостью, и впоследствии меня стали называть и символом рок-клуба, и его ходячим логотипом и т. п. При этом я ведь никогда специально к нашим концертам не готовился — ни к тому, в 1985-м, ни к любым другим. Разве что какой-то реквизит мог заранее припасти, типа туалетной бумаги для песни «Деньги это бумага» или кнута для «Телеги». А все движения на сцене у меня рождались, что называется, по ходу пьесы, без всякой отрепетированности. Как захочу, так и пляшу, как повернусь, так и повернусь…

Ключевой рок-критик питерского самиздата Александр Старцев, под одним из своих псевдонимов Алек Зандер, в десятом номере журнала «Рокси» (главным редактором коего он являлся) в декабре 1985-го довольно точно обозначил тогдашнее восприятие «АукцЫона» пристрастными зрителями и степень своей информированности о группе (представьте, что домысливали в то время об «Ы» рядовые меломаны, если даже Старцев не сразу распознал устройство «аукцыоновского» механизма и кто там у них за старшего). В развернутой рецензии на сейшен «Представляем молодых» Зандер написал: «…самым веселым на этом концерте было шоу-выступление группы „Аукцион". Когда-то в рок-клубе была группа с таким названием, не знаю, остался ли сейчас кто-нибудь из того состава, но музыка изменилась совершенно. „Аукцион"-85 играет ярко выраженную „волну", причем странно-игровского направления. Не знаю точно,

кто там начальник, но на сцене выделялся Олег Гаркуша, выглядевший как „лютый карлик", если того сильно вытянуть по оси ординат. Ну, а уж когда они спели „Песню для Сологуба" и Олег нацепил на себя темные очки с карикатурным носом, стало ясно, что от „Аукциона" можно ждать много большего, чем просто следования курсом „Игр". Второй вокалист выступал этаким князем — в военном сюртуке с эполетами — и сильным, поставленным голосом пел что-то о том, что вот, дескать, все исчезло, „и города, и мир", а в конце коротко и цинично добавил: „Жалко". На сцене происходили танцы под стробоскоп — все тот же неутомимый Гаркуша с девушкой в белом. Ребята держались уверенно — особенно гитарист-вокалист (его, к сожалению, было хуже всего слышно), да и вообще все приятно поражало продуманностью. Лучшим моментом стало исполнение суперхита „Деньги это бумага" с разматыванием туалетного рулона — опять же Олег Гаркуша. Единственной претензией является некоторое мельтешение большого числа народу на сцене. Впрочем, я думаю, что с приобретением опыта концертных выступлений чувство меры возьмет верх…»

Итак, наблюдательный рок-хроникер Старцев-Зандер на экваторе 1980-х впечатлился перфомансом «Ы», но в тексте своем Федорова и Озерского даже не упомянул. Стержнем «АукцЫона» ему тогда показался случайно переведенный из звукооператоров в шоумены Гаркундель. Так еще довольно долгое время будет считать и большая часть поклонников «Ы» до тех пор, пока Леня окончательно не выйдет на передний план и все наконец разберутся, что «соль «аукцыоновской» земли» — тандем Федоров-Озерский; хотя и Гаркуша, конечно, фигура значимая и знаковая.

Впрочем, близкие коллеги «Ы» по рок-н-роллу изначально понимали, «ху из ху» в этой команде.

— В 1985-м мы сдружились с Гришей Сологубом из «Странных игр», — вспоминает Федоров. — А когда состоялся тот наш концерт в рок-клубе, их команда уже распалась. Гришка, конечно, сильно переживал эту ситуацию, но на наше выступление пришел. После концерта сидели с ним в гримерке, выпивали, и я спросил: «Ну, как тебе наша программа?» Он тут же откровенно ответил: «Это вообще пиздец! „Странные игры" умерли, родился „АукцЫон"!»

Фанера, Фирик, Шушары

Про первые наши гастроли в Выборге можно отдельный роман написать…

Сергей Рогожин

Когда Рогожин увидел, что такое премьерный выезд «АукцЫона» за пределы Питера — полный разврат, пьянка, беготня по коридорам выборгской гостиницы «Дружба», — он, по-моему, уже захотел от нас свалить. Но Федоров его каким-то образом еще на некоторое время удержал.

Олег Гаркуша

Футуристский, скомороший, куражный, заводящийся с пол-оборота и удивляющий «АукцЫон» своим осенним возвращением в рок-клуб зацепил не только Старцева и Сологуба, но и, например, выборгского журналиста-промоутера Андрея Коломойского, экс-участника редчайшего в ту пору в СССР транс-нойзового трио «Stereo Зольдат». Он тут же зазвал Леню, Гаркунделя и компанию на северо-западную границу «совка», предложив им устроить сольник в считанных километрах от процветающего капиталистического мира, в ресторане «Север» Выборга. В народе это заведение, по словам Федорова, именовалось «Шайбой», и выступать там прежде (опять же, благодаря Коломойскому) доводилось отборным рок-клубовским командам: «Аквариуму», «Алисе», «Странным играм»… «АукцЫон», вероятно, перещеголял их всех, по крайней мере по части бэкграундной хроники.

Если верить Гаркуше (а можно ли сомневаться в словах этого вечного, коммуникабельного дитя, чьими устами и должна глаголить истина?), «аукцыонщиков» штрафанули (с привлечением милиции) сразу по прибытии на выборгский перрон — «за безбилетный проезд и провоз багажа», то бишь аппаратуры в пригородной электричке. Потом были полдня роскошества в интуристовском отеле «с коврами и ванными», угарный сейшен «для пьяных финнов и советских проституток» в «едком неприятном дыму, на маленькой сцене», завершившийся песней «Волчица», в процессе исполнения которой перебухавший еще до концерта Чередник уснул за барабанами. И, наконец, в точном соответствии с начальной строкой одного из главных

тогдашних «аукцыоновских» хитов, грянули «чудный вечер, бессонная ночь» и… депортация (опять-таки с участием правоохранительных органов) группы из гостиницы, с последующим экстренным размещением «по хатам» у местных знакомых с кликухами Губа и Шея.

— В «АукцЫоне» никто никого потреблять алкоголь не принуждал, — повествует Рогожин. — Не хочешь — не пей. Я зачастую так и поступал. Но в тот раз, в Выборге, напился вместе со всеми жестко и в какой-то момент, в полном умате, завалился в кровать в одном из наших номеров. Разбудили меня среди ночи менты, причем, как вскоре выяснилось, первым из всего «АукцЫона». Ничего не соображая, открыл глаза. Мне светят в морду фонарем, вокруг стоят милиционеры, люди из администрации гостиницы, а рядом со мной, под одеялом, лежит какая-то чувиха. Ее пытаются растолкать, чтобы выяснить, что она делает в мужском номере. В советские времена существовали ведь такие понятия, как «мужской» номер и «женский». Я пробую объяснить, что это не она в мужском номере находится, а я — в женском. Тогда уже до меня представители гостиницы докопались: «Вы знаете, кто она? Как ее зовут, где работает?» «Не знаю», — отвечаю. Мы девушек, которые с нами тусили, по кличкам называли. Ту, что оказалась со мной, звали Фанера. Я обращаюсь к ней: «Фанера, ты где-нибудь работаешь? И, кстати, какое у тебя имя?» Тут уже менты встрепенулись: «0-па, так вы даже, как ее зовут, не знаете! Тогда поднимаемся, идем на выход…»

На следующий день опохмелившиеся «аукцыонщики» сдюжили второй концерт в «Севере», получили на всю братию, согласно федоровской справке, 375 рублей, разделили их поровну (этот коммунарский, редкий для наших рок-групп принцип установился в «Ы» сразу и навсегда) и «пьяные и возбужденные» отправились домой.

В Питере слухи о выборгских гастролях «АукцЫона», как пишет Гаркундель, «распространились с необычайной быстротой. Поговаривали о поджоге гостиницы, избиении милиционеров, перетрахивании всего персонала и т.д. … Многие прослышали, что „АукцЫон" — супергруппа. И мы потихонечку стали играть в различных ДК».

Одному из таких сейшенов, состоявшемуся ранней весной 1986 года в Доме культуры «Нива» поселка Шушары Ленинградской области, удалось отпечататься в «аукцыоновской» истории — благодаря легендарному ныне звукорежиссеру-архивариусу питерского рока, совладельцу той самой котельной «Камчатка», где когда-то кидали уголек Цой, СашБаш и многие

другие кумиры поколений, Сергею Фирсову. В середине 1980-х Фирик подружился с заново рожденным «АукцЫоном» — группой, на всю жизнь ставшей его самой любимой (так Фирсов заявил в одном интервью), директором которой он «с удовольствием бы работал», да Федоров его «никогда не брал», сколько Сергей ни просился. Фирсов записал шушарский сет «Ы» на пленку.

«АукцЫон» выступал в «Ниве» первым, второе отделение отвели «Городу» — очередному проекту наставника рок-клубовских пиитов Владимира Рекшана. Спустя годы в своей автобиографической прозе «Кайф» Рекшан несколькими строками вспомнит о том соседстве с «Ы» в Шушарах: «…под афишу, чин-чинарем, мы концертируем за символические, зато легальные рубли вместе с экстравагантно-веселой группой „Аукцион". Эти ребята работают в новой волне остроумно и с жениховским напором, который и сублимирует в декадентский спектакль».

Тот «спектакль» вскоре стараниями Фирика разошелся среди активных меломанов в виде самиздатовского альбома «Рио-де-Шушары» и, в сущности, открыл аудиографию «Ы». Правда, по утверждению Гаркунделя, ту запись сегодня отыскать почти нереально, ее нет даже у самих «аукцыонщиков». Любая же запротоколированная дискография «АукцЫона» начинается с альбома «Вернись в Сорренто», хотя он и не вполне альбом и официально издан не первым из работ группы.

— После нашего нового вступления в рок-клуб я сразу хотел записывать альбом, — говорит Федоров. — Взял у кого-то, у Миллера возможно, портастудию, и мы на своей точке в «Авангарде» приступили к записи «Вернись в Сорренто». Я примерно знал, что должно быть в этом альбоме. Хотя никакой конкретной концепции у нас не существовало. Просто хотелось записать наши лучшие на тот период песни. Их имелось штук восемь. О каком-то особом звуке в процессе тех записей мы тоже не думали. Делали так, как могли и как было возможно.

Андрей Тропилло уже начал тогда вокруг нас виться, чего-то хотел. Мы даже ездили в его известную студию в Доме юного техника на улице Панфилова. Он показывал нам, где писал все великие альбомы «Аквариума», «Зоопарка», «Алисы», «Кино»… Мы постоянно с ним общались, но что-то у него с «АукцЫоном» не срасталось. Мы как бы стояли в очереди к нему, поскольку вперед проходили «старшие товарищи» из русского рока. Поэтому я особо на Тропилло не надеялся. Зато через Гаркушу мы познакомились с Лешей Вишней. Он, по сути дела, и записал нам чередниковские барабаны для «Вернись в Сорренто». Чирик, конечно, уникальный человек. Он сыграл все свои партии в студии один, по памяти, без метронома. Настолько у него было

врожденное чувство ритма.

— Вишня как-то пробовал на нашей точке записывать нас сидя в туалете, так чтобы до него звук со сцены не долетал. Не получилось, к сожалению… — вздыхает Гаркуша.

А Бондарик и сейчас с вдохновением вспоминает те первые «аукцыоновские» рекординговые упражнения:

— Сперва мы в «Авангарде» записывались на два магнитофона и пытались потом весь материал согнать в одну запись. Мудрили так, что мама дорогая… Но когда у нас появилась четырехканальная миллеровская портастудия, началась другая работа, более профессиональная…

Однако до профессионального издания «Вернись в Сорренто» оставалось еще несколько лет, а в первой половине 1986-го наливалась соком и стебом одноименная концертная программа «Ы».

— Для меня «Сорренто» воспринималось случайно сформировавшейся программой, где все песни сочинялись как шутки, — признается Озерский. — Не только, когда нас опять приняли в рок-клуб, но даже после успеха «Вернись в Сорренто» я еще окончательно не решил, что буду музыкантом. Просто мы в «АукцЫоне» создавали действо, близкое к театру, которым я, собственно, и хотел заниматься. К тому моменту я благополучно окончил Институт культуры, распределился режиссером в один из ленинградских театров и приступил там к работе. Но смущала неблагодарность и волчья сущность режиссерской доли. Ты должен тащить на себе всех и чувствовать, что все это только тебе и нужно. А в музыкальной группе все друг друга подталкивают и дышат с тобой в унисон. Из тебя не высасывают энергию, а напротив — заряжают ею.

Наверное, это в итоге и склонило меня в сторону музыки.

— «АукцЫон» — это синергия, и мы творили коллективно, — воодушевленно говорит Рогожин. — Я, как и Озерский, был человеком с режиссерским дипломом, и моим креативным идеям ребята очень доверяли. Например, я придумал эффектную увертюру нашей программы, когда в полной тишине выходил на сцену и а капелла исполнял ту самую знаменитую, красивую канцону «Вернись в Сорренто» с райским текстом «Как прекрасная даль морская, / Как влечет она, сверкая…»

А какие декорации тогда создал Миллер! Раздербанил ящики из-под апельсинов и нарисовал на них пальмы, домики, кошек… Все это цеплялось на некий каркас и поднималось под потолок, образуя красивый сценический задник.

— «Вернись в Сорренто» — это же гламур, — поясняет Миллер. — И те декорации являлись интерпретацией гламура по-

нашему, по-уличному. Я всегда стремился в оформлении концертов «АукцЫона» не столько рисовать что-то, сколько инсталлировать, находить предметы-образы. Вот гламур для меня тогда выражали ящики из-под марроканских апельсинов, с налепленными на них знаменитыми этикетками-ромбиками. И я подбирал эти ящики прямо на задворках советских магазинов.

Колик, деревянная птичка и три грамоты

Миллер — мастер из говна сделать конфетку.

Николай Рубанов

Зачастую считается, что художники желают уйти в некий свой внутренний мир. Мы же пытались вытащить наш внутренний мир наружу.

Дмитрий Озерский

Последней счастливой случайностью «АукцЫона» в дороге к большому успеху на IV рок-клубовском фесте явился петергофский пожарник-саксофонист Николай Рубанов. Сейчас он почти столь же фундаментальная единица «Ы», как Леня, Гаркундель или Озерский, а тогда — участник проектов «Оркестр профессора Мориарти» и «Время любить» (с этой молодой командой Рубанова, к слову, и приняли в рок-клуб). Весной 1986-го Рубанов по приглашению приятеля-барабанщика Игоря Черидника заглянул в «Авангард» на «аукцыоновскую» репетицию «разок поиграть, а там посмотрим». Естественно, Колик «совершенно не представлял репертуар и стилистику «АукцЫона» (другие люди в данный коллектив и не попадали) и «кроме Черидника и Рогожина никого там не знал». «Даже Гаркушу лишь мельком видел в „Сайгоне", где часто со своей университетской компанией пил кофе, но никогда с ним не общался», — вспоминает Рубанов. Однако общий язык с пришлым духовиком «аукцыонщики» нашли быстро, за один вечер. К тому же Николаю приглянулась обстановка на точке: «Хороший зал, железные шкафы для хранения инструментов — все там выглядело очень прилично».

— У них уже был Коля Федорович на саксофоне, — продолжает Рубанов. — Но возникла идея расширить духовую секцию. Ребятам показалось, что с двумя саксами получится громче и веселее. Мы стали аранжировать вещи из программы «Вернись в Сорренто», которую потом и сыграли на фестивале.

Изгнанный с дневного отделения физического факультета ЛГУ и год спустя восстановленный в альма-матер на вечернем отделении того же факультета, «нормальный распиздяй» Коля точно уловил, что «в „АукцЫоне" приживаются люди, соответствующие общим вибрациям в коллективе. Сильных

музыкантов на конкретные позиции в „Ы" никто целенаправленно не ищет». И его присутствие в группе «не есть результат серьезного ментального анализа и взвешивания всех „за" и „против"». «В рок-команды тогда вообще никто не устраивался, — объясняет Рубанов. — Люди просто приходили в какой-то коллектив, пробовали себя, после чего оставались в нем или переходили в другую компанию. А устраивались советские граждане на официальную работу, с трудовой книжкой».

К моменту появления в «Ы» женатый студент-вечерник Колик, похожий на «типичного хиппи своего времени — длинные, немытые волосы, чтение перепечатанных на машинке трудов Кастанеды и т. п.», — полезную официальную работу уже имел. Дабы получить питерскую прописку, саксофонист-самоучка (которого в юности «пытались обучить игре на фортепиано», а в университетском бэнде поочередно предлагали «банджо, губную гармошку, блок-флейту») устроился в пожарную охрану. После трудовой вахты начинающий повелитель огня достаточно регулярно на электричке и метро отправлялся далеко-далеко на репетицию. «Супруга это воспринимала нормально, а коллеги-пожарники смотрели с удивлением». Полыхающие постройки Северной Пальмиры распылявшийся между службой, учебой и музыкой Колик, к слову, тушил не часто. «За три года работы мне довелось выезжать на реальные пожары от силы раза четыре, — признается Рубанов. — В основном же я работал в охране художником».

Подобно металловеду Лене, новый саксофонист «АукцЫона» весьма оперативно, еще недоучившись в универе, почувствовал, что юдоль физика (про пожарника и речи нет — это ж была временная мера) «не соответствует его характеру». Не то чтобы Николай разуверился в науке как таковой, но «лучезарный образ исполненного энтузиазмом ученого, нарисованный когда-то юношеским воображением, стал блекнуть». Колик понял, что в ближайшей перспективе его ожидает в лучшем случае рутинный труд в роли какого-нибудь мэнээса (младшего научного сотрудника), и сие, конечно, не убедительно. Движение, кайф и соблазняющее непредсказуемостью завтра обеспечивали преимущественно «репы» в «Авангарде».

— Репетиции многих коллективов, — рассказывает Колик, — в те годы часто выглядели так: собрались на «точке», чего-то пару раз тренькнули, не пошло, и сели пивка попить. Но у «АукцЫона» все обстояло очень жестко. Мы именно репетировали. Более того, являлись самостоятельными единицами, каждая из которых излучала музыкальные идеи. Если человек ничего не предлагал, а просто ждал, когда ему подскажут, что делать, он быстро

переставал появляться на наших репетициях.

— Выпивание на репетициях или превращение их в посиделки мы прошли раньше, еще в «Фаэтоне», — говорит Озерский. — А при «втором созыве» «Ы» все приезжали на «точку» достаточно пунктуально и для того, чтобы делом заниматься, как, скажем, в театральной студии. Время репетиций определялось в зависимости от того, у кого из нас во сколько заканчивался рабочий день. Мы же все работали…

— Изначально не любил совмещать пьянку и творчество, — четко поясняет Федоров. — Выпить после концертов или репетиций — да, пожалуйста (тем более я не пьянел никогда), а так чтобы до или во время — такое редко бывало.

Серия репетиций без дуракаваляния, некоторая концертная практика («Нива» в Шушарах и еще несколько перфомансов в окраинных ДК), «шуточная» хитовая программа, гротескные декорации-инсталляции Миллера и двухсотпроцентный кураж — с таким арсеналом «АукцЫон» подошел к предпоследнему дню весны 1986 года, когда в здании диджейской подработки Рогожина — Доме культуры «Невский» — стартовал IV фест ленинградского рок-клуба. Он продлился с 30 мая по 1 июня.

— Мы считали, что играем радикальнее всех и песни у нас не похожи ни на чьи другие, — разъясняет «аукцыоновскую» предфестивальную позицию Федоров. — Сложной инструментальной музыкой «АукцЫон» не занимался. Главное, думалось нам, чтобы барабанщик был хороший, а в остальном надо звучать просто, но экстремально. Основа всего — драйв. За него нас, собственно, тогда и любили. Через минуту после нашего появления на сцене публика стояла на ушах, и каких-то иных сверхзадач у нас не существовало. Поэтому и не каждый хороший музыкант мог закрепиться в «АукцЫоне». Те, кто не врубался в наше коллективное душевное состояние, быстро уходили, хотя к их исполнительскому уровню никаких претензий не было.

Фестивальное жюри второй год подряд возглавляла представительница Ленинградского межсоюзного дома самодеятельного творчества (ЛМДСТ), куратор рок-клуба Наталья Веселова, женщина в ту пору «молодая, красивая и партийная» и как-то изначально позитивно расположенная к своим «неформальным» подопечным. Дабы Веселова, простите за каламбур, чересчур не развеселилась, прослушивая местные любительские рок-таланты, оценивать последних ей помогали товарищ Надиров из обкома ВЛКСМ и товарищ Красовская из Главного управления культуры. Остальные места в жюри занимали люди не столь официальные и идеологизированные, в частности экс-«аквариумист» Джордж Гуницкий, «рок-дилетант»

Александр Житинский, журналистка Нина Барановская, та, что чуть позже напишет книгу о раннем «алисовском» периоде Кости Кинчева, а тогда отвечавшая за «литовку» текстов рок-клубовских групп. Именно Барановской пришлось на этом фестивале оказаться в эпицентре последней, пожалуй, цензурной разборки в истории питерского рока, когда нонконформистский и по сей день Миша Борзыкин со своим «Телевизором» исполнил в «Невском» несколько неутвержденных Ниной песен.

«Телевизор» в тот раз ничем и не премировали, хотя годом раньше и годом позже на фестивалях рок-клуба эту команду без наград не оставляли. Но в 1986-м отмечали других, и в первую очередь «АукцЫон», которому удалось собрать тогда призов вровень с иконоподобным «Аквариумом», долгие годы почитаемым «Зоопарком» и звездным «Кино». Помимо общего лауреатского звания «аукцыонщики» удостоились и индивидуальных титулов: Рогожина признали «лучшим вокалистом», а Гаркушу оценили «за артистизм». «Нам вручили „ломовский" микрофон 82 Н, красную огромную книгу, птичку из дерева и три грамоты», — подытожит потом в мемуарах Гаркундель. А член жюри Житинский в своей известной книге «Путешествие рок-дилетанта» напишет: «„АукцЫон" разыграл представление „Вернись в Сорренто", полное искрящегося гротеска, иронии, молодой энергии и напора. Зал был повергнут ниц и выжат как тряпка. Я думаю, у этой группы большое будущее. Они чем-то напомнили мне „Странные игры" первого состава, хотелось бы, чтобы им повезло больше».

— Наше выступление пришлось на самый сильный, на мой взгляд, фестивальный день, — убежден Рогожин. — Открывали программу новые «Игры» братьев Сологубов, потом шли мы, и после нас «Кино». «Игры» отработали очень прилично, но фактически в тот день оказались в роли «разогрева» перед «АукцЫоном», поскольку мы «порвали» публику, как тузик грелку. После чего сет «Кино», наверное, в первый и единственный раз в жизни прошел, образно говоря, под сурдинку. Помню, читал потом статьи, где описывалось, как Цой пел абсолютно «выжатым» зрителям.

Когда мы доиграли, весь народ из зала удалили минут на двадцать, чтобы перестроить аппаратуру. Люди вроде проветрились, перекурили, кто-то пива попил. Типа, зарядились. Однако вышел Витя Цой к микрофону, и никакого особенного взрыва эмоций не произошло. «Киношники»-то привыкли, что уже при их появлении все в экстазе. А тут — фиг! Публика была перевозбуждена «АукцЫоном».

От «Взломщика» к «Багдаду…»

После нашего успеха на фестивале умолкли даже категорические противники «АукцЫона». Что они могли поделать? Мы на тот момент реально были лучше, если не всех, то многих. По крайней мере, создавали действо, которое никто больше не делал. Наша компания сметала устоявшиеся традиции.

Леонид Федоров

Чего-чего, а веру в собственную ураганность фестивальная удача «аукцыонщикам» серьезно укрепила. Одним махом они перепрыгнули в категорию тех рок-клубовских групп, за которыми с любопытством следили и самиздатовские эксперты, и передовая питерская тусовка. «Без рекламы и афиш мы стали запросто собирать „битки" в любых залах», — констатирует Федоров.

Набирая популярность, «Ы» никоим образом не мимикрировал под русский рок-мейнстрим и продолжал непроизвольно оберегать (при максимальной своей открытости) собственную герметичность в ленинградской рок-среде.

— Я постоянно спорил тогда со своей сестрой, очень ценившей питерский рок, — рассказывает сегодня Леня, — поскольку меня отталкивала его вторичность. Я, по крайней мере, мог сочинить оригинальную мелодию, чего многие в рок-клубе вообще не пытались делать и в лучшем случае, так или иначе, «снимали»

Боба Дилана. До мажор, ре мажор, соль мажор… Вот тебе и вся музыка. Это бесило. Ну какого рожна! Попробуйте что-то еще, возьмите другой аккордик, может не самый хитовый, но свой, не похожий ни на что. К подобному стремились в Питере единицы — «Джунгли», «АВИА», «Странные игры»…

На каких-то ранних наших концертах побывали студенты то ли из Франции, то ли из Англии, и потом, помнится, они восторженно нам говорили: «Вы играете, как крутые британские андеграундные команды!» А мы ничего такого еще в тот момент не слышали. И поэтому я понимал, что мы на правильном пути. Возможно, у нас далеко не образцовый исполнительский уровень, но мы никого не копируем.

Когда появились «Звуки Му», они мне очень понравились. Московские команды, кстати, вообще выглядели поинтереснее ленинградских, те же «Звуки Му», «Николай Коперник»,

«Вежливый отказ»… Чувствовалось, насколько это оригинальнее того, что делали, скажем, Цой с «Кино», которые активно слушали The Smiths, Clash… и было ясно, откуда у них что берется.

— Тесной дружбы с героями рок-клуба у нас никогда не было, — развивает мысль об обособленности «АукцЫона» Озерский. — Существовали приятельские отношения почти со всеми из них. Мы могли иногда вместе посидеть, выпить, как, например, с Костей Кинчевым, когда употребляли портвейн на крыше одного из питерских домов в ходе съемок фильма «Взломщик». Но так, чтобы регулярно названивать друг другу, ходить в гости, такого не происходило.

1983-й. Будущий поэт "АукцЫона" Дима с синтезатором на собственной свадьбе. У микрофона Сергей Лобачев, слева от него Фикс с гитарой. Из архива Д.Озерского

Заведующий всем Леня. Фото С.Бабенко

Клавиши для Озерского это "три нотки и ту-ту-ту". Фото С.Бабенко

Когда не требуется дудеть, Колик может и постучать. Фото С.Бабенко

Случались моменты, когда Гаркушу понимали только неодушевленные предметы. Фото С.Бабенко

Паша Литвинов. Фото С.Бабенко

Витя Бондарик. Фото С.Бабенко

Барабанить в "АукцЫоне" Шавейникову поначалу не очень хотелось. Фото С.Бабенко

Хоровое пение: Федоров, Матковский, Озерский, Гаркуша. Фото С.Бабенко

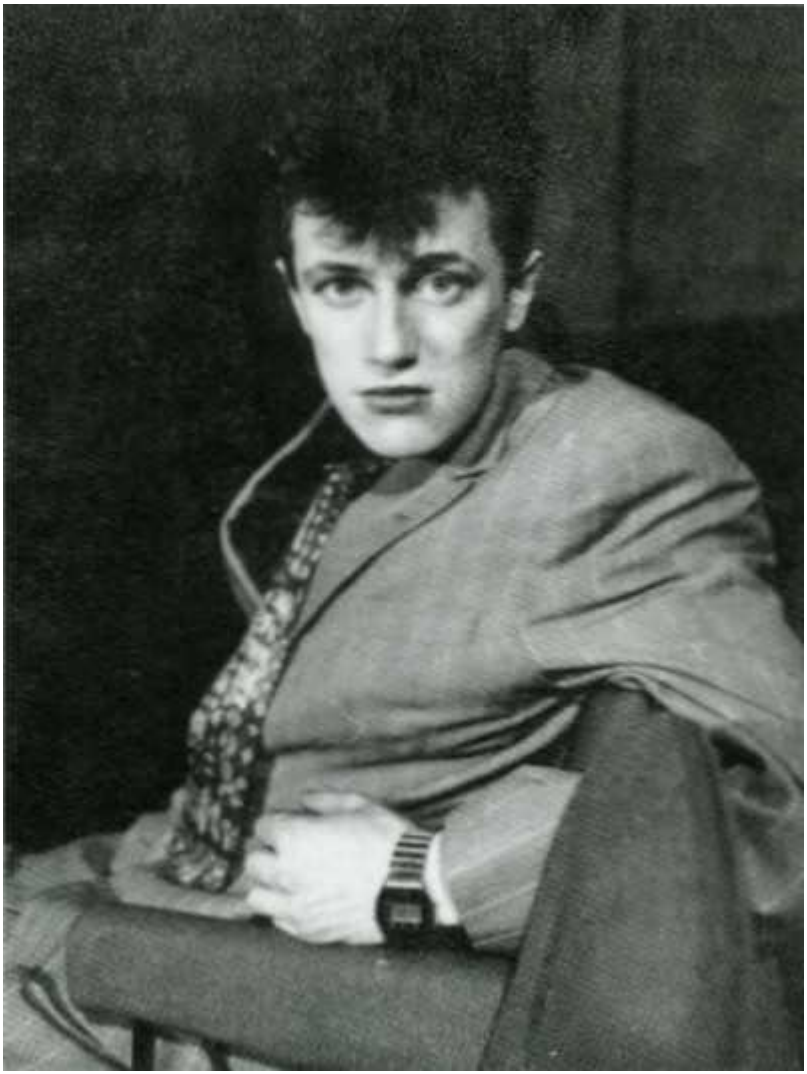
Рубанов быстро и жестко отучил Гаркушу подходить к нему сзади. Фото С.Бабенко

Озерский-Гаркундель: поэтичный армлестлинг. Фото С.Бабенко

Вмолодости Дима тяготел к театру. Из архива Д.Озерского

Такого Рогожкина-"Лермонтова" придумал "АукцЫону" Миллер. Из архива Д.Озерского

Витя после "дембеля". Из архива Д.Озерского



Федоров середины 1980-х. Из архива Д.Озерского

Калининградские гастроли "Ы". Апрель 1988-го. Слева направо(стоят): Веселкин, Бондарик, Гаркуша, Матковский, Литвинов. Сидят (на бордюре): Рубанов, Озерский, Дятлов, Федоров, Черидник; впереди, на корточках: Скворцов, Раппопорт. Из архива Д.Озерского

Леня,Олег,Вова - такими их увидела Европа. Из архива Д.Озерского

— Мы очень дружили с Сологубами, особенно с Гришкой, — дополняет Федоров. — А общались со многими: с Кинчевым, Славкой Задерием, Мишкой Борзыкиным, с «Мифами»… Но в «АукцЫоне» все тогда воспринимали в основном Гаркушу, некоторые даже считали, что он и пишет все наши песни. О моей

с Озерским роли никто особо не догадывался, а мы и не стремились афишировать, кто у нас в группе чем занимается. Многие, в том числе какие-то довольно близкие к «АукцЫону» люди, вообще полагали, что я брат Черидника, и потом сильно удивлялись, что это не так.

— Несмотря на свою стеснительность и скромность, я стал брендом, — кокетничает нынешний Гаркундель. — «АукцЫон» — это Гаркуша, Гаркуша — это «АукцЫон». Первое время всем казалось, что я и придумал эту группу. Возможно, оттого, что я общительный человек, или мои прикиды и долговязая фигура привлекали повышенное внимание. Еще с «сайгонских» времен каждый второй вопрос наших фанов касался моего концертного пиджака. Все хотели его потрогать и чуть ли не съесть. Однако потребность в лидерстве у меня отсутствовала. Всегда говорил и буду говорить, что главный в нашей группе — Леня Федоров. Если бы он не написал такие гениальные песни, никакого «АукцЫона» никогда бы не было. А я что? Не только в «АукцЫоне», но и в «Поп-механике» плясал, и с Кинчевым, и с «ДДТ», и с «Чайфом». Где я только не плясал…

Коммуникабельность и эксцентричность Олега, помноженная на его прогрессировавшую алкоголизацию, все активнее выносила шоумена «Ы» за пределы «аукцыоновского» ареала. «Как только Сергей Курехин увидел в нашей компании Гаркушу, так сразу и пригласил его в „Поп-Механику"», — коротко сообщает Леня. «С рокерами и той средой, которую я хотел узнать, готовясь к съемкам „Взломщика", первым меня познакомил Гаркуша, — говорил в интервью сейчас уже ушедший из жизни кинорежиссер Валерий Огородников. — Меня привели на репетицию „АукцЫона", подошел Олег, протянул руку и представился: „Слюнь"».

«Огородников замыслил сделать суперфильм с рок-музыкантами, травой, девочками, папой-пьяницей и двумя его сыновьями» — так Слюнь обрисовал режиссерский замысел в своих мемуарах. Сам же Валерий Геннадьевич воспринимал свое кино скорее как «семейную драму». Но немногие зрители солидаризировались с ним в период премьерного показа «Взломщика» перестроечной осенью 1987 года. Потенциальная аудитория фильма позиционировала его в одном ряду с документальной лентой «Легко ли быть молодым?» Юриса Подниекса, уже снимавшимся в тот момент «Роком» Алексея Учителя (и в нем тоже не обошлось без Гаркуши) или, на худой конец, с появившейся несколько раньше блеклой картиной Александра Стефановича «Начни сначала» с Андреем Макаревичем в главной роли. Во «Взломщике», конечно, всех

притягивал не малореалистичный сюжет и некое моралите, а в первую очередь лидер «Алисы» Костя Кинчев в образе центрального героя, к тому же пребывавший тогда в полузапрещенном состоянии и готовившийся едва ли не к своему аресту. Сыграть другого значимого персонажа в картине Огородников, по утверждению Гаркунделя, поначалу планировал предложить как раз ему. Но в итоге Олег и «аукцыонщики» мелькнули во «Взломщике» в роли самих себя. И, как признался режиссер: «Они потом больше всех и брюзжали, что вот, водили меня всюду, водили, а снял я не то… А мне неинтересно ТО».

«Водили» Огородникова, собственно, не все участники «Ы», а конкретно Гаркуша на пару с будущим гитаристом «АукцЫона» Матковским, в тот момент еще считавшимся музыкантом «Мануфактуры». Для первого «погружения в материал» Олег пригласил Валерия «на тусовку к Кеше, что на Бухарестской». Подробности того вечера изложены в неоднократно мною упомянутой книге Гаркунделя «Мальчик как мальчик»: «Огородников был предупрежден о необходимости приношений в виде портвейна или водки, что и проделал. Режиссер был встречен жизнерадостно, да он и сам обалдел от экзотических мальчиков и девочек, танцующих твисты 60-х годов. Кто-то целовался, кто-то спал на лестнице. Скандалист, показывая крутизну, бил себя бутылкой по голове и беседовал с Оскалихой. Кто-то блевал, может быть, и я…»

— Участие во «Взломщике» не воспринималось мною как серьезный кинопроцесс, — повествует теперь Гаркуша. — Я, в сущности, просто привычно вышел подышать-покурить у «Сайгона», и меня запечатлели на пленку. Как и Кинчеву, мне было забавно и интересно. До этого нас никто в фильмах не снимал. В милицию забирали регулярно, а тут в кино пригласили.

Так совпало, что пока Олег эпизодически плясал в «Поп-механике», выполнял для Огородникова функцию сталкера в лабиринтах неформального питерского мира, дебютировал в кинематографе, «АукцЫон» подготовил новую концертную программу «В Багдаде все спокойно», в которой, в отличие от «Вернись в Сорренто», перу Гаркуши не принадлежало ни единого текста. Весь материал был сработан остававшимся в тени поразительным творческим альянсом Федоров-Озерский.

— «Багдад…» — последний наш проект, созданный, если можно так выразиться, от головы, — считает Озерский. — Мы его абсолютно точно смакетировали, избрали идею — о чем будем писать и как станем это исполнять. Тогда мы начитались Гофмана и попытались создать свою страну грез. Поэтому у нас там

зазвучали всякие арабские мотивы. Страна грез представлялась нам чем-то вроде Арабских Эмиратов, в которых пропала нефть или еще что-то. То есть это были такие, чисто умозрительные попытки переложения Гофмана на нашу современность. Поскольку все сочинялось по мотивам сказок, то в текстах наших вылезли разные фразы, кому-то не очень приятные. И тут еще война в Ираке началась.

Новую программу «АукцЫон» репетировал опять с одним саксофонистом. Расширенная посредством Рубанова под фестиваль духовая секция группы вернулась к прежнему формату. Колик-то остался, а вот его тезка Федорович сошел с пробега. «С ним стало сложно общаться, — объясняет Рубанов, — поскольку Николай в ту пору уже увлекся тяжелыми наркотиками и довольно быстро отпал от группы. Ему было просто некогда с нами играть, то есть — не до того».

«Словно я ударил ребенка…»

Все, кто хочет в группу «Форум», — играйте с Дмитрием Матковским.

Журнал «Рокси», № 13, июнь-октябрь 1987 г.

Рок-н-ролл — не просто музыкальный стиль, но и образ жизни, только не моей жизни.

Сергей Рогожин

Усугубляя чем и кем возможно собственную театральность, еще сохраняя имидж этаких ряженых шутников, где-то даже юродивых от рок-н-ролла (среди когорты русских рок-мудрецов, поющих о вечных вопросах и поколенческой рефлексии), «аукцыонщики» в «Багдаде…» уже нащупывают известную в искусстве, но неповторимую у каждого талантливого автора ноту страдающего шута, острящего не улыбаясь, фехтующего с миром и обороняющегося от него убийственным смехом и испепеляющей независимостью своих мелодий, жестов и суждений.

Не включайте свет,
Лучше ждать во тьме,
Не вставайте с мест,
Не мешайте мне,
Я хочу поставить крест
На своей судьбе…

— желает герой «Ы» в открывающей «Багдад…» теме «Путь в Джинистан». А дальше, скажем в «Жертвоприношении» и «Тоске», словно консервируются апокалиптические послания-диагнозы грядущей, нашей то бишь, эпохе:

Сегодня, ты знаешь сам,
Сегодня мы приносим сверхурочно жертву богам.
Нефть, газ,
Нефть ушла от нас.
Жертвобригада вновь перевыполнит план.
Новую жертву в заклан!

Нефть ушла от нас!
Ты — жертва. Не стоит ныть.
Ты — жертва ради нефти.

И вот финал картины:

Ветер перемен, шаг не в полноги,
Не для этих стен, а для других.
Yellow submarine, желтая тоска.
Желтый карантин — на века.

Такое драматичное ерничество в сочетании с изрядной жеманностью фронтмена Рогожина и командными аукцыоновскими чудачествами для многих обернулось фигой в кармане. В эволюцию «АукцЫона» критики и массы поначалу просто не врубились или не потрудились врубиться. Раз вы клоуны — так смешите нас и развлекайте, заполняйте, образно говоря, паузы между выступлениями столпов рок-клуба, занимайте нишу «Странных игр», будьте нашим «Мэднессом» и не выдумывайте иных концепций. Впервые услышав «Багдад…», Алек Зандер в своем «Рокси» констатировал: «Эта компания попыталась порадовать народ новой программой «В Багдаде все спокойно», но неудачно. Хотя все было обставлено очень пышно — оформленная сцена, халаты, чалмы. Музыка стала помедленнее, тексты — поскучнее, и если Гаркуша, колбасящийся под быстрые ритмы новой волны, смотрелся очень здорово, то попытки извиваться наподобие танцовщицы под псевдовосточные пассажи окончились очевидным крахом. Сопротивление, как говорится, материала. В итоге „АукцЫон" вернулся к старой программе, которой и убрал московскую „Бригаду С" на концерте в ЛДМ».

На самом деле «АукцЫон» никуда «возвращаться» не думал. Группа поступала сообразно обстоятельствам. Когда формат сейшена или его условия не благоприятствовали представлению свежего аукцыонов-ского перфоманса в полном объеме — акцент делался на проверенные хиты «соррентовского» периода, но уже ближайший рок-клубовский фестиваль доказал: ехидно, по-шапоклякски, пропетое в начале славной дороги «Ы» заявление:

Не хочу и не умею

Быть таким, как все,
Этот вызов я бросаю
Логике вещей, —

употреблялось не ради красного словца, а иллюстрировало естество сей «компании» (как обозначил «аукцыонщиков» Зандер-Старцев).

— Нам в то время реально хотелось превратить наши концерты в некий театр. И мы это делали, — рассуждает Федоров. — Тем более что все для воплощения подобной идеи у нас было: Рогожин, Гаркундель, Миллер с его декорациями… Кстати, к «Багдаду…» мы уже не только миллеровские костюмы использовали, что-то и на «Ленфильме» брали. Мы, собственно, в тот период стали одной из рок-клубовских звезд, и нам постоянно предлагали сотрудничество всякие неформальные модельеры, стригли нас в каком-то суперсалоне.

— Я — режиссер драмы, Рогожин — режиссер массовых зрелищ, и вместе мы старались поставить какое-то концептуальное действо, — говорит Озерский. — На «Багдаде…», впрочем, наши театральные опыты и закончились, да и Сергей вскоре «АукцЫон» покинул. А тогда всем в группе это было интересно, и особых споров не возникало. Каждый воплощал свою роль. С Миллером заранее договаривались об определенных костюмах, гриме. Маленькие проблемы, конечно, возникали. Например, когда хотели нарядить Бондарика в колготки его жены…

— Выезжая с «АукцЫоном» куда-нибудь на гастроли, я нередко почему-то жил именно с Бондариком в одном номере, — вспоминает Миллер. — Он правильный такой, смешной, немножко моралист, зануда, любит поучить, а супруга его воспитателем в детском саду работает. Меня это сочетание очень занимало: муж — в «АукцЫоне», жена — в детском саду. И вообще, мне интересна природа занудства, я зануд люблю.

— Сейчас, по прошествии стольких лет, мне, честно говоря, все наши альбомы нравятся, — признается Рубанов. — Но недавнее внезапное прослушивание «Багдада…» впечатлило наиболее сильно. Возможно, оттого, что мы давным-давно эту программу не играем. А тут вспомнил ее и задумался: ничего себе, это мы такое сочинили! И возгордился…

То, чем нынче гордится Колик и что не вдохновило «в первом чтении» рецензентов 1980-х, «АукцЫон» с принципиальной настойчивостью вновь изобразил в начале июня 1987 года в

«мажорско-комсомольском» ленинградском Дворце молодежи на V фестивале рок-клуба. И получил от того же «Рокси» еще одну короткую, поверхностную и безжалостную отповедь: «Несмотря на то что еще восемь месяцев назад все дружно обругали программу „Вернись в Сорренто", „АукцЫон" снова вылез с ней на фестиваль. Так что провал был вполне закономерен. Успех группы зависит не от декораций, пусть даже работы Киры Миллера».

Стоит заметить, что на пятом фесте «АукцЫону» пришлось гнуть свою линию на фоне исторических питерских дебютов «ДДТ», «Ноля» и Александры Башлачева. С «дядей Федором» Чистяковым, бесбашенностью своей, сюром и отвязанностью явно вторгавшимся на «аукцыоновское» поле, «Ы» довелось выступать еще и в одном концерте четвертого фестивального дня. Причем «Ноль» этот сейшен открывал, и «аукцыонщики» рисковали попасть в ситуацию, в которую на предыдущем фестивале сами загнали группу «Кино». То есть Федя эмоционально измочалит зал, а известный уже публике «АукцЫон» с незнакомой и не столь «веселой» программой встретят умиротворенно. Ну, приблизительно так и вышло. Хотя не только и не столько «Ноль» и вторая презентация «Багдада…» тому виной. Ключевым моментом не самого феерического выступления «Ы» на пятом фестивале стал, возможно, «человеческий фактор», а именно — решение Рогожина свалить из группы.

— Программа «В Багдаде все спокойно» специально под Рогожина строилась, — отмечает Леня. — Мы почти год на него работали. На фестивале он ее отпел и сразу после этого заявил мне, что уходит из группы, поскольку его пригласили в «Форум». У Рогожина тогда даже питерской прописки не было. А там ему обещали и прописку, и квартиру, и хорошую зарплату, и постоянные гастроли. Он уже был женат, у него дочка родилась… В общем, обломал он нас, конечно, дико своим уходом.

— На самом деле Рогожин мог еще довольно долго музицировать в «АукцЫоне», — считает Рубанов. — Но он сделал иной выбор. Наверное, ему было несколько тяжеловато у нас. Он же вокалист, то есть, переводя на сленг, «петух № 1», которому требуется повышенное внимание и чтобы все букеты и популярность сначала доставались ему, а потом, по убывающей, остальным членам группы. Но рядом с Сергеем на сцене находился Гаркуша, который перетягивал на себя львиную долю зрительских симпатий. Полагаю, Рогожину это было не очень приятно.

— Сережка удачно поучаствовал в наших первых программах, — оценивает Бондарик, — а потом пошел строить сольную карьеру, как того и хотел. Для «АукцЫона», на мой взгляд, его

уход потерей не стал. Я, например, изначально не видел причины, по которой у нас солистом должен быть не Федоров, а кто-то другой. Ленька всегда своеобразно подавал тексты наших песен, он дышал ими, и это конкретно цепляло публику.

— После моего ухода «АукцЫон» стал делать программу «Как я стал предателем», — вспоминает Рогожин. — Вот какие говорящие названия бывают. Я, видимо, и воплотил образ этого предателя. А если серьезно, то мое пребывание в «Ы» являлось для меня не более чем игрой. При том что я нисколько об этом периоде не жалею, считаю, что много в нем почерпнул, и благодарен каждой проведенной с «АукцЫоном» минуте. Это действительно был интересный опыт. Но я мечтал о профессиональной сцене и не видел себя в дальнейшем, условно говоря, на уровне питья портвейна по подъездам. Такого я уже наелся, и когда мне предложили петь в самой популярной на тот момент в Советском Союзе группе «Форум», я, естественно, согласился.

«Лермонтов» из «Ы» понадобился «Форуму», как только штатный фронтмен этого коллектива Виктор Салтыков свалил в другой набиравший силу поп-проект «Электроклуб». Салтыков попал на советскую эстраду из рок-клубовской «Мануфактуры», где соседствовал с будущим «аукцыонщиком» Дмитрием Матковским. Рогожин получил весточку из «Форума» тоже в момент сотрудничества с Матковским, но уже в новоиспеченной команде-сборной «Охота романтических их».

Отсюда и родился прикол в «Рокси», вынесенный в эпиграф этой главы.

«Охота…», составленная из достаточно опытных музыкантов, представлявших одновременно другие, очень известные коллективы (Игорь Тихомиров — басист «Кино», Андрей Муратов — клавишник «ДДТ», барабанщик Андрей Кондрашкин — вообще целая рок-летопись: от «Аквариума» до «АВИА»), тоже выступала на V фестивале рок-клуба, и полностью сконцентрироваться на специально для него подготовленном «Багдаде…» Рогожину, вероятно, было нелегко.

«Тогда я был нарасхват, — без нарочитой скромности рассказывает Сергей. — Помимо „АукцЫона" и „Охоты…" я пел еще и в „Электростандарте" Сергея Белолипецкого. Никто из рок-клубовских солистов так востребован не был». Тем не менее Рогожин мгновенно сменил все это стилистическое, но малорентабельное изобилие на гарантированный жирный кусок пирога и центральное место в «чешущем» без устали по стране попсовом «Форуме». Так считали практически все его бывшие коллеги по рок-группам.

— Да это бред сивой кобылы! Не в деньгах дело, — оправдывается или, скорее, просто растолковывает сегодня Рогожин. — После рождения дочери Светка, моя жена, еще год жила с ней в Запорожье, поскольку из общежития Института культуры я уже выписался, а в ленконцертовской общаге на улице Чайковского мне выделили одну койку, и поселить семью мне фактически некуда было. И купить квартиру, сколько бы я ни зарабатывал тогда, в Ленинграде было невозможно, как, к слову, и машину. Первый автомобиль я приобрел после пяти-шести лет работы в «Форуме». Так что, если «аукцыонщики» полагают, что, уйдя от них, я сразу попал в шоколад, они глубоко ошибаются.

Согласно тарификации Ленконцерта, мне в «Форуме» поначалу платили 7 рублей 50 копеек за концерт. Правда, буквально через несколько месяцев гонорар подняли до 18 рублей за выступление. А потом директор «Форума» Володя Кауфман пробил нам так называемые «камерные» ставки, самые высокие в Ленконцерте, и я стал получать по 30 рублей за концерт. Поскольку мы были максимально задействованы, давали по 60 сольников в месяц, то иногда за день мне доводилось зарабатывать месячный оклад моих родителей. Денег стало до хренища, но, повторю, купить на них можно было отнюдь не все, что хотелось. Вспомни, куча ограничений ведь существовала. Те же квартиры, машины давали ветеранам войны, ударникам производства, старым партийцам и т. п. Уже став популярным артистом, которого показывали в «Утренней почте», «Песне года» и прочих всесоюзных телепрограммах, я с женой и ребенком ютился в коммуналке, в девятнадцатиметровой комнате, выделенной мне по закону как молодому специалисту Ленконцертом. А рядом жили соседи-алкоголики…

Еще замечу, что в «Форуме» я оказался на подъеме перестройки, которая очень скоро все изменила, сняла многие запреты, и любительские рок-команды, тот же «АукцЫон», стали выступать во Дворцах спорта, выезжать за границу, получать неплохие суммы за концерты, а попса потихонечку пошла на спад. Но меня это не тревожило. Важно было, что я занимаюсь пением профессионально.

Упомянутый директор Кауфман, по словам Рогожина, намекал ему на возможность миграции в «Форум» еще за год до V рок-клубовского фестиваля. Сейчас лишь в сослагательном наклонении можно рассуждать, как разворачивалась бы история «Ы», уйди Сергей в 1986-м, до написания «Багдада…». Появилась бы вообще у «АукцЫона» такая программа или группа нашла бы солиста с другим имиджем и голосом и придумала для него иные песни? Вышло так, как вышло, и навеянное Гофманом

представление на фесте во Дворце молодежи стало «лебединой» рогожинской песней в «Ы».

— Накануне нашего фестивального концерта, — рассказывает Сергей, — мне позвонил Кауфман и сообщил, что Салтыков ушел в «Электроклуб» и «Форуму» срочно нужен солист. Так что есть шанс быстро оформить мне документы и осуществить то, о чем мы давно говорили. Володя сказал, что завтра приедет на концерт «АукцЫона» и там мы с ним все окончательно обговорим. А на фестивале ведь вся тусовка собиралась, музыканты, журналисты… И Кауфман, еще до нашего выхода на сцену, поведал питерскому музыкальному критику Мише Садчикову о моем готовящемся переходе в «Форум». Я-то хотел рассказать ребятам об этом после концерта, дабы отыграть напоследок с привычным драйвом и не устраивать во Дворце молодежи свое «прощальное шоу». В предыдущий день на фестивале уже был подобный момент, когда выступала группа «Присутствие» и ее фронтмен Игорь Семенов пафосно объявил, что покидает команду и далее займется своим сольным проектом. Мне это очень не понравилось…

Но вдруг, буквально за пару минут до нашего выхода на сцену, за кулисами Леня меня спросил: «А чего Садчиков какую-то херню рассказывает, будто ты теперь солист „Форума"?» Пиздец полный. И тут нас объявляют. Я на ходу вынужден подтвердить Федорову, что это правда, и он посмотрел так, что у меня возникло ощущение, словно я ударил ребенка…

Явление рыжего Вовы

Не всеми прочувствованный на пятом фесте «ориентальный» перфоманс «Ы» удостоился от того же жюри, что годом раньше восторгалось программой «Вернись в Сорренто», ироничной похвалы «за превращение идеи аукциона в идею караван-сарая». Впрочем, на «Литуанике-87» — крупнейшем прибалтийском рок-смотре, проходившем с 19 по 24 мая (то есть за пару недель до рок-клубовского фестиваля) в Вильнюсском Дворце спорта, — «АукцЫон» официально и вовсе ничем не отметили. А из толпы у сцены в адрес группы иногда даже выкрикивали, по свидетельству Гаркуши, реплики типа «Иван-дурак!». Вероятно, и тут можно вести речь о «не врубившихся» в аллегоризм и неформатность «Ы», а, скажем, не об ортодоксальных литовских патриотах, ощущавших в тот момент подъем национального самосознания и мстивших любыми способами «советским оккупантам». Уж аполитично-издевательские «аукцыонщики» точно не смахивали на типичных представителей «большого брата», равно как и признаков русопятства в них не проглядывалось. Так что раздражать молодых советских прибалтов, заточенных тогда на прямолинейный, преимущественно утяжеленный рок, могла художественная позиция (скорее оппозиция) «Ы» в целом. Характерно, что из российских «делегатов» на той «Литуанике» лауреатства удостоился только холодноватый, но конкретно антимилитаристский, остросоциальный и не столичный, уральский «Наутилус Помпилиус». Выпадавших, по типу «АукцЫона», из традиционной канвы театральных москвичей из «Бригады С» и ленинградцев из «АВИА» тоже не наградили.

«Когда в Вильнюсе нам показали целый Дворец спорта, где мы должны играть, мне чуть плохо не стало», — признается Олег. Но, несмотря на мандраж и неоднозначную реакцию местной публики, Гаркундель успел облить кого-то из зрителей пивом, получить в ответ от пострадавшего по челюсти и в целом позитивно зарядиться «теплотой и красотой» литовской столицы. Других «аукцыонщиков» первые почти заграничные гастроли тоже в сплин не вогнали и, возможно, отчасти поспособствовали достаточно сдержанной реакции группы на скорый уход Рогожина.

— Надо отдать ребятам должное, — признает Сергей, — фестивальный концерт во Дворце молодежи мы отыграли нормально, хотя не только Леня, но и все «аукцыонщики» перед его началом уже знали, что я ухожу в «Форум». И после выступления никто мне в след не говорил: «Пошел на х…!»

Помнится, несколько позже я даже пришел на вокзал проводить их на гастроли, кажется в Свердловск. Они тогда уговаривали меня поехать с ними. Мол, там будет круто: «Урфин Джюс», «Наутилус» и все такое, давай, мы тебе билет на поезд купим… И я не мог им объяснить, что думаю совсем о другом. Какой Свердловск, когда у меня через несколько дней с «Форумом» поездка в Копенгаген!

— Обида на Рогожина у нас постепенно прошла, — вспоминает Гаркуша, — и поскольку Федоров все еще не дорос до роли основного солиста, мы опять принялись искать подходящего вокалиста. К нам приходили самые разные люди. Вадик Мамышев-Монро пробовался на вакантное место, Сережа Паращук, будущий основатель «НЭПа»… Еще каких-то моих знакомых по сайгонской тусовке мы просматривали. Тогда мир был очень простой. Все друг друга знали, любили, ездили в гости. Короче говоря, пили вместе. Коммуна не коммуна, но какая-то солидарность существовала.

Применительно к «АукцЫону» подобную «солидарность» Колик Рубанов называет «племенным советом» и поясняет:

— Специально «Ы» никто никогда нужен не был, в том числе профессиональный штатный вокалист. В группе оставались те, чьи вибрации совпадали с вибрациями данного племени. При этом человек вообще мог являться не музыкантом, а, скажем, мастером вязания узелков по древнеиндийской методике. Долгое время у «АукцЫона», например, были сразу два директора. Хотя какие там вообще требовались директора любительской группе на заре отечественного рок-н-ролла? Просто люди они были хорошие, весело нам вместе было.

Тот «веселый» административный тандем составляли знаток английского языка, сын ученого-востоковеда Михаил Пестов и «беспробудный пьяница» (по оценке Гаркунделя) Костя Белявский. Затем их «обязанности» в одиночку взвалил на себя уже упоминавшийся в сей книге Сергей «Скво» Скворцов, едва ли не с основания группы занимавший в ней самые разные «должности» — от «пиарщика» до светооператора, ну и собутыльника естественно.

Все в том же 1987-м племя «Ы» ненадолго пополнил гитарист из донецкого коллектива «Сценарий» Игорь Скалдин по прозвищу Металлист. А вскоре один за другим в группу основательно влились две фигуры, в немалой степени определившие ее звучание в последующие полтора десятилетия. Из многократно и справедливо премированных на рок-клубовских фестивалях «Джунглей» пришел джаз-роковый перкуссионист Павел Литвинов (он, к слову, успел сыграть на V питерском рок-фесте и с

«Джунглями», и с «Ы» и удостоился индивидуального диплома от жюри), а из еще более авторитетной «Мануфактуры», а заодно и «Охоты романтических их» в «АукцЫон» перебрался Дмитрий Матковский (сменивший как раз Скалдина).

— Матковского в «Ы» привел я, — рассказывает Миллер, — вернее, порекомендовал Леньке его взять. Дима был моим соседом по дому и очень художественной личностью. Мы с ним дружили, иногда даже брали на ночь у клавишника «ДДТ» Андрея Муратова синтезатор и придумывали какую-то свою музыку. Полночи он что-то наигрывал, полночи — я. Плюс он хорошо воспринимал всякие оформительские идеи и, придя в «АукцЫон», очень меня поддерживал и помогал одевать группу. Матковский всегда целиком и полностью был на моей стороне.

Бурный, переходный год «Ы» из одного состояния в другое, от исчерпанных форм и прежних приемов к новому почерку и абсолютной индивидуальности, принес еще и первую официально изданную в СССР запись группы. Фирма «Мелодия» включила в свой виниловый диск-гигант «Ленинградский рок-клуб» аукцыоновскую «Волчицу».

«На обложке пластинки имелась наша маленькая фотография, — вспоминает Гаркундель, — и я очень гордился этим фактом и тем, что нас вообще включили в такой сборник. Особенно приятно было встречаться с моими коллегами по обмену и коллекционированию дисков и видеть у них в руках эту пластинку». Гаркуше в тот период вообще фартило. И «АукцЫон» на мелодиевском сборнике издают, и «Поп-механика» Олега регулярно приглашает, и «Взломщик» широко прокатился по советским кинотеатрам. «Когда фильм Огородникова вышел, — говорит Гаркуша, — я заметил, что порой на улице или в общественном транспорте на меня стали люди коситься, и понял, что пришла какая-то моя узнаваемость». С творческими вечерами, сопровождавшими показы «Взломщика», Олег как актер объездил едва ли не все кинотеатры Питера и области. На одном из таких мероприятий, в Гатчине, 27 августа 1987 года, к нему подошел местный парень Вова Веселкин. Тогда он запомнился Гаркунделю «молодым человеком в очках, безумно рыжим и очень интеллигентным». Попробуй сейчас докажи кому-нибудь, что так и было. Вся последовавшая за той исторической встречей судьба Веселкина выглядит тотальным опровержением его раннего портрета, нарисованного Гаркушей.

Володя сообщил Олегу, что знаком по ленинградскому Институту культуры с Рогожиным и давно мечтает танцевать в «АукцЫоне».

— Рогожин от нас к тому времени ушел, — восстанавливает

цепь событий Олег, — и я сказал Вове, что танцор-то нам не особенно нужен. Вокалист требуется. А я, говорит мне Веселкин, еще и пою чуть-чуть. Ну, приходи тогда к нам на точку в «Авангард» на Металлистов, отвечаю ему. Вскоре он и пришел. С магнитофончиком. Нарядился эффектно, включил музыку, уж не помню, что там у него играло, Шаде или типа того, и устроил феерические танцы, от которых у нас челюсти отвисли. Сразу стало понятно, что это талантливый человек. А что ему делать в «Ы», он и сам придумает.

Стоит ли очередной раз отмечать в этой книге, что и детали появления в группе ошеломляющего Вовы коренные «аукцыонщики» помнят расплывчато. Лене, например, кажется: «Веселкина привел то ли Озерский, то ли Рогожин. Сказали: вот — танцор. Я подумал: а на фига нам танцор? Но согласился его посмотреть-послушать и очумел. Как назвать тот танец, что он показал у нас на точке, я не знаю, но было очень кайфово. Крутая импровизация. Я сказал, что это нам подходит. Потом Вова начал приходить на репетиции, а когда вышел с нами на концерт, все вообще стало понятно».

— По-моему, Веселкин обратился ко мне в институте, — делится своей версией Озерский, — и представился танцором. Интересно вышло: если Рогожина в том же «Кульке» я когда-то, типа, искал специально, то Володя предложил себя сам.

— Как только в «Ы» появился Веселкин, он тут же приковал мое внимание к себе, — эмоционально рассказывает Миллер. — Это был натуральный фрик, с собственной яркой историей. Фантастический талант, интересный художник, просто переродившийся Бакст! Любого человека, в принципе, можно научить рисовать, но научить рисовать, как Бакст, — крайне сложно. В «АукцЫоне» Вове, конечно, не хватало пространства. Исключительно танцевальная роль была ему маловата. Он и петь постоянно хотел.

«Рыжий интеллигент» Веселкин оказался в первые годы пребывания в «Ы» единственным скрупулезным членом коллектива. Принятие в «племя», к которому он стремился, побудило его к ведению личного дневника (только этот документ сейчас в некоторых случаях и позволяет восстановить череду «аукцыоновских» деяний давно минувших лет). 16 сентября 1987 года Вова записал: «До 23.15. был с „АукцЫоном". Просидел более 5 часов и только потом танцевал для группы под Грига. Аплодисменты! „Если бы так пел, как танцуешь, то тебя бы сразу взяли в «Форум»", — сказал Озерский. Все смеялись. Перед танцем я спел под их аккомпанемент „Книгу учета жизни". Федорову не понравилось. Приговор — только танцевать, но

человек предполагает — Бог располагает».

Делайте что хотите, только инструменты не трогайте

> Коллектив у нас совершенно идиотский, сумасшедший. Люди в «АукцЫоне» появляются непостижимым образом и уходят так же.
>
> *Олег Гаркуша*

> И после нескольких лет наших активных выступлений я не чувствовал себя сложившимся музыкантом. Да и сейчас не чувствую. Зато Игорь Чередник однажды сказал: «Смотрите-ка, Озерский свою клавишную партию наконец выучил, теперь его хрен из группы выгонишь». Сам он, правда, вскоре от нас ушел.
>
> *Дмитрий Озерский*

«Гатчинский Бакст» поспел в «Ы» к сроку. И быстро совместил свое «время танцора» с трансформировавшейся и матеревшей «аукцыоновской» выразительностью. Еще полшага, и из «мальчика» (однострочного творения Гаркунделя) вырастет целый «предатель» — один из знаковых альбомов «Ы», да и всего, чего уж там, отечественного рока, «Как я стал предателем», к профессиональной записи коего группа приступит в мае 1988-го. После его появления глубину и интонационную филигранность «аукцыоновских» песен оценят, кажется, все, кому в принципе интересно такое искусство. И первобытно-абсурдистскую стихию Бовиных пластических экзерсисов примут как неотъемлемую часть превращения «Ы» в большую величину нашего рок-н-ролла.

А пока, осенью 1987-го, «АукцЫон», микшируя две программы, с которыми выступал на ленинградских рок-фестивалях, плотно концертирует в усиленном составе, уже снимается на ТВ и даже в рекламных проектах. 2.12.87 (это не привет БГ, а просто дата) Вова кратко зафиксирует в своей «книге учета жизни»: «Реклама „Аукционом" западногерманских гитар. Фотосессия».

— Появление Веселкина в «Ы» выглядело таким же экспериментом, как и все, чем мы занимались, — считает Бондарик. — И вышло удачно. С Гаркушей они образовали шикарный тандем.

— Сначала Вова участвовал в наших выступлениях достаточно дозированно, — поясняет Гаркуша. — Номера мы с

ним придумывали прямо перед концертом или импровизировали по ходу действа. На «Осколках», допустим, делали общий танец.

В любом городе, где «АукцЫон» гастролировал, Веселкин находил что-то для использования в представлении: какую-то штангу за кулисами, колесо, палку — и тащил на сцену. Мог принести снег с улицы или сорванные с клумбы цветы, залезть на колонки либо другую сценическую конструкцию.

— В плане самовыражения у Гаркуши и Веселкина была полная свобода, — вспоминает Федоров. — Главное, чтобы инструменты не трогали и играть нам не мешали. А в остальном — делайте что хотите, фантазируйте, прикалывайтесь. Я в их «кухню» вообще не лез. Димка иногда что-то по-режиссерски им подсказывал, Миллер подбрасывал какие-то идейки…

— Веселкин добавил яркого безумства в представления «Ы», — рассказывает Миллер. — Причем поначалу он еще и практически не пил. Хотя все в группе с алкоголем дружили, и за кулисами или в поездках у нас всегда было весело. Но вели себя ребята вполне аккуратненько. Кроме Гаркуши, конечно, который зачастую отдельно от «АукцЫона» тусовался. Ему все прощалось, как особой фигуре. Мне казалось, что для поддержания эксклюзивного имиджа «Ы» Олега достаточно было просто выносить на сцену, класть где-нибудь на видном месте, и пусть он спит. Мол, вот вам Гаркуша собственной персоной. А по окончании концерта его уносить.

После первого выступления с «АукцЫоном» в питерском кинотеатре «Прибой», 28 сентября 1987 года, Веселкин (вот ведь подходящая для члена «Ы» фамилия) отметит в своем дневнике: «…в самом начале, на „Колпаке", я и Миллер вынесли Олега через зал на сцену, запеленованного в золотисто-зеленую тряпку. Люди моментально насторожились, потом засвистели и зааплодировали… Когда я снова вышел на сцену на „Волчице" и сильно хлопнул дверью, кто-то выдавил: „Опять этот идет!" Моего танца люди испугались, при моем приближении отшатывались. Милицию возмущала моя дембельская форма. Впервые меня разрывали на сувениры. После концерта один знакомый сказал мне: „Странные, очень странные у тебя танцы. Такое впечатление, что ты начитался Солженицына". Смешно».

Действительно смешно. Достигшую апогея (с приходом Веселкина) буффонаду «Ы» многие за чистую монету по-прежнему не принимали. В каждом деянии этих музыкантов и диковатых плясунов с размалеванными лицами пытались обнаружить политический, духовный или еще какой каверзный подтекст, самими «аукцыонщиками» не подразумевавшийся. Так было, если вспомнить, и в период «литования» первых текстов «АукцЫона» в

рок-клубе, так продолжалось и в следующие годы. Стопроцентное веселье «Ы», шизоидное и «без примесей», именно неправдоподобной своей естественностью местных реалистов и настораживало. Вот западные «фирмачи», не разбиравшие ни одной «аукцыоновской» строчки и реагировавшие исключительно на гиперпанковские внешние формы команды и ее ломовой драйв в упаднических интерьерах Страны Советов, сразу приходили в изумление и восторг и с удовольствием общались с «АукцЫоном», снимали его в клипах и фильмах. Немецкий рокер, «художник и поэт» Удо Линденберг, запомнившийся нашему народу тем, что в середине 1980-х спел в Москве с Аллой Пугачевой, не поленился даже, будучи в тот период в Питере, заехать на «точку» к «Ы» (с подобающим такому случаю и своему статусу количеством невиданного в СССР бухла и провианта) и посмотреть «из какого сора», так сказать, произрастает гениальность сей фриковской группы товарищей. Вскоре соотечественники Удо уже снимали «АукцЫон», наряду с «Нолем» и «ЛЭМом», в картине «Давай, рок-н-ролл», убеждавшей, что перестройка в «совдепии» набрала крейсерский ход. Потом различные съемки у «Ы» пошли вообще косяком.

21 ноября 1987-го «АукцЫон» снимается в программе «Поп-шоу» в ленинградском Дворце спорта «Юбилейный», где Веселкин «впервые залез на колонки», чем сильно озадачил работников зала, да и сам перепугался. Помимо нескольких своих хитов «аукцыонщики» исполнили на том мероприятии (проводившемся как бы в поддержку Кости Кинчева, угодившего тогда в опалу у питерских властей) нечто такое, что в очередной раз повергло в сомнения и даже раздражение критиков группы.

— Мы любую вещь превращали в ее противоположность, — говорит Леня. — На том концерте на мотив знаменитой темы «Караван» мы сыграли алисовскую «Мы вместе!». Нам хотелось добавить в нее ситар или какой-то другой аутентичный инструмент. Некоторые, конечно, стали на нас шикать, мол, как вы посмели опозорить великое дело Кинчева! Хотя ему самому это, естественно, было по барабану. Просто мы позиционировали себя иронично настроенными абсолютно ко всему, не только на сцене, но и в жизни. А Гаркуша являлся олицетворением этой позиции.

Концовка содержательного 1987-го получилась у «АукцЫона» столь же непосредственной, как и весь год. В середине декабря группа на несколько дней смоталась в Баку, где показала себя «южным парням» в культурном центре «Джанги», поглотила энный объем местных одухотворяющих напитков и снялась на азербайджанском ТВ в неком подобии известной ленинградской

телепередачи «Музыкальный ринг». Программу почему-то так и не выпустили в эфир и даже (по сведениям Гаркуши) запись ее размагнитили. Но «аукцыонщикам» сам процесс участия в ней принес определенное удовольствие, так что какая-то польза от данной телезатеи была.

Не менее прикольным получилось и предновогоднее выступление «Ы» в питерском кинотеатре «Аврора». Сейшен был приурочен к премьере соловьевской картины «АССА», однако ее не показали. Зато к нетрезвому Гаркунделю и Вове в этот вечер на сцене добавился Кира Миллер в папахе и красной накидке.

Через месяц Веселкин «подписал договор с „Аукционом" на ежемесячную оплату за выступления в размере 90 рублей». Хотя вот Колик, рассуждая о том времени, считает, что «про обеспечение своей жизни за счет участия в „АукцЫоне" тогда речи не шло. Более того, если бы у кого-то в группе такая мысль возникла, человека бы очень сильно высмеяли, а то могли бы и по сусалам дать…». Вову тем не менее коллеги бить не стали…

В феврале итальянцы на квартире Озерского снимают клип на «Волчицу» и, по словам Веселкина, сулят «Ы» в тот момент радужные перспективы, даже что-то говорят о Каннах. По кумачовой ковровой дорожке на Лазурном Берегу «аукцыонщикам», впрочем, прогуляться не довелось, зато весной 1988-го они отыскали нового фронтмена. По крайней мере, так им в тот момент думалось. После череды «кастинговых» обломов «АукцЫон», точнее, Озерский все в той же «кузнице кадров», ленинградском Институте культуры, набрел на актера-скрипача Евгения Дятлова, нынешнюю звезду российского кино и телесериалов.

— Дима, по-моему вместе с Леней Федоровым, вытащил меня из институтской аудитории чуть ли не по ходу лекции и спросил: «Хочешь петь в рок-группе?» — вспоминает Дятлов. — Слухи о том, что я неплохо пою, по вузу тогда уже бродили, к тому же с Озерским у нас были общие знакомые в театральной среде, которые тоже ему, наверное, что-то обо мне говорили. Я ответил: «Очень хочу», собственно, с этой целью и приехал в Ленинград. И Дима сказал: «Ну, тогда приходи к нам, и будем работать».

«Предатель» и Дятлов

Семь лет проучившийся в юности в музыкальной школе по классу скрипки Евгений в дальнейшем посчитал себя «театральным человеком» и роком интересовался, «как многие студенты, просто на любительском уровне». «Несколько раз я бывал на рок-клубовских концертах, — рассказывает Дятлов, — но „АукцЫон" живьем никогда не слышал, да и на кассетах тоже. Видел эту группу лишь во „Взломщике". Однако как только пришел на их первую репетицию, контакту нас установился сразу. Приняли меня здорово, и я понял, что это ребята моего склада и духа».

— Когда я приглашал Дятлова к нам, то ни его самого, ни его вокальных возможностей не знал, как и прежде в случае с Рогожиным, — объясняет Озерский. — Но нам требовался фронтмен с определенными данными, и мы такого искали. Все ведь уже привыкли, что «АукцЫон» театрализованная группа, где есть человек с красивым вокалом. Но никто из тех, кого мы пробовали на замену Рогожину, нам не подошел. Однажды вроде бы появился парень с мощным, классическим вокалом, много лет певший в хоре. Но у него абсолютно отсутствовало чувство ритма. За одну фразу он успевал отстать на полтакта. Я с ним мучился, специально оставался после репетиций, мы пытались разучивать «Книгу учета жизни», другие наши первые хиты. И ничего не получалось.

— При первом знакомстве, на репетиции, Женя поразил нас не меньше, чем когда-то Рогожин, — говорит Гаркуша. — Он, один в один, спел что-то из Queen, да еще и классно сыграл на скрипке. Федоров просто упал.

— Дятлов понравился мне намного больше Рогожина, — признается Леня. — Он вообще музыкально одарен. Интонировал он интереснее Сергея, хорошо владел голосом, играть умел. На первой репетиции Женя взял скрипку и с ходу сыграл то, что нам было нужно.

— Тогда готовился альбом «Как я стал предателем», — продолжает Дятлов. — И, честно говоря, не со всеми исполнительскими задачами я сразу справлялся. Где-то до необходимого уровня не дотягивал. Некоторые песни мне давались, некоторые нет. Я спел «Охотника», «Лети, лейтенант», вдвоем с Леней сделали «Новогоднюю песню», в «Сосет» сыграл на скрипке… Все были довольны. Но мне хотелось петь и «Вечер мой», и «Лизу». Попробовал. Ребята, однако, решили пока ограничить меня несколькими композициями.

В апреле 1988-го Евгений отправился с «Ы» на гастроли в Калининград, а затем поучаствовал еще в нескольких выездных концертах.

— Стоял на сцене, на скрипочке играл, — говорит о тех выступлениях Дятлов. — Мне даже давали что-то попеть. Но мало. Я-то чувствовал в себе фронтменские амбиции. У меня же еще в ранние студенческие годы был опыт участия в группе. В Харькове я пел в команде «Отражение», сочинял песни. А в «АукцЫоне» по-настоящему свое место мне найти не удавалось. Это очень цельный коллектив. Там каждый подхватывал музыкальные идеи друг друга буквально с полтычка. К тому же у группы был очень выразительный, абсолютно самостоятельный, ни на кого не похожий образ. В пору повального увлечения гражданским роком с политической составляющей «АукцЫон» находился от него в стороне. Ребята придумывали собственный мир, ставили свои вопросы. Конъюнктурные моменты их мало волновали.

— Диссидентами типа Ордановского или Гребенщикова или непримиримыми борцами с режимом вроде Миши Борзыкина мы никогда не были, — объясняет Гаркундель. — Максимум, что лично я мог сделать, — советский флаг по пьяни с какого-нибудь дома в праздник снять. Не от большого политического протеста, а не знаю зачем. Просто хотелось флаг домой принести…

Но сотрудники КГБ меня, естественно, всегда контролировали. Подходили, вызывали, спрашивали, просили. Допустим, не расскажу ли я поподробнее о Джоанне Стингрей или еще каких-то людях. Разумеется, я косил под дурака, обещал, что как только появится возможность, обязательно, дорогие товарищи, всем вам расскажу, проинформирую. И, конечно, ничего подобного не делал.

«Комитетчики» в тот период, кстати, ничем меня не стращали, наоборот, заманивали. Предлагали в обмен на сотрудничество обеспечить, например, нужным количеством билетов на любые рок-клубовские сейшены. А это была очень актуальная тема: знакомых девушек у нас имелось много и всех их требовалось на концерты проводить.

— Политика как-то мимо меня шла, — развивает мысль Озерский. — Хотя кого-то из моих бывших одноклассников забрали, скажем, в Афганистан и даже там ранили. Я выражал им свое человеческое сочувствие, но к политическим размышлениям меня это не побуждало. Все происходившее в стране я принимал как определенные условия игры. Ну, вот Маугли, например, рос в джунглях, и там существовали свои особенности поведения. И в СССР тоже. Скажем, для поступления в институт желательно быть

комсомольцем, и люди вступали в эту организацию, хотя по убеждениям никто из них комсомольцем не был. Лично я ярых комсомольцев не встречал в жизни никогда.

Есть внешний мир, в котором мы существуем и учитываем его законы. Однако меня всегда больше интересовало происходящее у меня внутри, то, чем хочется поделиться с окружающими, нежели злободневные протесты. И та же строка из «Новогодней песни» — «дети в сугробах шумно играют в Афганистан…» — не имела политического контекста. Это описание окружающей действительности. Я сижу дома, и мне страшно выходить на улицу, поскольку там бродят гопники, еще какие-то стремные субъекты.

Из аллегорической рефлексии Озерского, композиторского азарта Федорова, «осколков» вдохновения Гаркуши, уже начавшего ускорение в сторону алкогольной нирваны, импрессионистских ска-фанковых аранжировок Литвинова, Рубанова и Матковского вылупился поворотный «аукцыоновский» альбом «Как я стал предателем», обозначивший каркас всего дальнейшего творчества «Ы». Отсюда начинается отчаянно-изломанная речь маленького, встревоженного «аукцыоновского» героя, разглядывающего Вселенную в свой внутренний микроскоп и опасливо прислушивающегося к каждому шороху в подворотне. Гротеск, переходящий в абсурд, а далее — в любовь и обратно — вот формула движения «Ы», отныне и навсегда. «Мы тени, мы цели…», «Ветер вспугивает мой спокойный сон…», «Как на зов мне выйти — тьма со всех сторон…», «О, милый друг, где тяжесть ваших рук?..»

Был я случайно в нынешней чайной,
Понял секрет —
Нас просто нет, вот беда,
И в принципе не было, видимо, вообще никогда.
Синие флаги, витражи, миражи…
Как же жить, что делать?

— С моей точки зрения, «Предатель» — тот альбом, где мы перешли от песен, идущих, что называется, от головы, к немного метафизическому материалу, к попыткам расшатать установленные нами же рамки, — рассуждает Озерский. — В процессе работы над этой программой я ощутил некий собственный рост, почувствовал, что взрослею и мыслю иначе, чем раньше.

Впервые в своей практике «АукцЫону» довелось продуктивно поработать в нормальной студии ЛДМ именно на записи «Предателя», в мае 1988-го. Леня вошел в нее уже профессиональным, по сути, музыкантом. Незадолго до того ему пришлось-таки уволиться из производственного объединения «Русские самоцветы», куда он попал после институтского распределения и где числился инженером. «В конце зимы мы с Гаркушей поехали в Москву на „Фестиваль надежд" столичной рок-лаборатории, и я прогулял несколько рабочих дней, — признается Федоров. — В принципе, меня должны были по статье уволить, но тетки, работавшие со мной, за меня вступились, и я уволился по собственному желанию».

Желание такое созревало у Лени давно и реализовалось вполне кстати. Ясно было, что как на специалиста «по термической обработке металлов и сплавов» на Федорова стране рассчитывать не стоит. Но на первых порах после окончания вуза определить куда-то свою трудовую книжку и получить хоть какой-то гарантированный окладу молодого специалиста резон имелся. С развитием же концертной деятельности «Ы» и перестройки в стране трудовые будни превратились в обузу, от которой не только Леня, но и другие «аукцыонщики» постепенно освободились. Средства к существованию стали приносить непосредственно концерты. Как гласит антология «100 магнитоальбомов советского рока», только на запись альбома «Как я стал предателем» «АукцЫон» выложил «две с половиной тысячи рублей, честно заработанных на первых легально-коммерческих выступлениях».

Альбом, на обложке которого Кира Миллер нарисовал знаменитую, многозначную фигу с бантом, был окончательно подготовлен за считанные дни до VI фестиваля Ленинградского рок-клуба, открывшегося 5 июня 1988 года на питерском Зимнем стадионе. Прекрасно помню это мероприятие в неожиданный для Северной столицы июньский зной и сет«Ы» в первый же фестивальный день, описанный Веселкиным в дневнике тремя предложениями: «У группы триумф. Все снималось на видео. Впервые физически сопротивлялся слушателям, которые меня пытались разодрать, пока два приятеля Олега носили меня на „Нэпмане" на своих громадных плечах».

Через день французы из компании «Антенн 2» на того же «Нэпмана» снимали «АукцЫону» шизоидный клип с залпами «Авроры», анархистским шествием группы по набережной Невы и танцами полуголого Вовы на гранитном парапете. Дятлов в нем уже не участвовал. Сразу после фестивального выступления он «АукцЫон» покинул.

— Женя был последним представителем чистого театра в «Ы», — считает Озерский. — Он позиционировал себя именно актером и не совсем вписывался в наши изменявшиеся стилистические рамки. Поэтому он и ушел в артистическую среду.

— Некоторые творческие амбиции не позволили ему остаться с нами, — утверждает Гаркундель. — Дятлов хотел все песни в «АукцЫоне» исполнять, а Леня так не считал.

— После выступления на Зимнем стадионе Женя подошел ко мне и сообщил, что больше с «Аукцыоном» играть не будет, — вспоминает Федоров. — У нас, мол, нет лидера, а он хочет быть таковым. Его не привлекает роль просто одного из участников команды. А у нас действительно не было ярко выраженного лидера. Изначально так складывалось, что его и не должно быть. И Дятлов ушел, сказав, что больше театр любит.

— Меня терзали всякие самоуничижительные мысли о том, что я не чувствую пользы от моего нахождения в команде, — объясняет Дятлов. — Парни, конечно, успокаивали: ты чудак, все нормально, перестань комплексовать. Но масла в огонь подливала моя девушка, говорившая, что в «АукцЫоне» я останусь на вторых ролях, а мне нужно выходить вперед, на авансцену. И я поддался на эти доводы. Тщеславие мое тогда взяло верх. Я получил предложение стать фронтменом в группе «Присутствие» и ушел туда. Потом очень жалел об этом. Стоило, наверное, немного потерпеть.

Да будет Ы!

> В группу пришел Шавейников Борис, длинноволосый, суровый и ранимый.
>
> *Из дневника Вовы Веселкина*

> Однажды Гаркуша спросил Николая Ильича Рубанова: а что Боря делал на «гражданке» до призыва в армию? И Колик ответил: «Ебла крошил таким, как ты». Гаркуша сразу в лице изменился.
>
> *Борис Шавейников*

Летом и осенью 1988-го «АукцЫон» не менее интенсивно, чем популярные филармонические ВИА, изучал карту родины. За пять месяцев, с песнями и редко трезвевшим Гаркунделем, группа проехала от Таллинна до Камчатки, позволив себе краткосрочный июльский «привал» в приэльбрусском санатории «Юность» в ущелье Адылсу, где созрел шедевральный хит «Пионер».

В дороге потеряли барабанщика Черидника, не менее хмельного, чем аукцыоновский «тотем» Гаркуша. Чирик переметнулся в финансово более перспективные «Игры», а его свято место в «Ы» вскоре занял хард-роковый Борюсик.

— Игорь захотел побольше зарабатывать, — говорит Федоров, — а «Игры» гастролировали чаще нас, при этом состав у них был вдвое меньше «аукцыоновского» и, естественно, гонорарная доля у каждого участника команды получалась выше. Кроме того, Черидник дико любил Гришку и Витьку Сологубов и ту музыку, которую они играли.

Расстались мы без обид, спокойно. Если бы, предположим, Витька Бондарик куда-то от нас ушел — это было бы непонятно, поскольку мы старые друзья. А с Игорем такого сближения не произошло. Ну, пообщались несколько лет и разошлись. Причем в последний год его пребывания в группе я чувствовал, что он скоро свалит, и был к этому готов. Черидник начал сильно пить и, как следствие, хуже играть. Концерты заваливал, пару раз вообще на них не приезжал, склоки устраивал… Пьяным он был не подарочек.

— Иногда Игорь мог с Олегом подраться, — добавляет Озерский. — Мол, ты мое пиво выпил и т. п. Оба примерно в одинаковом состоянии регулярно пребывали, при этом один другому по пояс — комичная картина…

— Кто из нас круче бухал, я или Чередник, не знаю, — размышляет Гаркуша. — Но у Игоря серьезные проблемы были. Сейчас-то он, как и я, слава богу, не пьет и даже не курит. Но когда-то все обстояло жестко. Года четыре он вообще на корвалоле сидел, и однажды его просто в сумасшедший дом отвезли. Однако Чирик выкарабкался и сегодня жив-здоров.

— После ухода Чередника пришлось срочно искать барабанщика, — констатирует Леня. — Пробовали разных кандидатов. Летом, помнится, взяли парня из группы «Лес». Он сыграл с нами, по-моему, концерта два… Надолго никто не приживался. И тут, в октябре, у нас нарисовались гастроли на целый месяц по Уралу и Дальнему Востоку, и как раз объявился Шавейников.

— У меня тогда дочь родилась, а работы и денег фактически не было, — с предельной прямотой говорит Шавейников. — Если бы не материальные проблемы и отсутствие выбора, я, наверное, никогда бы в «АукцЫон» не пошел. До этого момента я ведь хард-рок играл. И членом рок-клуба стал еще в 1983-м, с группой «Пульс», где фронтменом был Игорь Семенов. Мы с ним раньше жили по соседству в Ломоносове, он на три года старше меня и в середине 1980-х уже считался достаточно известным музыкантом. Вот он, как старший товарищ, всюду меня за собой и таскал. Затем Семенов создал «Рок-штат», где я барабанил и из которого ушел в армию. Пока служил, Игорь меня в письмах подбадривал: «Ждем твоего возвращения в команду». В 1986-м я дембельнулся, пришел на рок-клубовский фестиваль и вижу: Семенов поет в «Присутствии», а «Рок-штата» никакого нет. Потом он его возродил, мы еще немного вместе поиграли и окончательно разругались. Я ушел из «Рок-штата», и деваться мне, в общем-то, стало некуда. Чуть-чуть поработал в «Проходном дворе» с Юрием Наумовым, пока он еще не уехал за кордон, и, собственно, все. Сам себя я никуда не предлагал.

И тут кто-то из знакомых мне сообщил, что «АукцЫону» нужен барабанщик. Я с женой посоветовался, она сказала: «Да позвони ты Леньке, чего там…» Мы с Федоровым не были близко знакомы, но несколько раз виделись. Году в 1987-м «Рок-штат» даже выступал с «АукцЫоном» в Химках в одном концерте. В общем, что это за коллектив, я слегка представлял. Хотя записей их никогда не слушал. Ну, разве что «Волчицу» на известном виниле «Ленинградский рок-клуб представляет…».

Предпочтительнее для меня, конечно, было бы играть с людьми, которых я хотя бы неплохо знаю. Но, повторю, выбирать в тот момент не приходилось, и я готов был влиться в совсем незнакомую мне компанию.

Тут есть легкое преувеличение. Кое-кого из данной компании будущий Борюсик (прежние друзья хард-рокеры столь ласкательно Шавейникова не называли, это уже чисто «аукцыоновская» фишка) в некоторой степени знал.

— Вскоре после возвращения из армии Боря зашел с Игорем Семеновым в «Сайгон», — вспоминает Олег, — увидел там меня, мягко говоря, всего такого странного и сказал другу: «Давай, я ему рожу набью». «Да ты что! — воскликнул Семенов. — Это же сам Гаркуша!» Мне, в принципе, не раз доводилось уклоняться от аналогичных ситуаций. А иногда и не уклонялся. Пиздили всякие гопники. Нечасто, но бывало. Даже когда «АукцЫон» уже стал популярен. Им-то, гопникам, откуда об этом знать? Они на концерты таких групп не ходят.

— Если Гаркушу близко не знаешь, то, конечно, он кажется чудовищем, — с дружеской искренностью замечает Борис. — В «Сайгоне» я ему просто за внешний вид морду хотел набить. Я там, типа, хрен знает где, на БАМе, в армии корячился, а ты тут в Питере ни фига не делаешь, дурью маешься. Но позднее-то Гаркуша понял, что я, в общем-то, шучу.

— По мировоззрению Шавейников с нами не совпадал абсолютно, — отмечает Федоров. — И хард-роковая исполнительская манера его мне была не близка, но «колотуха» понравилась. Удар у него плотный. Матковский, когда услышал Борюсика впервые, сразу сказал: «О, круто! Надо брать». Я ответил: «Давай, попробуем». Надо же с кем-то ехать в Свердловск, Хабаровск, Петропавловск-Камчатский… Нам должны были хорошо заплатить за то турне. В результате заплатили вдвое меньше, чем обещали, но зато предоплату дали какую-то безумную по тем временам.

Тогда мы не думали о том, надолго ли приглашаем Шавейникова, но он как-то включился в наши песни, не так клево, как Чередник, но достаточно мощно, и остался в команде…

— В первом нашем телефонном разговоре Леня спросил: «Ты хочешь с нами играть?» — рассказывает Шавейников. — Я ответил: «Нет». Он сказал: «Ну, тогда приходи к нам на точку». Думаю, ответь я иначе, вряд ли бы наш альянс сложился. А так, вроде, показался парнем с юмором.

— С Борей я нормально познакомился на одной из «аукцыоновских» телесъемок, когда он уже вошел в наш состав, — вспоминает Гаркундель. — Я только вернулся из Швеции, где гастролировал с «Поп-механикой», раздавал всем жвачки, сигареты… Тут гляжу, стоит какой-то хиппак непонятный. А мне ребята говорят: это наш новый барабанщик.

— Олег и директор «аукцыоновский» Скворцов подошли ко

мне, отвели в сторону и поинтересовались: «Ты пьешь?» — вспоминает Борюсик. — «А вы нет, что ли?» — говорю. Ну, они сразу рассмеялись, и мы закорешились.

Скрытый за ударной установкой Шавейников, если разобраться, не меньший шоумен «Ы», нежели Гаркундель или Веселкин. Но народу об этом практически неизвестно. Боря приколен и брутален внутри коллектива. «Аукцыонщиков» он периодически удивляет, озадачивает, настораживает с момента своего появления и по сей день.

— В первый раз я бесполезно съездил на «аукцыоновскую» точку, — рассказывает Борюсик. — Посидел там, подождал, и, по-моему, кроме Паши Литвинова, никто из музыкантов в тот день не появился. Ленька уехал с Курехиным на какой-то концерт. Остальные не знаю где были. В общем, встреча не получилась. А в следующий раз вроде все собрались. Мне показали ударную установку, на которой предстояло сыграть. Она стояла на такой верхотуре, что до нее еще требовалось допрыгнуть. Но я, этакий армейский чувак, прыг-скок, как Виниту, и залез туда.

Ленька попросил сыграть одну из их песен, чтобы понять, подхожу я группе или нет. Сыграл «Вечер мой», структуру которого сразу понял. Мощно сыграл, хэт согнул. И меня приняли в «АукцЫон», аккурат накануне гастролей по Дальнему Востоку. У нас намечалось там десять концертов, и за них выдали аванс — 500 рублей каждому. Представляешь, какая это сумма по тем временам! Значит, я попал в «десятку». Жена одобрила.

— Те гастроли мы до сих пор со смехом вспоминаем, — говорит Гаркундель. — Ко мне домой тогда приехал человек с пятилитровой банкой красной икры и предоплатой за один концерт, то ли в Свердловске, то ли в Хабаровске. Предоплата оказалась очень внушительной, а речь он при этом вел о десяти выступлениях в том регионе. Когда мы туда приехали, выяснилось, что изначально товарищ заряжал стадионы под группу «Кино». Цой и компания по какой-то причине полететь не смогли, но билеты там уже продавались. Вместо «Кино» публике предложили «АукцЫон», и не на стадионах, а в разных ДК. Потом к нам присоединилась металлическая команда «Фронт».

Мы играли по два концерта в день в полупустых залах. Но по молодости нам это было по фигу. Расстроились немного лишь, когда из хорошей гостиницы нас переместили в какую-то хреновую, с «пионерскими» номерами на десять человек.

Сервисный катаклизм «аукцыонщики» испытали в Свердловске, после концерта в ДК Уралмаша, но не потому, что оказались не группой «Кино». Веселкин нашел другое объяснение, которое и зафиксировал в своих «путевых заметках»: «Из-за

взрыва железнодорожного состава мы из „Интуриста" переселились в аэропортовскую гостиницу (детские номера)». Взрыв действительно был, да еще какой! За три дня до приезда «Ы» в уральскую столицу состав, перевозивший 47 тонн тротила и 40 тонн гексогена, врезался на станции Свердловск-Сортировочный в товарняк с углем! Чрезвычайную ситуацию, которая благодаря перестройке получила широкую огласку, обсуждала тогда вся страна, а уж непосредственно Свердловск бурлил и подавно: четверо погибших, более 500 раненых…

Может, местной публике еще и поэтому было не совсем до «АукцЫона»? Следующие концерты — в Хабаровске и Петропавловске-Камчатском — прошли успешнее. И там, на краю страны, судьбоносная грамматическая ошибка Борюсика навсегда определила сакральный символ группы, ее необъяснимо-всеразъясняющее «Ы».

Прежде чем, подобно Балбесу (сыгранному Юрием Никулиным) в знаменитой гайдаевской комедии, обозначать дело своих товарищей большой буквой «Ы», Шавейников успел в первой же поездке с новыми коллегами хапнуть «аукцыоновского» экстримчика и осознать, что так забавно ему еще нигде не было. Вова отмечал в те дни следующее: «15 октября на первом концерте в Хабаровске я ударил Олега в солнечное сплетение. Он мне вывихнул большой палец на руке»; «18 октября, на предпоследнем концерте в Хабаровске Олег разбил мне нос»; «21 октября на концерте в Петропавловске-Камчатском я впервые танцевал на колосниках, которые в процессе танца стали спускаться прямо Борюсику на голову».

— В Хабаровске я с Веселкиным жил в одном гостиничном номере, — вспоминает Шавейников. — Он тогда на концертах какую-то хрень на себя надевал и йогой серьезно занимался. Однажды утром просыпаюсь, встаю с кровати и ощущаю, что ноги во что-то мягкое погружаются. Что за херня, думаю? А это Вова лежит на полу, упражнения делает. Мне ребята потом уже сказали, чтобы я ничему не удивлялся. Ну, я с ним еще пару дней пожил и решил, что больше не надо. К Леньке в номер переехал и долгое время на гастролях с ним соседствовал.

В тот самый день, когда Вова чуть не свалился на концерте на голову Борюсику, последний и начертал на стене одного из камчатских домов (так выходит, если сопоставлять все данные и свидетельства) свое бессмертное «Ы».

— Это спонтанно получилось, — ставит точки над Ы Шавейников. — 21 октября 1988-го, на гастролях, я вышел из гостиницы прогуляться, осмотреть окрестности. Я вообще люблю по городам гулять. А в тот раз еще и пивка, кажется, хотел

купить, поднести Гаркуше, а то он лежал в номере, охал. Пиво там, помнится, тогда в полиэтиленовых пакетах продавали. Иду, разглядываю надписи на домах: «Миша, я тебя люблю!», «Маша, я тебя люблю!», «Наутилус Помпилиус», «Алиса» и т. п. И на доме возле гостиницы захотелось написать наше название. Без всякой задней мысли нацарапал «АукцЫон», типа, как слышится, так и пишется. В диктанте ведь тоже иногда люди машинально ошибки делают, хотя, как правильно пишется слово, знают…

Потом Гаркуша пивка попил и тоже на улицу проветриться сходил. Вернулся и говорит: «Там какой-то идиот „АукцЫон" через „ы" написал». Я ответил: «Олег, во-первых, не надо говорить, что это идиот, а во-вторых, это написал я». Когда вечером в ресторане рассказали ребятам эту историю, Ленька крикнул: «Борюсик, ты гений!»

— Все, что ни делается, — к лучшему, — подтверждает Гаркундель. — Боря, окончивший неполных семь классов, написал «Аукцион» через «Ы», и непроизвольно возник наш бренд. Миллер тут же начал обыгрывать «Ы» в различных арт-работах. Афиши придумывал, плакаты. За название «АукцЫон» он крепко ухватился.

— Вскоре мы, особенно Миллер, даже стали обижаться: какого хрена нас где-то на афишах продолжают писать через «и», — развивает тему Шавейников. — Мы — «АукцЫон», пора бы понять и запомнить. Хотя какие-то депутаты, доводилось слышать, в ту пору возмущались, мол, что себе позволяют эти молодые рокеры, самовольно меняют грамматику русского языка, например пишут слово «аукцион» через «ы».

Краски стирают, бомбы развозят

Боря первым в «АукцЫоне» воспротивился гримироваться и надевать миллеровские костюмы. Он жестко намекнул Кире, что если тот попытается его накрасить, то за это ответит.

Олег Гаркуша

Однажды на гастролях мы с Миллером в одном номере поселились, и я ему как-то сурово сказал: «Слышь, ты, Пикассо…» Но Кирилл не обиделся, он понимал, что я пока еще не способен оценить его искусство.

Борис Шавейников

Возвращаясь с Востока на Запад, через весь доживавший последние годы Советский Союз, «АукцЫон» опять тормознулся на Урале и дал серию концертов в челябинском цирке, на одном из которых в процессе исполнения «Пионера» разносторонне одаренный йог Веселкин «вытащил помойную урну и опрокинул себе на голову, а потом в ней ковырялся…». Сидевший за барабанами Борюсик в этот момент, видимо, изо всех своих постармейских сил старался ничему не удивляться, как и рекомендовали ему новые товарищи по группе.

— На тех гастролях мы продолжали присматриваться к Шавейникову, как и на первых наших совместных с ним репетициях, — вспоминает Леня. — Иногда смех разбирал от понимания того, что это явно не наш человек. Чеpидник, конечно, больше подходил нам по духу, а тогда я еще и считал, что играет он лучше Бори. Правда, потом мое мнение изменилось. Но поначалу мне казалось, что Игорь музыкант более просвещенный. Он, например, любую партию Стюарта Коупленда из Police с ходу мог сыграть. А когда я Шавейникова спросил: «Ты хоть раз слушал Police?» — он ответил: «Чего-то слушал, но как это играть, не знаю». Борюсик отдавал должное странности Коупленда, но музыка Police его не прикалывала. Ему и с нами-то было не особенно интересно. Он слушал Led Zeppelin, Black Sabbath, Deep Purple и играл в том же ключе. Мы тогда хихикали над ним, но и он тоже ухмылялся от всего, что происходило в «АукцЫоне». А потом вдруг Борюсик с Бондариком начал очень дружить. И Витек признал его нашим человеком. Они образовали крепкую ритм-

секцию, с отличным взаимопониманием, и у нас стали уже с Шавейниковым новые песни получаться.

— Не сказал бы, что с Виктором Романычем Бондариком у нас сразу установились такие дружеские отношения, какие есть теперь, — говорит Борюсик, — но мы старались друг другу помочь. Порой собирались вдвоем на «точке», отрабатывали какие-то упражнения, отдельно что-то репетировали, сыгрывались… Сейчас-то уж перестали так делать. И, к слову, помимо меня, из «АукцЫона» еще только Бондарик служил в армии.

— С Шавейниковым мне было столь же непросто, как с Бондариком или Пашей Литвиновым, — сетует Миллер. — Пашка вообще скептически к любым предложениям относился. Он своеобразный клиент, всегда был слегка сам по себе и считал себя умнее всех. Приходилось его трясти, допытываться: «Ну, чего же ты, Паша, хочешь-то, в конце концов?» Бондарик периодически комплексовал, а Борис просто не желал участвовать ни в каких перфомансах. Впрочем, он появился в «АукцЫоне», когда группа, скажем так, повзрослела и постепенно стала играть музыку, которой не требовался театральный антураж. И публика у «Ы» начала меняться. На «аукцыоновские» сейшены все больше приходили те, кто слушал именно оригинальные, усложнявшиеся песни группы, а не реагировал на ее эпатажный имидж.

— В момент прихода Шавейникова миллеровские костюмы отодвинулись у нас на второй план, — говорит Озерский. — Они были актуальны в «Сорренто» и «Багдаде», а дальнейшие наши программы строились абсолютно свободно, без каких-то концепций и театрализации. Было, правда, еще несколько съемок на телевидении. На «Осколки», кажется, питерский канал клип делал, и Борюсику пришлось, глупо хихикая, поучаствовать в нем в каком-то дурацком виде, играя под фонограмму, записанную «АукцЫоном», по-моему, еще с Черидником…

Но вообще Боря — музыкант от Бога, приятный в компании человек, который что-то привнес в группу и дал толчок коллективной «аукцыоновской» личности.

— Краситься и наряжаться я отказался не по каким-то там двусмысленным причинам, мол, за пидора примут и т. п., — разъясняет Шавейников. — Просто мне думалось тогда, что музыка важнее театральности. Ну, чего там прыгать по сцене и махать маракасами, как Олежка, когда надо исполнительский уровень повышать. В то время «аукцыонщики» еще не играли так качественно, как сейчас. То один из них «кривил», то другой… И потом, у меня с ними разные ориентиры были. Это сегодня мне понятны U2, Police, Clash, а в молодости я их не воспринимал.

Музыкантов оценивал так: умеешь, как Бонэм или Блэкмор, — отлично; нет — пошел вон. Из рок-клуба мне, скажем, нравились «Россияне», а «Кино», «Алиса» — так себе… Когда я закрепился в «АукцЫоне», Леня, кстати, прямо сказал ребятам: «К нам пришел „тяжелый" барабанщик, и теперь наше звучание меняется». Первый альбом записанный «Ы» с моим участием, — «Жопа», по-моему, — существенно отличался от предыдущих «аукцыоновских» проектов.

Столица впервые встретила «АукцЫон», пишущийся через «Ы» и с новым барабанщиком в составе, на октябрьских концертах 1988-го в ДС Динамо. Но более масштабная московская презентация группы могла состояться 20 ноября того же года на знаменитом мемориальном сборном рок-вечере во Дворце спорта «Лужники», посвященном погибшему в феврале Александру Башлачеву. Пожалуй, это была одна из последних значительных рок-н-ролльных акций в стране, проведенных до наступления эры тотального шоу-бизнеса. Для некоторых ее участников, и прежде всего «аукцыонщиков», она оказалась весьма экстремальной и в чем-то символической. На том концерте «АукцЫон» получил то, что суждено любому истинному трагикомическому клоуну-философу, клоуну-поэту, клоуну-художнику, — аромат внутренней свободы и ощущение чужеродности любым лагерям. Однозначно «чужие», то бишь менты, вязали Вову с Гаркунделем за кулисами, а вроде бы «свои» (некоторые из организаторов мероприятия) противились появлению «Ы» на лужниковской сцене. Да и аудитория трибьютного сейшена была не самой продвинутой. Помнится, некоторые зрители и о СашБаше-то ничего не слышали, поэтому, когда на весь Дворец спорта врубили его песни, в зале стоял изрядный гул. Народ переговаривался между собой в ожидании выхода живых рок-кумиров. А на финальной теме «Время колокольчиков» часть публики истошно требовала продолжения внезапно прерванного техническими службами зала сета «Кино». Пришлось Цою объявить всем, что в такой вечер, после такой песни Башлачева, он петь, разумеется, не станет.

Ясное дело, что в подобной атмосфере соображенная на троих Леней, Веселкиным и Гаркушей (в полном составе «АукцЫону» выступить не позволили) клавишная изощренно-параноидальная композиция «Бомбы развозят…» была выслушана двенадцатитысячной толпой более с недоумением и где-то даже с раздражением, нежели с вдохновением и одобрением самого непафосного в этот вечер номера.

Веселкин написал о том перфомансе отрывисто и эмоционально: «Благотворительный концерт памяти А.

Башлачева. Лужники. Забрали в милицию. Через полчаса отпустили после разговора с крупным должностным лицом. Пока это лицо ждали, мы с Олегом послушали его убогих подчиненных с их угрозами, „наездами", оскорблениями. Билеты в Москву Олег, я и Леня покупали за свой счет, и на концерт — тоже…

Пели и изображали „Бомбы". Леня за клавишами. Выступать нам запрещали, но мы пролезли. Я обманывал контролирующих организаторов, то фланируя со „звездами", то угощая их напитками и т. д. Выступали исступленно. Тормошил Леню, обманывал перед выходом еще и дружинников. Я на сцену вылез со стороны зала из ямы, ребята — из-под декораций. Для всех это было неожиданно…»

— В Москву нас позвал один из организаторов того концерта, который потом стал нашим ближайшим другом, — рассказывает Федоров. — Мы приехали втроем, и он сказал нам: давайте, тоже выступите в Лужниках, там много групп собирается. Но, видимо, не все из устроителей сейшена поддерживали его инициативу. Мы же в тот период делали вещи, что называется, на грани всего, и «Бомбы развозят…» из их числа. Нас принимали за клоунов. А тут такое серьезное событие, мемориал Башлачеву, и вдруг выходят какие-то идиоты и поют не пойми чего.

— Насколько я помню, — говорит Гаркуша, — нас официально пригласили на этот концерт, причем весь «АукцЫон». Потом, ближе к событию, кто-то из организаторов позвонил и сообщил, что всю группу они принять не смогут, но, условно говоря, трех человек от нас примут. Поехали Леня, Вова и я, поскольку у нас была песня «Бомбы», которую можно таким составом исполнить. Однако уже буквально перед выступлением нам вообще запретили на сцену выходить. Как это? — спрашиваем. Мы же в афишах значимся. Никто ничего вразумительного не ответил: просто нельзя, и все тут. Но мы-таки умудрились выскочить.

Я потом догадался, из-за чего нас не пускали. Хотели вместо «АукцЫона» включить в программу кого-то из уважаемых артистов, изначально в концерте не заявленных. Александр Градский тогда, кажется, неожиданно подъехал, Андрей Мисин… Не думаю, что они были большими друзьями Башлачева, но их выступление, видимо, для кого-то из организаторов было поважнее нашего. А мы спели-сплясали «Бомбы», и Ленька ушел в одну кулису, а я с Вовой в другую, где нас тут же и повязали. Причем серьезно. Не милиционеры, а гэбэшники. Кто-то нас тогда спас. Возможно, Юрий Айзеншпис — хотя могу путать, — и он выручил меня после другого концерта, когда хохмы ради мы с потолка разбрасывали по залу какие-то бланки с моими

автографами. Я уже не знал, как на них еще расписаться, и посоветовался с нашим директором Скворцовым. Он предложил: пиши просто — я хочу трахаться. Так я на одной бумажке и сделал и подписался — Гаркуша. По закону подлости именно она прилетела в руки милиционеру или он ее где-то на полу нашел, но в любом случае после концерта за мной пришли. Я начал отмазываться, объяснял, что адресовал эту записку своей девушке, а она ее потеряла и т. п. Но мне как-то не очень верили. И в этой ситуации, и в той, что произошла в Лужниках, мне хотели дать 15 суток за хулиганство. Спасало только вмешательство авторитетных людей.

Из «Красной кузницы» к бургомистру

Самое экстремальное событие в истории «Ы» — это мой алкоголизм. Он начался не сразу. Серьезный его этап пришелся на период с 1989 по 1995 год.

Олег Гаркуша

Я влился в «АукцЫон» и понял, что здесь гораздо интереснее, чем в «Рок-штате», где у музыкантов постоянно возникали терки друг с другом и фронтмен тянул одеяло на себя. В «АукцЫоне» никто не диктовал, мол, надо играть так и вот так. И до сих пор этого нет.

Борис Шавейников

2 декабря 1988-го. Ленинград. ДК им. Н. К. Крупской. Олег на «Пионере» вытащил металлическую конструкцию, опутанную тряпками, и стал на ней развлекаться. В результате сильно побил себе ноги. Пришлось выбросить ее в яму. Колик на «Волчице» надел предложенную мною большую насадку на пылесос. Она пришлась ему впору. Ребята хохотали прямо на сцене…

11 декабря. Москва. ДС «Крылья Советов». Фестиваль «Интершанс». Олегу чуть полегче, хотя рука малоподвижна. Оказывается, у него плюс два ушиба ребер к той травме, о которой я знал. За лечение буду платить…

12 декабря. Москва. Останкино. Съемки «Новогодней песни» для телепрограммы «Взгляд». Снимал один из лучших операторов ЦТ Андрей Разбаш. Под конец подошел Влад Листьев. Ошалел от нашего вида…

В тот же день на «Интершансе» я прыгнул с колонок вниз. Ужас. Олег боится, что изуродую его окончательно. «У тебя глаза бешеные» — его слова…

Из дневника Вовы Веселкина

Обособленность «Ы» и выпадение из русского народного рок-алфавита зафиксировал не только башлачевский мемориал в Лужниках. Еще показательнее выглядели два объемных хит-парада, опубликованные в декабрьском номере журнала «Аврора»

за 1988 год. Александр Житинский, заведовавший в сем издании рубрикой «Музыкальный эпистолярий» (самой, пожалуй, популярной на тот момент официальной рок-трибуной в СССР), еще в мае предложил читателям и «ведущим рок-журналистам страны» назвать «двадцатку лучших альбомов отечественной рок-музыки за все годы — как выпущенных фирмой „Мелодия", так и самодеятельных». За полгода в «Аврору» прислали столько вариантов «лучшего», что хит-парады расширили до 25 альбомов. Ни одной «аукцыоновской» работы в эти топовые списки не вошло. Критики сошлись с простыми читателями по большинству позиций (сегодня подобный факт выглядел бы странно), но в отличие от последних хотя бы протолкнули в свой хитпарад СашБаша и «Странные игры». Феерический же «АукцЫон», не похожий ни на кого, не провозглашавший ничего, ошеломлявший всем, стабильно востребованный западными телевизионщиками как один из ярчайших коллективов пустившейся в пляс «империи зла», проигнорировали обе категории респондентов.

Примечательно, что в авроровских хит-парадах не нашлось тогда места и для «Звуков Му», и для «Ноля». Творцы «русского психоделического, космополитического рок-н-ролла» (формулировка Колика Рубанова) отслаивались от доминировавшего дискурса своего поколения. Его определяли «Наутилус Помпилиус», «Алиса», «ДДТ»… Перед «Ы» не стояло краеугольных духовно-нравственных задач. Вопреки классическому марксистскому утверждению «аукцыоновский» герой мог жить в нашем обществе и быть свободным от него. Общество наблюдало за ним с интересом и… недоумением.

Меня теперь не обижают
Любой чужой отныне свой
Меня не трогают, а знают,
Что я плохой, плохой, плохой…

Зато за границей «АукцЫон» наряду с теми же «Звуками Му» воспринимали едва ли не самыми радикальными и примечательными рок-проектами «перестроечной России». И уже первая половина 1989-го нежданно-негаданно обернулась для «Ы» насыщенными гастрольными странствиями по Европе и изданием во Франции альбома «Как я стал предателем» на компакт-диске, который в ту пору, по замечанию Гаркунделя, «в Союзе можно было только на пальцах прокрутить».

В полдень 1 февраля 1989-го питерский «Ы» в компании

московских «Звуков Му», «Ва-банка» и теперь практически забытой, кудрявой советской певицы-

эквилибристки Кати Суржиковой высадился в берлинском аэропорту «Шенефельд», а вечером того же дня присутствовал на приеме у бургомистра города Гёттинген (ФРГ). Если учесть, что для всех, за исключением Гаркуши, «аукцыонщиков» это был первый выезд в капстрану, а за десять дней до встречи с бургомистром ребята целую неделю резвились в северодвинском ДК строителей и архангельском ДК «Красная кузница», легко представить испытанные ими контрасты.

«До 1989-го на Запад выезжали „Песняры", „Земляне", „Автограф" и кто-то еще. Но это было, конечно, не то, что удивило бы загнивающий Запад, — рассуждает в мемуарах Гаркундель. — А тут герои рок-н-ролла, обиженные КГБ, МВД, ВЛКСМ, КПСС. Без работы, без средств к существованию. Радость-то какая! Мы вас заждались! Может, пивка? Сигарет? Или еще чего-нибудь? Примерно так встречали нас сытые бюргеры. А мы, как принцы из Сомали, попивали пиво и курили сигареты „Принц Денмарк", которыми изрядно снабдили нас наши спонсоры».

— Первая встреча с Европой, конечно, поразила, — говорит Рубанов. — Тогда нас вывезли в Германию, что называется, в угар перестройки, кажется, на деньги «Кока-колы», производителей пива «Jever Light» и прочих. Мы ездили там по стране, дали шесть или семь концертов. Полный шоколад, особенно на фоне общей советской разрухи. Все у нас там на сцене работало, все звучало. Воспоминания о той поездке сохранились самые радужные. Но акция носила, безусловно, чисто политический характер, к музыке она отношения не имела. Вскоре мы аналогичным образом, с «Кино» и теми же «Звуками Му», съездили во Францию. Красные звезды, серпы-молоты, перестройка, тра-ля-ля… Для меня те европейские поездки совпали с окончанием моего контракта с пожарной охраной. С того момента я перестал где-либо работать и сосредоточился только на музыке. Дольше всех из «аукцыонщиков» на официальной работе держался, по-моему, Гаркуша, но и его в конце концов из-за систематических продолжительных отлучек перестали терпеть в кинотеатре на должности киномеханика.

На дебютных немецких гастролях «АукцЫону» выпал странный жребий. Советских музыкантов объединили в пары. «Звуки» выступали в одной программе с «Ва-Банком», а «Ы» досталась Катя Суржикова, вообще непонятно зачем включенная в подобную компанию. Обладательница третьей премии конкурса «Со-пот-85» была фигурой забавной. На упомянутом польском конкурсе она с «Песней куклы» умилила жюри несвойственными

советским артистам гуттаперчевостью, эквилибристикой (Катя пела, стоя на голове, за много лет до того, как подобные трюки принялась проделывать Ферджи из Black Eyed Peas), облегающим нарядом и двусмысленным припевом: «По ниточке, по ниточке ходить я не желаю…» За такие выкрутасы цензоры еще не перестроившегося советского ТВ вырезали ее номер из финальной трансляции конкурса. Может, узнав об этом, немецкие промоутеры и зачислили Суржикову в ряды неформалов? Тем паче что в 1989-м девушка захотела «утяжелить» собственный репертуар. Но выглядела она уже просто нелепо. В заметке одной из немецких газет Гаркундель отыскал тогда такие строки: «… хард-рок-леди Суржикова открыла концерт своим шоу, каких здесь во всей их наивности не видели, по крайней мере, с дрезденских ярмарок 1970-х годов. Многие избалованные „Припсом" зрители с усмешкой покачивали головами». Далее местный журналист расточал восторги в адрес «Ы». Так что соседство с Катей, которая, хоть и «съела все бананы» (по утверждению Гаркуши), принесенные организаторами в «аукцыоновскую» гримерку, возможно, стало для группы дополнительным благотворным фоном. После Суржиковой немцы смотрели на «АукцЫон» просто как на коллектив с другой планеты и в каждом городе одаривали «бисами»…

Спустя два месяца после немецкого турне «аукцыонщики» увидели Париж. Потребуйся им в то время звучный пресс-релиз для пиара на родине, они могли бы написать, что провели французские гастроли в поддержку своего CD «Как я стал предателем». Пересведенный, вычищенный и значительно опресненный тамошними саундпродюсерами Патриком Клерком, Жаном Такси и Жоржем Мойя знаковый альбом «Ы» издали во Франции на компактах и кассетах за несколько недель до приезда туда «АукцЫона». То есть самые дотошные из местных меломанов, в принципе, могли заранее узнать, что за русская группа собирается им петь. Добавим сюда и парочку клипов на песни «Сосет» и «Осколки», отснятых французами в России, перед тем как вытащить группу в страну коньяка, вина и мушкетеров по линии своего министерства культуры, а также фотосессию для знаменитого глянцевого журнала «Glamour», в которой поучаствовали Гаркундель, Леня, Миллер и Веселкин. Номер популярного издания с собственными портретами «аукцыонщики» увидели уже на второй день пребывания в Париже.

Помимо нескольких, вполне успешных, выступлений, которые «АукцЫон» дал в парижском предместье на международном фестивале «Весна в Бурже», затем непосредственно во французской столице, а после — в городе Лионе, у группы

случился еще ряд приметных событий. Например, уже стабильно нетрезвый в этот период Гаркундель заочно послал на хуй Брайана Ино, с которым «аукцыонщики» познакомились в ресторане на Пляс Пигаль и который, к сожалению, не смог дождаться их второго в тот день концерта, начинавшегося в два часа ночи. За такую непочтительность к российской суперкоманде Олег и «проклял» гуру мировой электроники. Ну и ладно. В том же ресторане у «АукцЫона» произошла куда более судьбоносная встреча с русским авангардистом-эмигрантом Алексеем Хвостенко или попросту Хвостом. Первый исполнитель легендарной композиции «Город золотой», поэт, художник и душевный человек «аукцыонщиков» обаял сразу, и в ту же ночь они оказались в его гостеприимном сквоте.

— До этого момента о Хвосте я вообще ничего не знал и не слышал, — рассказывает Федоров. — Даже о том, что песню «Город золотой» сочинил его друг Анри Волохонский и что Хвост первым ее спел и совсем не так, как Гребенщиков в «Ассе», мне буквально перед поездкой во Францию рассказал Сергей Фирсов. И как только я с Хвостенко познакомился, сразу понял — это дивный человек, просто родная мне душа. Он показал свои стихи, и захотелось ему помочь, сделать так, чтобы их услышало в России как можно больше людей.

Добили советскую культуру, Начинаем строить порядок

Самой издевательской нашей программой, мрачнейшей, гнуснейшей по текстам и музыке получилась «Жопа». В ней же нет ничего, что может человека радовать. Жил-был веселый «АукцЫон», а стал вот такой…

Леонид Федоров

Ни одного текста «АукцЫона» я наизусть не знаю. Они меня никогда не волновали. А то, что Дима сочиняет, до сих пор не понимаю. Ну, может, если выпьешь, что-то проясняется. Но если нравится человеку так писать — пусть пишет. Меня-то музыка волнует…

Борис Шавейников

Ради одной лишь встречи с Хвостом «АукцЫону» стоило добраться до Парижа. Франция оказалась (возможно, непроизвольно) для «креативного центра» группы — Федорова и Озерского — этаким местом силы. Регулярные вояжи «аукцыонщиков» в сей благоуханный край (да и вообще в Европу), крепнущая дружба с Хвостенко, гипнотизировавшим молодых музыкантов собственной внутренней свободой, поэтическим шутовством и занимательной эрудицией, существенно повлияли на интенсивный художественно-исполнительский рост«Ы». На исходе 1980-х и в начале 1990-х «АукцЫон» пережил свой ренессанс, выстрелил очередью из трех разноплановых альбомов-откровений:

«Жопа» (он же «Дупло»), «Бодун», «Чайник вина» — и фактически подготовил плацдарм для материализации своего ключевого сюрреалистического шедевра, альбома «Птица», парадоксальным образом приведшего «Ы» в те самые народные хит-парады, где «АукцЫон» не значился даже в период своих успехов на рок-клубовских фестивалях.

Миллер и Веселкин, постепенно консолидировавшиеся в самостоятельный творческий тандем, до «Птицы» в «Ы» не дотянули. «Жопой» и «Бодуном» их история в группе фактически завершилась. Впрочем, обо всем этом чуть позже, ибо на первом французском выезде о подобном раскладе еще никто не помышлял. Более того, Кира и Вова стали особыми героями тех

исторических, дебютных гастролей…

4 апреля 1989-го, за день до первого концерта «АукцЫона» на форуме в Бурже, Миллеру стукнуло 30. По случаю круглой даты самого взрослого члена группы организаторы поездки на халяву вознесли «аукцыонщиков» (единственную команду из всей российской делегации) на пик Эйфелевой башни и угостили там шампанским.

— Все происходило спонтанно, — вспоминает Миллер, — и было для меня очень важно. Мы подъехали к башне на автобусе, вдруг остановились, и нам, только нам, сопровождавшие французы предложили подняться на нее, чтобы выпить за мое здоровье! Я давно мечтал именно так отметить свой день рождения, но никаких специальных усилий для этого не прикладывал. А тут все свершилось само собой. Значит — судьба.

Люди принесли огромную бутылку шампанского, наполнили наши бокалы, мне ребята хором прокричали: «Поздравляем!» — и потом я несколько минут стоял, пил шампанское, смотрел вниз и осознавал, что подо мной Париж. Достаточно этапный момент в моей жизни.

У Вовы в те дни вышел иной памятный сюжет, связанный не с поздравлениями, а с извинениями (ну, или типа того), которых он, благодаря собственной неуемности, добился от газеты «Советская культура»! Последняя отреагировала на французские гастроли «Ы» резонерской, негативной заметкой (словно и не разгар перестройки на дворе) и «снимком голой задницы Веселкина» (как констатировал Гаркундель), сделанным во время его танца в песне «Нэпман». Вставила свои пять копеек в обличение аморальных «аукцыонщиков» и «Комсомольская правда». Французская подруга группы и ее тамошний концертный менеджер Натали, по словам Вовы, с ликованием восприняла данные публикации: «О! У вас такой успех, такой скандал. Вас начинают преследовать. Сейчас мы раздуем из этого политическую шумиху». Однако «аукцыонщики», впервые вдохнувшие свободный воздух Запада, были от такой перспективы не в восторге. Если в перестроечном «совке» еще возможны подобные материалы, то почему бы не последовать и известным санкциям: например, сделают скандальных музыкантов «невыездными», и дело с концом. Решительный Веселкин вместо провокационного пиара настроился на корректный отпор официозу и по приезде на родину, буквально за пару недель, обратившись за поддержкой к уважаемым деятелям культуры, заглянув в приемную ЦК КПСС и пообщавшись тет-а-тет с руководителями «наехавшей» на «Ы» редакции, добился от «Советской культуры» сатисфакции в виде согласия на

публикацию «Открытого письма группы „АукцЫон"». Текст его выглядел так:

«08.04.89 г. в вашей газете был напечатан комментарий к снимку, изображающему группу „АукцЫон". Из-за крайне плохого качества снимка бандаж (балетная мини-форма), используемый танцовщиком при пародировании стриптиза в костюме кабаретного стиля, не виден.

Основываясь только на этом снимке и на коротком сообщении ТАСС о гастролях группы во Франции, журналистка вашей газеты, не найдя нужным познакомиться с творчеством „АукцЫона", вместо этого обратилась последовательно в Госконцерт, в Московскую рок-лабораторию, Министерство культуры и, наконец, в Главное управление культурно-массовой работы, библиотечного и музейного дела с привычным вопросом: „С чьей помощью выехал на гастроли «АукцЫон»?". Затем она крайне эмоционально описала свои впечатления от снимка и детективного расследования на тему: „Кто разрешил?", — отредактировав произвольным купированием фраз даже смысл заявления директора Международных программ фестиваля Жака Эрвана.

Группа „АукцЫон" и танцовщик группы Владимир Веселкин заявляют, что написанное не имеет никакого отношения к их творчеству.

Хотелось бы видеть у уважаемой нами прогрессивной и интересной газеты большую ответственность перед миллионами читателей.

Оставляя на совести корреспондента уровень ее профессионализма при ознакомлении с предметом, мы хотим ее собственные слова применить к ее же публикации: „Речь в данном случае идет о чувстве собственного достоинства исполнителя, о его личной ответственности за содеянное, чувстве меры и вкуса"».

Письмо опубликовали 12 мая 1989 года (накануне участия «Ы» в прямом эфире знаменитого «Музыкального ринга» на ленинградском ТВ), но еще 28 апреля, после всех переговоров с оппонентами, Вова эпически отметил в своем дневнике: «Добил „Советскую культуру". Сдались…» Сутки спустя партнер Гаркунделя по достижению предельной шизоидности «аукцыоновских» перфомансов начал сбор подписей за отмену статьи 121 УК РСФСР, предусматривавшей тюремное заключение за мужеложство…

Понятно, что народная молва такие истории гиперболизировала и разукрашивала, и появления «Ы» в самой «живой» тогда музпередаче советского ТВ — на «ринге» у Тамары Максимовой — зрители ждали с нетерпеливым ерзанием. Тем

более что программу с «АукцЫоном» анонсировали как «поединок самых эпатажных групп Москвы и Питера». С какого перепуга авторы «Музыкального ринга» причислили к означенной категории «Свою игру», запомнившуюся лихой скрипачкой Тамарой Сидоровой, дискотечное «Рондо» и диджея-пародиста Сергея Минаева — сейчас неважно. Но данный подбор участников превратил 17-й выпуск «ринга», по сути, в «аукцыоновский» бенефис. Весь сарказм, непонимание и восторг публики, находившейся в останкинской студии (здесь в первом ряду хохотал Владимир Винокур), и той, что сидела у телевизоров и названивала в эфир по десяти телефонам «горячей линии», достался «АукцЫону». В разной степени загримированные набитой рукой Миллера «аукцыонщики» из разных углов зала вылезли на квадратную сцену под свой жалостливый «напев шарманщика» «Мы тонем», и далее со всей конвульсивной страстью грянули «Осколки». Леня с маленьким хвостом на затылке фронтменил не хуже Рогожина, Гаркуша истово отплясывал в центре подиума, Веселкин быстро оголялся на краю сцены, разбрасывал розы и боролся с Гаркунделем, Литвинов с африканским драйвом окучивал перкуссию, Рубанов в шпанистой кепке носился перед телекамерами с саксофоном, Озерский проделывал нечто похожее с клавишами-«расческой» наперевес. Матковский с гитарой, Бондарик с басом и, конечно, Борюсик за барабанами выглядели сосредоточеннее остальных, но и их (раз уж они вписались в эту дикую компашку) непривыкшая к безыдейному гротеску часть аудитории рассматривала с прищуром. Снова, как и на концерте памяти Башлачева, «Ы» аукнулись «Бомбы», старательно-истерически пропетые Гаркунделем под фортепианный аккомпанемент Лени, который лупил по клавишам, садился на них, разве что не вставал ногами. После этого из зала последовала предсказуемая реплика: «Ваша нарочито-дегенеративная исполнительская манера смотрится дискредитацией русского рока».

Интересовались, конечно, и тем, покажет ли «АукцЫон» сегодня, «кроме своего лица», ту часть тела, что демонстрировал в Париже (в конце программы Вова повторил на «Нэпмане» то, что видели французы и тассовский фотокор), просили ребят определить-таки собственный стиль и т.п. От лица группы вещал преимущественно Колик, который сначала повествовал о хаотичности «аукцыоновского» творчества, а затем со всем своим физико-пожарным реализмом выдал суровую формулировку, пресекшую всяческие споры: «Мы сейчас не в начальной стадии хаоса, а в конечной. И начинаем строить порядок».

Слова Рубанова про порядок на фоне маячивших за его

спиной Вовы с Гаркунделем и улыбавшегося в телекамеру Миллера звучали гордо. Сюда подошли бы и рассказанные мне позже «аукцыонщиками» воспоминания о Борюсике образца бакинских гастролей все того же 1989-го.

— В стране тогда «сухой» закон был, — поясняет Леня. — А в Баку прямо из нашей гостиницы выходишь, и повсюду магазины, торгующие настоящим «Агдамом» и прочими алкогольными напитками. Ну, Борюсик перед концертом попробовал этот «Агдам» и на третьей песне просто убежал со сцены абсолютно пьяный.

— В какой-то момент я почувствовал, что у нас барабанная партия пропала, — продолжает Озерский. — Повернулся, вижу: Борюсик, дико улыбаясь, играет соло на тарелочках, стоя с обратной стороны барабанов, спиной к залу. Доиграл он его и ушел.

— Я поначалу и не понял, что произошло, — докручивает тему Федоров. — Когда увидел, что Борюсик исчез, побежал за ним в гримерку. А он там уже спал. Когда только успел?

Тот концерт мы кое-как, по-быстрому, закончили, хотя догадывались, что нас сейчас могут и не понять. Народу в зале собралось много. Конферансье вышел на сцену и объявил, что «выступление группы завершено, поскольку барабанщик сломал руку». После этого вечера у нас там еще, по-моему, концертов пять должно было быть. Но из-за такого объявления их, естественно, отменили, хотя мы все оставшиеся дни так и просидели в Баку.

Накатила суть

> Что-то более-менее похожее на поэзию я начал выдавать, наверное, с «Бодуна». Тогда же мы окончательно поняли, что от броской внешней формы — грима, костюмов, танцев — «АукцЫону» надо уходить. Они начинали просто мешать.
>
> *Дмитрий Озерский*

> Только на записи «Бодуна» я как бас-гитарист наконец почувствовал в себе определенную уверенность.
>
> *Виктор Бондарик*

Месяц спустя после феерии на «ринге» «АукцЫону» довелось подытожить недлинную, но насыщенную летопись фестивалей ленинградского рок-клуба. Седьмая серия феста, вернувшегося с Зимнего стадиона в знакомый зал ЛМДСТ на Рубинштейна, 13, смотрелась уныленько по сравнению с предыдущими и выделялась разве что первым и единственным появлением на форуме омской «Гражданской обороны». Она открывала вечернюю программу второго фестивального дня. А несколькими сутками позже, в ночь с 11 на 12 июня 1989 года, закрывать ежегодную питерскую рок-сходку выпало именно «аукцыонщикам». Они справились, хотя Вова и признался, что ощущение от происходящего осталось «вялое и хилое». Ничего удивительного. Прежний миропорядок в стране рассыпался на глазах, изменялись и все явления, возникшие под его влиянием или как реакция на него. В другую фазу самостоятельности входил и «этот русский рок-н-ролл», чему тот же «АукцЫон» служил отличным примером. Ленинградский рок-клуб и подобные организации постепенно становились анахронизмом и в 1990-х фактически прекратили активную деятельность. «Ы» в качестве сардонического десерта к последнему полновесному рок-клубовскому фестивалю выглядел почти иронией судьбы…

Анализируя то «аукцыоновское» выступление на Рубинштейна, Веселкин отметил в дневнике: «Борюсик злобствовал, когда я рухнул на сцену вместе с колосником. Он изменился после Парижа, сплошные наезды закомплексованного „свободного" музыканта». В сентябрьских дневниковых записях все того же 1989-го Вова зафиксирует и замечания, сделанные ему после разных концертов Озерским, Федоровым… Не только

Веселкин, вся шоу-гвардия «Ы» (Вова, Гаркундель, Кира) начала в тот период по разным причинам потихоньку входить в некую противофазу с музыкантами группы. На сейшенах «АукцЫона» второй половины 1989-го уже вовсю исполнялись не только «Самолет» и «Пионер», но и «Любовь», и «Ябеда». То есть дело планомерно шло к «Жопе», в которой арт-забавам «аукцыонщиков», не игравших на музыкальных инструментах, стало тесновато и неопределенно.

— Нам в какой-то момент повезло, — говорит Озерский. — Мы почувствовали свою новую форму и смогли отойти от прежнего образа «АукцЫона». В 1980-е ведь не только мы, но и некоторые другие известные питерские команды привносили на сцену какие-то элементы театральности, создавали некие спектакли. Но почти все они однажды найденной формой загнали себя в тупик, и каждое их следующее действие являлось в общем-то пережевыванием предыдущего, только на порядок слабее.

После «Жопы», «Бодуна» наша публика даже временно разделилась на две категории. Одна ее часть принимала изменившийся «АукцЫон» целиком, другая считала, что раз мы уже не просто прикалываемся, а поем порой вещи достаточно мрачные, то кривляния, скажем, Гаркуши более не уместны. Мол, «АукцЫон» их перерос. Люди просто не понимали, что «кривляния» Олега — не то, что осталось из прошлого, а параллельный выход нашей энергии, очень важный, на котором многое в «Ы» держится и тоже тащит группу вперед.

Тем не менее Гаркундель, вступивший в «самый экстремальный», то бишь не просыхающий период своей жизни, превращался в «АукцЫоне» в фигуру достаточно обособленную. «На гастролях он старался все время быть один, — замечает Шавейников, — просил себе отдельный номер. Ну, а там — девчонки, пиво… Мы как бы сами по себе, он — сам по себе».

И Миллер, старавшийся в «АукцЫоне» «всегда работать по максимуму» и получавший одинаковый с музыкантами гонорар (это ему «очень нравилось, ибо подчеркивало: в группе все равны»), вспоминает, что на пороге заключительного десятилетия прошлого века стал слегка отдаляться от «Ы».

— Я уже не всегда выезжал с «аукцыонщиками» на гастроли, — вспоминает тот период Кира. — Особенно по российским городам. Хотя прежде делал это регулярно и отвечал за все декорации, костюмы, грим… Знаменитые Гаркушинытри полосочки на лице тоже я ему рисовал. Мы вместе придумали эту идею, но Олег не мог ее воплотить. И я создавал ему фирменный макияж, раскрашивал губы. А потом увидел фотографии с какого-то концерта «АукцЫона» в российской глубинке, куда я не ездил

и где Гаркуша нарисовал себе полоски сам, и пришел в полный ужас! Он разукрасился, как индеец. А мне вовсе не индеец был нужен. Я стремился к изысканному гриму. Олег, конечно, добиться такой тонкости в рисовании не мог и малевал себе на лице просто три черных бревна. Я пытался объяснить ему, что лучше уж оставаться на сцене просто самим собой, чем появляться с такой раскраской.

Впрочем, некоторые эстетические расхождения Веселкина и Миллера (параллельно вынашивавших тогда проект ОВД) с товарищами по группе принципиального влияния на «аукцыоновский» курс не оказывали. При всем демократизме «Ы» определенная субординация в коллективе сформировалась.

— Когда мы записывали первые два альбома, все в «АукцЫоне» были равны, — считает Озерский. — Ну, может, Федоров чуть равнее. А потом постепенно мы на него навешали все руководящие функции. Мол, ты композитор, ты и выбирай-решай, как и какие песни будем петь, что и когда записывать.

17.10.89 в веселкинском дневнике появилась пометка: «Федоров говорил о Стасе Намине. Требование Лени — запись до января 1990 года». Это как раз

о «Жопе», которую «аукцыонщики» через несколько месяцев сварганят в наминской студии SNC.

Пробивной внук партийного функционера-долгожителя Анастаса Микояна, создатель группы «Цветы», бизнесмен от творчества или творец от бизнеса Анастас Микоян-второй к концу 1980-х создал в Москве креативный Центр имени себя, своевременно и эффективно заменивший многим молодым музыкантам целую цепочку советских институтов: от филармоний, всесоюзного радио и фирмы грамзаписи «Мелодия» до рок-клубов и рок-лабораторий. Наминский Центр, быстро превратившийся в наш первый реальный шоу-бизнес-холдинг SNC, предоставлял группам, как говорится, комплекс услуг: от записи и издания альбомов под его лейблом до ротации песен в эфире радиостанции SNC, организации сольных концертов и участия в звучных фестивалях.

Забавно, что «аукцыонщики» всерьез взялись за «Жопу» в стенах «SNC Studio» вскоре после того, как государственная «Мелодия» наконец разродилась их первым виниловым гигантом — «В Багдаде все спокойно». По гамбургскому счету сия пластиночка, конечно, слегка запоздала. Но факт ее появления все равно был приятен.

Зимой 1990-го жесткая, альтернативная, полуистерическая, гоголевско-кафкианская «Жопа» стала былью.

И с больной головой,
А с женой, как с больной,
А в тепле, как в петле,
И хоть нож небольшой, но в спине…
Напрасно ищешь,
Я не знаю идиш,
У меня экзема,
Оставь меня, не мучь меня
И не шпионь сюда,
Ябеда!

— Мне казалось, что мы делаем какой-то необычный кайф, — признается сдержанный Борюсик, рассказывая о «Жопе», первом своем альбоме, записанном с «Ы». — И неважно, понимаю я в этом что-то или нет. Может, и половина участников группы не понимала, о чем мы поем. Но все играли с азартом и интересом. Наше общее состояние мне нравилось.

Шавейников окончательно втянулся в «аукцыоновский» хаос и аккуратно пробовал выстраивать в нем порядок (словно руководствовался «музринговским» тезисом Колика). На капитанов «Ы» Борис воздействовать, понятное дело, не пытался, но друга Бондарика, с которым «бывал откровенен так, как никто ни с кем», советами одаривал.

— Мы обсуждали с Витей, где нам не хватает ритма, почему в какой-то момент записи или концерта перестаем слышать друг друга и т. п., — рассказывает Шавейников. — Я ему говорил: «Слушай меня. Чего ты „убегаешь" в такой-то песне? Зачем слушаешь Николая Ильича или Диму Озерского, который тоже может „улететь"?» И Бондарик вставал с басом поближе ко мне, и нам становилось проще играть. Мне, в принципе, мониторы вообще не нужны. Я и без них способен слышать всех музыкантов и главное — собственные барабаны.

Первое издание «Жопы» на виниле с ассоциирующейся много с чем черной дырой, нарисованной Миллером на обложке, вышло в усеченном виде (без тем «Колпак» и «Выжить») и под названием «Дупло», придуманным то ли «аукцыоновским» звуковиком Мишей «Мишуткой» Раппопортом, то ли Рубановым (обе версии некоторыми участниками группы озвучивались с одинаковой уверенностью). Кому из издателей пластинки показалось, что «Дупло» благозвучнее и милее «Жопы» (а за окном все ж таки еще существовала советская власть, шокировать которую следовало сдержанно), сейчас никто не помнит. Но Лене, да и не только

ему, напротив, подумалось тогда, что «корректное» переименование альбома выглядит скабрезнее оригинала. Так или иначе, но в виде «Дупла» пластинка просуществовала до своего постсоветского переиздания…

За «Жопой»-«Дуплом» в 1991-м последовал «Бодун». Свои шедевры начала 1990-х «аукцыонщики» записывали прямо-таки с «битловским» новаторством и интенсивностью периода «Rubber Soul» и «Revolver» и с еще большим, чем был у «Ы» прежде, «детским страхом» перед окружающим миром. Этот «страх» сделал каждую тему «Бодуна», в том числе «Песню про столбы» (не вошедшую из-за одного ненормативного слова из трех букв в первый релиз альбома), вскриком юродивого или реакцией на племя людское того самого младенца, устами которого глаголет истина.

…Отними у меня все,
Отмени все мое зло.
Уведи в нелюди,
Не любить убеди… —

просил Ленин голос кого-то во Вселенной в первой же песне альбома и сам уводил каждого слушателя то ли в райскую преисподнюю, то ли в адскую высь, где нечего более терять, где уже не больно, где ощущаешь лишь, как потоком потусторонне-психиатрических «аукцыоновских» мелодий и аранжировок на тебя «накатила суть». Впрямую об этом «накате» упоминалось в самой длинной в альбоме, галлюциногенной фреске «Фа-фа-фа», но и все прочие «бодунизмы» взрывались такой «сутью», таким духоподъемным отчаянием и одой «К радости», исполняемой потенциальным самоубийцей, что душа с плачем пускалась в пляс.

Недобежать, недоуйти, недотерпеть, недоспасти…
Ни до меня, ни до тебя, ни до нее.
Сладкая жизнь…

Я живучий, но невезучий.
Выпадет случай, лето сведет с ума.
Лето лечит, осень канючит,
Я невезучий, радость моя зима.

С обложки «Бодуна» глядел в никуда из-под длинной, неровной челки одутловатый, отягощенный интоксикацией и суровостью земных будней мальчик, запечатленный Миллером. Это был последний альбом «Ы», оформленный Кирой. В 1996-м журнал «Fuzz» объяснит сей дизайн так: «Дмитрий Озерский проходил мимо одной ленинградской бани (ныне разрушенной), на стене которой увидел барельеф с изображением мальчика, поразивший его своим уродством. Кирилл Миллер „оживил" и чуть-чуть подработал лицо кадавра, и теперь мы можем любоваться этим олицетворением абстиненции. Содержание и его выражение на обложке полностью совпадают. Депрессивный настрой обеспечен».

А вот и нет. Депрессия и «АукцЫон» — вещи несовместные. Свет, воздух и радость у «Ы» не улетучиваются ни из одного концерта или песни, даже из тех, что кому-то кажутся нарочито смурными и мазохистскими. И брутальный «Бодун» выруливает на коде к восторгу освобожденного духа, который «отлюбил», «отлетал», «отхотел» и теперь кружится по свету бесцельно, безмятежно:

> Перекати-поле, перекати-тело.
> На-надейся, на-надейся на небо!

К новому «АукцЫону» фанаты русского рока привыкали трудно. Некоторые так и не привыкли. «Ы» с его ска-панковским, отвязанно-танцевальным балаганчиком еще по инерции ждали на больших сборных концертах, в компании стадионных рок-групп типа «ДДТ», «Алисы», «Нау», «Чайфа». Но «Жопа» и тем более «Бодун» предназначались несколько иной аудитории и иным площадкам. Это хорошо было заметно, например, 6 апреля 1991-го в московском Дворце спорта «Крылья Советов» на сейшене «Рок против террора», где «аукцыонщики» помимо своих старых, проверенных хитов впервые исполнили парочку ломовых «бодунских» вещей — «Фа-фа-фа» и «День Победы», которые сегодня вгоняют в экстаз их фанатов по всему свету. Тогда, в «Крыльях», народ безмолвствовал. «Мы отыграли в тот вечер „Фа-фа-фа", и зал встретил ее тишиной, — досадует Федоров. — Хотя эта песня, на мой взгляд, у нас одна из лучших».

«Бодун» непроизвольно оказался «аукцыоновским» Рубиконом. Перейдя его, группа вырулила на воспетую ею позднее «долгую дорогу бескайфовую» (то есть на самый

упоительный для себя маршрут), по которой уже не пошли ни Кира, ни Вова, ни те, кто посчитал, что прежний «АукцЫон» закончился и начался: «сольный проект Леонида Федорова, что-то вроде „Федоров и оркестр". Проект, который сам не лезет тебе в душу, а лежит где-то на второй полке справа в серии „Вечное"…». Это цитата из чьего-то ЖЖ января 2006 года.

Леня в 1990-х уже перестал заморачиваться на подобные суждения. Возможно, именно на «Бодуне» его остаточная рефлексия по поводу формы «аукцыоновских» песен и их восприятия публикой окончательно прошла.

— Для «Бодуна» мы с Димкой Озерским пытались сочинять тексты с минимальным количеством слов, в которых есть буква «р», — рассказывает Федоров. — Самой гениальной в этом плане получилась песня «Ушла». В ней в первых двух строфах «р» вообще нет. Да и во всем альбоме эта буква возникает не столь часто. Фишка такая.

Меня уже мало волновало тогда, что я картавлю и кто-то может это воспринять с иронией. Просто казалось, что из-за такого изъяна тексты наших песен не всем понятны. Вроде некрасиво. А потом я плюнул на все это. Да пусть не понимают! Еще лучше: чем непонятней, тем интереснее.

Алкоголизм — не шутка

Я пил абсолютно со всеми: от водопроводчиков до бандитов-олигархов. Мне было совершенно по барабану. Главное, чтобы у человека нашлось что выпить. Куролесил тогда по-всякому, перетрахал весь Советский Союз, ну и что?

Олег Гаркуша

10.11.91. Кишинев. Дико напился в общаге, грабанули опять всю зарплату…

Из дневника Вовы Веселкина

С Веселкиным стало сложно, когда он тоже, как Олег, «влез на стакан» и начал дичать.

Леонид Федоров

Отечественные политтехнологи, обслуживавшие партократию российских нулевых, прилепили предыдущему историческому десятилетию страны, щедро вскормившему их клиентов, ярлык «лихих девяностых». 0 какой и чьей лихости речь, всяк ныне волен толковать по-своему. Однако забавно, что предельно далеким от любых новорусских разборок и надолго выпавшим аккурат в те самые 1990-е из пейзажа родины «аукцыонщикам» сие звучное определение тоже подходит. Именно в эти годы они не только записали свои лучшие альбомы и перенасытились кочевничеством, но прошли еще и наивысшую фазу хмельного экстрима. За Гаркунделем, разумеется, никто не угнался, и тем не менее каждому в «АукцЫоне» есть что вспомнить из того, что помнится с трудом.

«Когда, к примеру, после очередных гуляний мы пришли в столовую, я есть не мог просто потому, что вилкой в тарелку мне было никак не попасть. А уж чтобы вилкой еще и в еду — так это высший пилотаж. Толик недолго смотрел на этот цирковой номер, а просто взял ложечку и начал меня кормить. Вот так буквально не дал погибнуть». Это из мемуаров Гаркуши — слово об отзывчивом друге Толе Соколкове по кличке Начальник, опекавшем Олега в знаменитом волжском плавании под лозунгом «Рок чистой воды» в мае 1990-го.

Поддержав благую культурно-экологическую миссию спасения великой русской реки от загрязнения (замысел этот

родился у обитающей в стороне от волжских утесов уральской группы «Чайф»), несколько легких на подъем известных отечественных рок-команд (помимо «Чайфа» и «АукцЫона» это были «Телевизор» и «НЭП») и еще ряд локально популярных коллективов загрузились на теплоход «Капитан Рачков» и двинулись с концертами вниз по Волге-реке. Плавание по Советскому еще Союзу, только-только миновавшему пик тотальной антиалкогольной кампании, длилось полмесяца, а на корабле «работал буфет, в котором по специальному распоряжению продавались горячительные напитки». Остальное вы можете себе дорисовать, в зависимости от вашей фантазии и жизненного опыта. Часто вглядывающийся в свое затуманенное прошлое Гаркундель, вспоминая «Капитана Рачкова», указал, что «музыкантами в невероятных количествах поглощалось „Советское шампанское", а когда шампанское кончилось и осталась лишь водка, допили и ее».

— У нас в группе непьющих-то никогда не было, — безмятежно поясняет Озерский, — но не у каждого случались такие проблемы с алкоголем, как у Черидника, Гаркуши или Веселкина.

— Я стараюсь с крепкими напитками быть аккуратным, — объясняет Бондарик. — Так, чтобы распускать себя, все бросить и пить «горькую», — это никогда. Люблю выпивать на радостях, а горюшко какое заливать — глупо, будет только хуже.

— В окружении алкогольных напитков я рос с детства, — признается Рубанов, — поэтому резкого вхождения в данную тему у меня не было. Она не казалась запретным плодом или чем-то особенным. На первых порах я пил сухое вино, портвейн не любил. А когда пришел в «АукцЫон», ситуация с алкогольными напитками в стране испортилась и любить уже приходилось то, что достанешь.

— Когда мы познакомились с Гаркушей, я уже выпивал, а он еще нет, — констатирует Федоров. — Но Олег очень быстро превратился в алкоголика. Сначала он стал какое-то винцо потягивать, а позже втянулся, да еще с какими-то панками стусовался.

В отличие от своих относительно рассудительных товарищей по «Ы» Гаркундель искал истину в вине самозабвенно и, возможно, нашел бы ее, если б вовремя не остановился.

— Алкоголизм бывает генетическим и приобретенным, — с научным подходом анализирует Олег. — Отца своего я, к сожалению, не знал, но допускаю, что болезнь эта мне от него передалась. Впервые я серьезно напился лет в двадцать. Это поздно. Потом лет восемь я пил умеренно, по рюмочке, по

бокальчику… А с развитием нашей гастрольной деятельности, возросшим количеством так называемых поклонников, друзей алкоголизация моя пошла волной. В день я выпивал уже не бутылку-другую пива, а, скажем так, ящик. С крепкими напитками — то же самое. По рассказам очевидцев, я, слава богу, по пьяни никого не резал и морду никому не бил. Поступал проще: напивался до безумия и ложился спать. Потом просыпался и дальше пил. Конечно, в тот период у меня была масса приключений, о них тома написать можно, но половины я не помню.

— Мне всегда нравилось и сейчас нравится то, что Олег пишет, — говорит Озерский. — У него своеобразный ход мыслей. Слушая его стихи, я часто отмечаю, что сам бы так не подумал, не сказал. Но когда у него начались запои, мы практически перестали общаться. У меня есть огромное количество друзей, пивших больше Олега, однако с ними интересно в такие моменты, а с пьяным Гаркушей — нет.

Веселкин тем не менее с бухим Олежкой не скучал, особенно когда настиг его по содержанию «промилле» в крови. Уже упоминавшееся в этой книге постепенное размежевание музыкантов и шоуменов в «Ы» проявилось и на излете волжского турне. Для большей части «аукцыонщиков» оно закончилось через десять дней в Самаре, откуда ребята отправились в домашний Питер. Вова с Олегом с ними не поехали. Под вывеской «Аукцион детей капитана Рачкова» они еще неделю развлекали публику в поволжских цирках.

— С Веселкиным и Гаркушей порой бывало очень сложно, — рассказывает Рубанов. — Первый иногда становился непредсказуемым и просто опасным, второй нередко напивался так, что не соображал, чего творит. Находясь с ними на сцене, приходилось внимательно смотреть по сторонам, следить за их действиями. Скажем, когда Вова повредил Олегу ребра в процессе танца, я стоял примерно в метре от этого безобразия. Причем с виду ситуация выглядела стандартно для их номера. Это уже после концерта выяснилось, что и у того, и у другого какие-то неполадки с телами.

— Помню такой момент, — подтверждает Гаркундель. — Вова как-то опрокинул меня в танце. Не специально, конечно, просто так вышло, я ударился обо что-то. А поскольку я подвыпивший был, то поначалу вроде не обратил на это особого внимания. Зато утром проснулся — с кровати встать не могу. Вся грудь в синяках. Звоню Веселкину, говорю: «Вова, лечи меня». Он нашел каких-то врачей, и они лазером чинили мне ушибленные ребра.

— На том концерте, когда Веселкин мял Гаркушу, я слышал, как Олег говорил ему: «Мне больно», — добавляет Федоров, — а Вова злорадно шипел в ответ: «Нечего было мне коньяк наливать».

— Любые сумасшествия Веселкина в группе принимали, в принципе, легко, — разъясняет Борюсик. — Никто ни за что его не ругал. Помнится, я как-то, на первых порах, возмутился после концерта, мол, на хрена ты, Вова, жопу свою на сцене показывал? Так Леня отвел меня в сторону и сказал: «Тихо, чего ты на него кричишь-то…» И я понял, что в «АукцЫоне» так реагировать на действия коллег нельзя… Хотя Коля Рубанов иногда с Олегом и Вовой пытался что-то выяснять. Наверное, переживал, что они могли инструмент ему разрушить. Меня-то барабаны так не волновали. Во-первых, на концертах они, как правило, не моими были, во-вторых, попробуй еще их разрушь. А саксофон — вещь хрупкая. Когда Гаркуша с Веселкиным впадали в угар на сцене, Колик им грозил: «Суки, блин…» А они изумлялись: что такое, все нормально, мы же в образе.

— Наездов из серии «достали вы своими приколами» я на ребят никогда не делал, — утверждает Колик. — Другой вопрос, что Гаркушу я жестко отучил подходить ко мне со спины и трясти за плечи, когда я играю. В ответ на такие его действия я активно лягался, и Олег запомнил, что подбираться ко мне сзади так же небезопасно, как к коню.

— Когда алкоголизм Олега достиг наивысшей фазы, многие в «Ы» задумывались о том, чтобы убрать его из группы, и я тоже говорил об этом, — откровенничает Озерский. — Конечно, всерьез и навеки никто Гаркушу выгонять из «АукцЫона» не собирался. Речь шла о том, чтобы поставить ему условие: либо ты завязываешь, либо мы с тобой расстаемся. То есть искали какой-то стимул, чтобы подвигнуть его к лечению, к выходу из «штопора». Постепенно ведь наступил момент, когда от него на концертах практически ничего не осталось. Его фирменный энергетический выхлоп, драйв, эксцентрика выродились в лучшем случае в какие-то кривляния, ужимки, ползание по сцене и т. п.

А на наших длительных зарубежных гастролях угнетало и раздражало не то, что Олег бухал (у нас все так или иначе выпивали), а то, что это определяло его существование. Одно дело, если здоровье тебе позволяет «нажираться», но на следующий день и через день нормально играть концерты, и совсем другое — если ты месяц проводишь в неадекватном состоянии. Зачем тогда ехать? Оставайся дома и пей.

— Иной раз Олега в начале гастролей грузили пьяным в наш автобус и через несколько недель таким же выгружали, —

вспоминает Бондарик. — Это, конечно, уже крайняя стадия была. Дальше некуда. В автобусе он в основном спал. Выпивал и спал. Конкретная болезнь. Тем не менее впоследствии он с ней справился. Молодец.

— Как только всплыла тема об изгнании Олега за пьянство, я сразу сказал, что, на мой взгляд, этого делать нельзя, — повествует Федоров, — поскольку всегда понимал, что Гаркуша, не знаю уж каким образом, но действительно является неким тотемом группы. Ребята предлагали: давай ты сам будешь выполнять его функции, шоуменить и прочее. Но я отвечал: дело не в этом. Без Гаркуши в любом случае «АукцЫон» — уже не «АукцЫон». Хотя однажды в каком-то питерском ДК мы играли без Олега, так как он опоздал, и концерт получился, в принципе, крутой. Но все равно мне было очевидно: с уходом Гаркунделя из «Ы» что-то неповторимое у нас исчезнет. И потом, в ту пору его просто было жаль. Я осознавал, что без группы он реально сдохнет. И нужно его как-то лечить.

— На нашей студийной работе пьянство Гаркуши существенно не сказывалось, — говорит Рубанов. — Он же не играет ни на каких инструментах, только периодически приходит в студию, читает свои стихи. Основной его вклад в «Ы» — на концертах, где он движется, сверкает, бренчит погремушками и т. п.

— И с началом безудержной алкоголизации, — подхватывает Озерский, — его креативный потенциал стал заметно угасать. Он попросту пропивал сам себя. А нарастить творческие «мускулы» вновь — практически невозможно. Понятно, что, когда Олег прекратил пить, стало лучше, прежде всего потому, что он просто жив остался. Но какая-то часть его энергии и таланта все-таки отрезалась запойным временем.

— Гаркуше только за авторство «Самолета» можно памятник ставить! — восклицает Федоров. — Считаю, это одна из самых наших выдающихся песен. Недаром Владимир Мартынов и Татьяна Гринденко, впервые увидев Олега и услышав «Самолет», просто обалдели, а Таня упрекнула меня: «Что же ты раньше не рассказывал, что у вас есть такой человек в группе!»

Возможно, мэтры нашей независимой музыки узнали о Гаркунделе вовремя — то есть уже в нынешнем тысячелетии. В конце прошлого миллениума его нестойкий образ мог вызвать у них излишние сомнения, подобные тем, что рождал у некоторой части «аукцыоновской» публики регулярный пакет молока на клавишах Озерского во время концертов. Мне встречались те, кто всерьез полагал, что молоко там из той же серии, что потребляли в баре «Корова» герои «Заводного апельсина» Энтони Бёрджесса.

Хотя все обстояло (и по сей день обстоит) проще.

— У меня еще во втором классе обнаружили язву, — поясняет Дмитрий. — При моей повышенной кислотности мне порой необходимо раз в десять минут сделать глоток молока. С алкоголем это, к слову, всегда сочетается нормально. И я даже не задумывался над таким вопросом…

Свою дневниковую запись от 28 июля 1991 года Вова Веселкин завершил словами: «Слишком все много пили. Я чуть поезд не спалил». Эти скупые, но красноречивые строки о еще одной гуманитарной акции, не обошедшейся без «АукцЫона», — железнодорожном странствии под вывеской «Рок чистого воздуха». На взгляд Озерского, то были самые экстремальные гастроли из всех, что выпадали на его долю.

— Типа в развитие темы «Рок чистой воды» год спустя инициативные люди устроили концертный тур «Рок чистого воздуха», — детализирует давние события Дмитрий. — С нами опять поехали «Чайф», «НЭП», еще, кажется, «Крематорий» и какие-то французы с американским вокалистом Майком Рэмбо. Только теперь вместо плавания на корабле мы перемещались на поезде. Авторы проекта нашли стоявший где-то в тупике старый состав, кое-как его реанимировали, загрузили в него всех музыкантов, и мы, значит, тронулись в путь… Путешествие мгновенно превратилось в инфернальный ужас. В разгар жаркого лета наш поезд двигался примерно по такому графику: 15 минут едем, 4 часа стоим. Вентиляция отсутствовала вообще.

А ехали мы на юг, по-моему в Адлер. Температура в вагонах неизменно держалась в районе +32…+33 градуса. На второй-третий день пути уже невозможно было ни есть, ни спать. В поездной кухне, на которую все рассчитывали, сломалась какая-то форсунка, починить ее никто не мог, и, следовательно, ничего не работало. С обещанным нам в поезде душем — та же история. Он выключился в первый же день и больше не включался. Если российские музыканты при первой возможности еще выскакивали куда-то помыться — на станцию, например, или в какой-то пруд нырнуть, то французы с американцем сразу же обросли, почернели, переехали жить в тамбуры, потому что там было прохладнее, и через пару суток приобрели вид поездных сумасшедших или бомжей. От всех проблем участники «круиза» спасались обильным потреблением водки.

— У этого тура какая еще приманка-то имелась, — припоминает Леня. — Обещали, что по окончании концертной программы можно будет пожить недельки две с семьями или подругами на одной из курортных турбаз у моря. Это как бы и был «гонорар» за выступления. Реальных денег никому

фактически не платили. Но, думаю, в таком поезде те, кто поехал с женами, тот же Димка Озерский, Коля Рубанов, сильно пожалели, что взяли их с собой.

— В той поездке и забавные моменты, конечно, случались, — добавляет Озерский. — Скажем, музыканты одной из групп умудрились увезти с собой из Ростова-на-Дону местную «мисс города». Или наш звукорежиссер Миша Раппопорт, пока мучился диареей, пытался гадить на ходу из тепловоза… Но завершилась вся эта вакханалия совсем невесело.

В Адлере наш состав отогнали в «отстойник», то есть на сортировочную станцию, и там в одну из ночей саксофонисту «НЭПа» Алексею Волкову… отрезало руку. Он с ребятами возвращался с пляжа, переходил сортировочные пути, а в это время там отцепляли-прицепляли вагоны. Когда они по инерции в темноте катятся, их ведь не видно, не слышно. Парень сел на стрелку, а ее в этот момент переключили, и она его отбросила под проходящий вагон, рука попала под колесо, как под нож. В общем — жуть.

«Скорая» приехала только минут через сорок, и все это время его, теряющего сознание, держал барабанщик «Чайфа». А Марьяна Цой бегала, искала отрезанную волковскую руку. Нашла. От такого зрелища я вообще медленно по стенке сполз. Вокруг та еще картина — стоит наш поезд, посреди грязи и копоти, повсюду куча пищевых отходов, под каждым вагонным туалетом соответствующий вид, и тут идет разбирательство инцидента. Кто-то в Москву хочет позвонить, кто-то в Сочи, чтобы узнать, где можно Алексею руку пришить. Пока выяснили — еще минут сорок прошло. Повезли его в одну из местных больниц, а там холодильник не работал. В общем, сделали ему какую-то культю и отправили в Питер, где уже продолжилось лечение… Этот случай стал апофеозом тех гастролей, и он по сей день меня ужасает.

— Был у нас позже еще один экстремальный момент, — вспоминает Федоров. — Это уже в 1996-м в Дрездене произошло, когда перед выступлением нам сообщили о смерти в Питере ближайшего друга Колика, клавишника группы «Время любить» Михаила «Сэма» Семенова. Мы тут же выпили бутылку «Сибирской», и мне чего-то так вдарило по мозгам, что я вышел на сцену совсем пьяный и убитый. Стою и чувствую: играть не могу, петь тоже, и слов ни одной нашей песни не помню. Что делать? Кошмар, катастрофа. Остальные ребята тоже как-то еле колыхались. Один пьяный Борюсик собрался и отмолотил все бодро и ровно. Как-то мы проскочили…

Расставание с Фавном

«АукцЫон» меня штрафанул на 100 марок за пьяные выходки на концерте в Гамбурге: бил пивные кружки, пил с немцами водку и пиво прямо на сцене, резал себя и всюду брызгал кровью. Мы с Миллером все украсили туалетной бумагой. Ха! В зале драка из-за меня. Весело.

Из дневника Вовы Веселкина. Осень 1991 г.

В апреле один концерт «АукцЫон» играл без меня — в Петродворце, в «Шайбе». Я занимался собой. Уже чувствовал, что долго с ними больше не протяну.

Из дневника Вовы Веселкина. Весна 1992 г.

Удачно на несколько лет прибившийся к «аукцыоновскому» племени Вова подбросил, бесспорно, парочку увесистых полешек в высокий, негасимый костер группы, но «тотемом» или еще каким непреходящим объектом «Ы», в отличие от Гаркунделя, не стал. Поэтому нянчиться с ним (когда парень начал основательно «слетать с катушек») никто в команде не думал, да и сам Веселкин в том не нуждался. В начале 1990-х его вулканическая творческая потенция требовала самостоятельности и простора. У Вовы созревала сольная программа из песен Клавдии Шульженко (в «АукцЫоне» его вокальные стремления сильно ограничивали), он козырял рассказами о том, что за границей его сравнивают с Нижинским и Барышниковым, и готовил парафраз на тему знаменитого балета «Послеполуденный отдых фавна». Молодой ленфильмовский режиссер Макс Эмк пригласил его сниматься сразу в двух своих документальных фильмах — «Тот самый Миллер» и «Фавн». Плюс ко всему продолжал как-то реализовываться, при содействии Киры, веселкинский музыкальный проект ОВД. Перспективы вырисовывались заманчивые, а Бовин эксцентризм (если не сказать экстремизм) в «Ы», видимо, достиг в тот период своего предела. Это ощущал и он, и все «аукцыонщики». Расставание Вовы с группой произошло почти что само собой.

— Что у меня, что у Веселкина конкретного момента прощания с «АукцЫоном» не было, — рассказывает Миллер. — Просто группа уже как-то сама по себе существовала, и я, в принципе, мог не ездить с ней по гастролям. Тогда мы договорились с Вовой, что я стану помогать его сольным

проектам, и, в сущности, весь его арт питерского периода (до того, как Веселкин перебрался в столицу) продюсировал я. Мы сделали проект ОВД, записали диск «Невозможная любовь», я содействовал съемкам клипов с участием Вовы и т. п. С «аукцыонщиками» из-за этого возникли некоторые сложности. Они стали коситься на чрезмерную творческую активность Веселкина и на то, что я уделял ему повышенное внимание. В «Ы» ведь была принята некая коллегиальная активность, а так, чтобы участники группы чего-то по отдельности делали (за исключением Коли Рубанова, конечно), — такого не происходило. Hv, и постепенно мы с Вовой как-то отпали от коллектива. У меня еще и художественная карьера начала активно развиваться.

Последний памятный зарубежный выезд с «АукцЫоном» для Миллера и Веселкина пришелся на октябрьские немецкие гастроли 1991-го (это их вспоминал Вова в своем дневнике). Кира тогда уже полезно совмещал остаточные функции визажиста-сценографа «Ы» с продвижением собственных картин. Вова отметил в записях: «10.10.91. Люнебург (ФРГ). У Миллера выставка в миллионерском районе».

— Той осенью я приобрел свою первую нормальную барабанную установку, — говорит Шавейников. — Мы выступали в Германии, и Кирилл привез туда какие-то свои работы и несколько из них продал. У него денежка появилась, и он ссудил мне нужную сумму для покупки барабанов. Потом я долг ему вернул. Не сразу, но вернул.

Арийская земля в 1990-х превратилась для «аукцыонщиков» в особенный, почти домашний край. Там у них нашелся менеджер, настоящий немец Кристоф Карстен, и, соответственно, именно в Германии «Ы» гастролировал интенсивнее всего — иногда месяцами.

— Мы звали его «дядюшка Кристоф», — улыбается Колик, — и он действительно был этаким немецким дядюшкой, без которого еще неизвестно, как повернулась бы история нашей группы. По-русски Кристоф не говорил. Он и сейчас с большим трудом это делает. Но, побывав на одном из первых наших европейских концертов, возможно в Гамбурге, где он тогда жил, «дядюшка» заинтересовался «АукцЫоном» и решил заняться организацией наших туров по Европе…

Чем конкретно мы его зацепили — не знаю. Тем, что «Ы» — это «советский Madness»? Возможно. Нас вообще долгое время веселили краткие аннотации «АукцЫона», публиковавшиеся в немецких журналах. Каких только определений не удостаивалась наша музыка: фьюжн, фри-джаз, джаз-панк, арт-рок… Любые мыслимые сочетания применялись к нам запросто. Критики

пытались как-то определить наш стиль, но у них это не получалось.

О Кристофе, с которым «аукцыонщики» после нескольких лет знакомства основали рекорд-лейбл «Дядюшка рекордз», ходили в российской околороковой тусовке не самые точные сведения. Вернее, повторялся один и тот же факт: это немецкий таксист, решивший слегка помочь в качестве концертного промоутера русской группе, понравившейся ему своей нестандартностью. Ему удается «заряжать» выступления «АукцЫона» по клубам фатерлянда, и на сейшенах этих иногда собирается до 300-400 зрителей, но нередко приходит по 10-20 человек, что «аукцыонщиков», впрочем, совсем не смущает.

Позже Озерский рассказал, что дядюшка Кристоф — не совсем или не только таксист. Он сотрудник компании «Das Taxi», нанимающей в качестве водителей своих таксомоторов перевоспитавшихся изгоев общества: экс-наркоманов-алкашей и подобный контингент. Карстен отвечал в упомянутой организации за культурный досуг ее сотрудников. Короче, исполнял обязанности главного массовика-затейника. 1 октября 1991-го он затеял в одном из гамбургских клубов концерт «АукцЫона» в рамках празднования юбилея какой-то местной фирмы.

"Доисторическая" эра "Фаэтона". Из архива Д.Озерского

"АукцЫон". Май 1988-го. Выше всех - художник Миллер, ближе всех - Озерский в знаменитой рубашке с обезглавленными божьими коровками. Из архива Д.Озерского

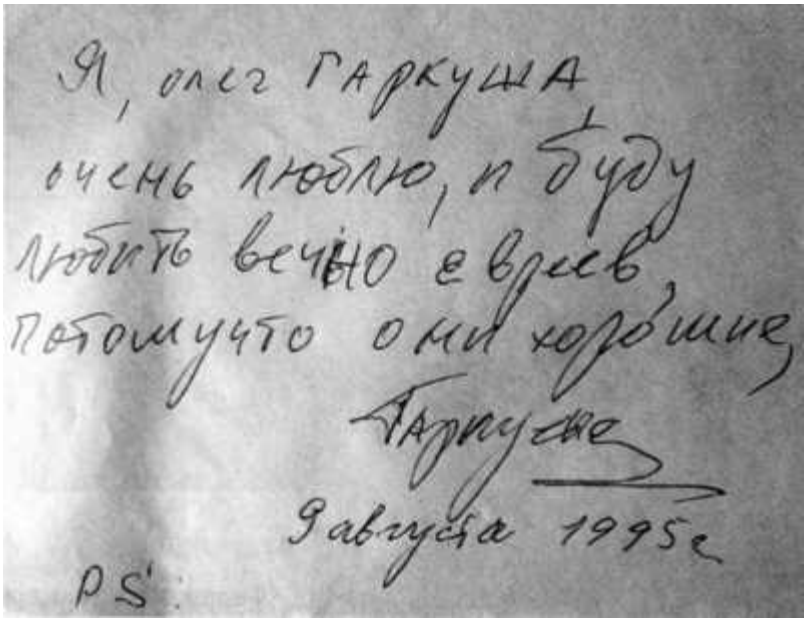
Москва. Январь 1988-го. Колик за фортепиано под присмотром Матковского, Раппопорта и Озерского (слева направо). Из архива Д.Озерского

1988-й. "Чекист" Гаркуша и Озерский у "беккеровского" рояля. Из архива Д.Озерского

Концерт в "А-клубе". Москва. 17 декабря 1993-го. Фото С.Бабенко

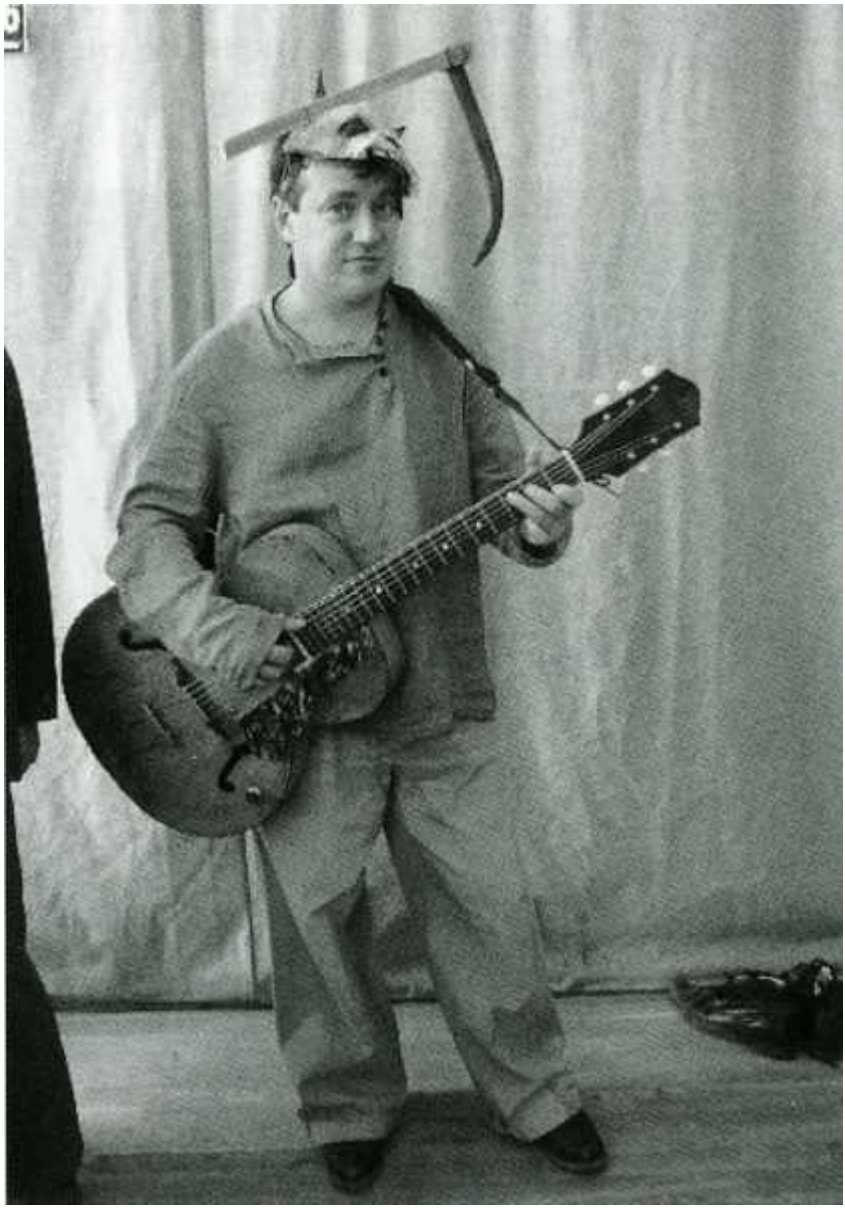
Геркундель. Пора "завязывать"? Декабрь 1993-го. Фото С.Бабенко

Леня с женой Лидой. Из архива Федоровых



Чистосердечное признание, написанное Геркунделем по требованию Миши Раппопорта утром, после недоброй, питейной ночи. Из архива Д.Озерского

Гениальное трио во Флоренции: Леня, Владимир Мартынов, Владимир Волков. Из архива Федоровых



Федоров на примерке костюмов для фильма Ильи Хржановского "Дау". Из архива Федоровых

Сейшен "Ы" в столичном кинотеатре "Улан-Батор". Гаркуша уже трезвай. Это заметно... Фото С.Бабенко

Тотем "АукцЫона". Привычки не лечатся. Фото С.Бабенко

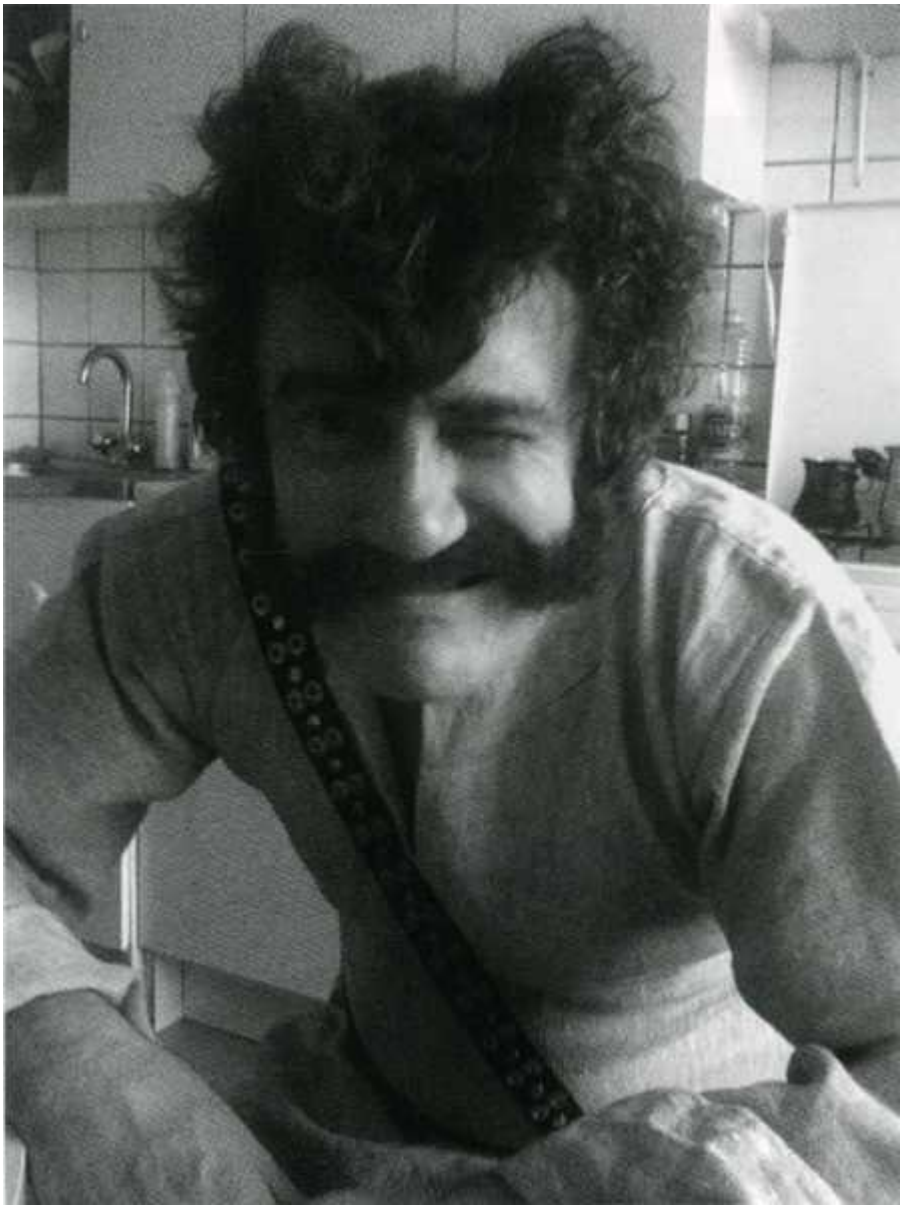
Мальчик как мальчик. Фото С.Бабенко

" Я невезучий, радость моя, прощай..." Фото С.Бабенко

Леня и Сергей Шнуров на первой пресс-конференции "Ленинграда" в Москве. Фото С.Бабенко

На заре "Ленинграда" Леня попробывал себя в качестве его солиста. Шнур с гитарой справа. Фото С.Бабенко

Вот оно счастье. Озерский-2010, Бондарик-2010. Из архива Федоровых



Кинопробы-2010. Федоров в образе. Из архива Федоровых

— Мрачный юбилейчик мы там устроили, — повествует Леня. — Это именно в тот раз Веселкин расколотил о сцену пивную кружку, начал себя резать, забрызгал всех нас и кого-то из зрителей кровью. Жуть какая-то…

— Он тогда не одну кружку разбил, а несколько, — уточняет Гаркундель. — Осколки по всей сцене разлетелись, и Вова стал на них плясать. Кровищи, конечно, прилично было, а пьяненькие немцы поначалу думали, что это краска, прикол, мол,такой…

Вова и до того гамбургского концерта подобные вещи проделывал. Постепенно его выходки стали напрягать. Музыканты порой на сцене просто ноги поднимали или поджимали, потому что он в ходе своего танца запросто мог кинуть в них какую-нибудь железяку тяжелую. А за мной он однажды гонялся с куском разбитого зеркала, которым за мгновение до этого порезал себе грудь. Даже Леня тогда намекнул ему: ты, старик, чего-то совсем уж стремное вытворяешь.

— Алексей Учитель снимал нас для фильма «Рок-2», кажется, в столичном Зеленом театре, — говорит Федоров. — И Вова притащил на сцену откуда-то из-за кулис зеркало. Разбил его, взял самый жирный осколок и принялся себя резать. Он тогда спортивный такой был, и вроде даже крови немного потекло. Но потом в гримерке посмотрели — у него раны сантиметра два глубиной. И я подумал, что с «АукцЫоном» такое кровавое месиво уже не вяжется.

— Мне кажется, Веселкин с самого начала предельно выкладывался в своем творчестве и через какое-то время просто пережег, испепелил себя изнутри, — размышляет Озерский. — В его душе образовалась некая дырка, пустота, и он судорожно искал, чем ее заполнить, чтобы опять работать на максимуме. Наверное, такие штуки, как «кровь пустить» на сцене или «залить» себя алкоголем для куража, виделись ему эффективными.

— До 30 лет Вова вообще не пил, — говорит Гаркуша. — Хотя у него родители пьющие, брат. Но я знаю много людей (скажем, покойный Саша Кондрашкин), которые принципиально до такого возраста не употребляли спиртное, а потом срывались в полный рост. Веселкин из их числа. Причем он — не запойный. Но, выпивая даже бокал шампанского или пива, Вова становился если и не агрессивным, то однозначно жестковатым.

— Последние выступления Веселкина с «АукцЫоном» выглядели ужасно, — оценивает Федоров. — Пока он не пил, не курил, занимался йогой, хореографией, оставался скромным, тихим, интеллигентным в общении человеком, то казался гораздо целеустремленнее нас, этаких разбитных пьяниц, и был интересен. У него многое офигительно получалось. В какой-то момент он стал на сцене заметнее Гаркуши, особенно когда Олег уже вошел в свое алкогольное пике. А Веселкин, напротив, взобрался на вершину вдохновения. Он не делал прямого эпатажа, не надевал бандажей, не носился по спинкам кресел в партере, не резал себя, не панковал нарочито. Любой его эпатаж выглядел неожиданно и красиво. Но, начав прикладываться к стакану, Вова довольно быстро перестал быть таким, как раньше.

Вся его энергия, сублимационная на мой взгляд, исчезла. Он стал принимать какие-то позы, хотел танцевать чуть ли не в каждой нашей песне (чего не требовалось в таком объеме), пытался привлечь к себе внимание дикими выходками. Короче — фигня получалась. И в конце концов он сам от нас откололся. Никто его не выгонял. Просто в какой-то очередной раз Веселкин не поехал с нами на гастроли в Германию, а когда мы вернулись, Вова уже сосредоточился на своем сольном альбоме, на сотрудничестве с Миллером и с «АукцЫоном» выступать перестал. Потом, правда, годы спустя, он еще появлялся на наших концертах, порывался что-то станцевать, даже выходил несколько раз на «Осколках», но это было совсем не то, что раньше.

Из дневника Веселкина: «13-15.05.92. Последние три концерта с ними в ЛДМ. Потом объявил, что больше не выступаю с ними. Они были ошарашены неподдельно, что-то говорили о билетах и прочем. Потом, на следующий день, уехали на гастроли в Гамбург. Я остался с Миллером и мифическим проектом».

— Володя немножко зациклился на каких-то своих вещах, — считает Бондарик, — и пошел в другую сторону. Ну, пошел и пошел…

От «Жопы» до Хвоста

«АукцЫон» привлек меня своей веселостью, жизнерадостностью, хорошим музыкальным драйвом, и мы как-то по-человечески сошлись.

Из интервью Алексея Хвостенко Джорджу Гуницкому

С Хвостом было очень легко. Это человек-оазис, абсолютно светлая душа.

Виктор Бондарик

Федоровское желание (о котором упоминалось в данной книге несколькими главами выше) сделать так, чтобы песни Хвоста услышало как можно больше людей на его родине, воплотилось в 1992-м. Вскоре после того, как смотритель парижского сквота поэт Алексей Хвостенко случайно залетел-таки в покинутое им Отечество после семнадцатилетней разлуки. Супруга Хвоста Римма такого камбэка, даже эпизодического, тогда совсем не желала, судя по словам общавшихся с ней «аукцыонщиков». Мол, выгнала нас родина, и шут с ней. Да и сам Хвостенко навещать развалившуюся красную империю не планировал. Однако до России добрался — в самолете с гуманитарной помощью (куда его смекалистые товарищи каким-то образом пристроили) — и пересек границу с сомнительными, чуть ли не временными документами.

— В Хвосте я чувствовал доброту, какую можно встретить только у самых близких тебе людей, — говорит Леня. — Какое-то время он был для меня почти как отец. Мы созванивались едва ли не ежедневно. Нам было интересно общаться друг с другом, и, приезжая во Францию, я часто гостил у него дома. Идея сделать альбом на стихи Хвоста пришла мне в голову через несколько дней после нашего знакомства, и я предложил ему: «Давай мы с „АукцЫоном" поможем тебе записать пластинку». Сперва он всячески отнекивался, говорил, что в Париже это сделать сложно, поскольку у нас здесь мало времени, а в Россию он не поедет и т. п. Но однажды Хвост решил устроить некий званый обед в своем жилище, на который пригласил всю нашу группу. Я ему тогда сказал: «Может, мне приехать к тебе на час пораньше и, пока остальные подтянутся, ты напоешь мне свои песни?» Он согласился и на той нашей встрече дал мне распечатку своих

стихов и напел песен 25, по куплету. Причем процесс этот сопровождался поглощением вина из вместительной бочки, которую Хвост купил для всего «АукцЫона». Мы вдвоем ее выпили, и, когда все ребята собрались, пришлось бежать в магазин за другой бочкой… В тот раз мы фактически и соорудили «Чайник вина».

Отсылающий к древнекитайской поэзии, европейской лютневой музыке XVI—XVII столетий, нашему футуризму и постмодернизму века двадцатого, звучащий, как частушечное камлание космополита, «Чайник» в тот винный парижский вечер оказался сродни миражу или магическому наброску. Его захмелевшие авторы кайфовали от содеянного здесь и сейчас, но слабо верили в окончательную материализацию замысла. Точнее — верили, пока допивали вторую бочку. А с рассветом начал возвращаться реализм. Хвост остался в своем сквоте, «АукцЫон» двинулся дальше на гастроли, затем вернулся в Питер, и вероятность студийной записи «Чайника вина» вновь стала призрачной.

Потребовалось выждать еще года полтора, прежде чем с перелетным гуманитарным грузом в самом конце голодного российского 1991-го Хвоста принесло в родную Северную Пальмиру. Вот тут-то, в студии «Титаник» на Фонтанке, за короткий отрезок зимы 1992-го, «Чайник вина» и превратился в завершенную работу, вскоре изданную на кассетах и виниловом гиганте с графической обложкой Васи Аземши.

— С Хвостом мы первый альбом смешно записывали, — излагает Борюсик. — Меня, например, иногда вообще никто не предупреждал, что магнитофон включен. Сижу, пытаюсь чего-то подыгрывать, вдруг слышу: нормально, все записали. Не весь диск, конечно, но некоторые песни примерно так и получились.

Акустический, почти кухонный, тихий альбом, сотканный из стихов Хвостенко, написанных в детсадовско-школьные годы «аукцыонщиков», по духу, нраву, обреченности и насмешливому сюру поразительно граничил с истерично-галлюциногенным «Бодуном». Но в «Чайнике вина» присутствовала и странная, магнетическая нота, не звучавшая у «АукцЫона» раньше. Этакий потусторонний шепот Мастера:

Поэт не пропел, что другие поэты
Ни песен не знают, не знают стихов
И спел он про то, что и эти куплеты
Одеты в лохмотья и тень этих слов
Лишь тень этих слов…

Лишь тень этих слов…
Лишь тень этих слов…

— Ко времени прилета Хвоста в Россию я уже, честно говоря, о «Чайнике» и думать перестал, — признается Федоров. — Тем более у нас только-только получился «Бодун», а до него была «Жопа», и наступила некая передышка. Но вдруг звонит Хвост: «Я скоро, кажется, к вам прилечу. Давай запишем тот альбом, который мы придумали». Он приехал. Мы пару дней собирались на квартире у Димки Матковского, пытались по часу что-то вспоминать и дорабатывать из того материала, который получился в Париже. А потом, фактически за неделю, в студии все записали, с тромбонистом и виолончелистом, приглашенными Матковским, и без Озерского. Димка буквально в день прилета Хвоста загремел в больницу. Примечательно, что и спустя несколько лет, когда мы записывали с Хвостом «Жильца вершин», с Озерским произошло то же самое. Он попал в больницу и появился в студии лишь на последних двух сессиях.

В дремучих лесах шоу-бизнеса обязательно нашлись бы те, кто объяснил подобные совпадения ревностью. Мол, «штатного» текстовика группы впервые отодвинули в сторону, он и заболел или, во всяком случае, нашел повод уклониться от проекта, где его участие смотрелось второстепенным. К «Ы» такая версия применима разве что в виде шутки.

— Даже мысли о ревности к Хвосту у меня не возникало, — утверждает Озерский. — Общение с человеком такого уровня, тем более какое-то сотворчество с ним, для меня примерно то же, что для скрипача возможность сыграть на инструменте Страдивари. Хвост не только был замечателен сам по себе, но еще и представлял некий умирающий, отрезанный от нас пласт истории. Мы осознавали, что если не сделаем вместе с ним что-то стоящее, то широко о нем так никто, вероятно, и не узнает. Все замнется. Ну, может, появится пара-тройка каких-нибудь не слишком удачных его альбомов с кабацкими музыкантами, и всё.

Дискуссия на тему, кто кому больше помог — Хвост «АукцЫону» или наоборот, — сегодня, в принципе, возможна, но бессмысленна. Кому нужен ответ на такой вопрос, если в итоге случайного альянса безмятежного пиита-эмигранта и очарованной им внесистемной рок-группы возникло несколько шедевров (речь не только о «Чайнике вина», но и о более позднем «Жильце вершин», и о федоровском альбоме «Романсы») и одна, пардон за выражение, ментальная трансформация. Встреча с

Хвостом сделала Леню другим, открыла в нем что-то такое, к чему он прежде пробивался на ощупь и наугад. Не даром потом, уже в разгар нулевых, в различных интервью Федоров назовет «Чайник» чудом и скажет, что лишь в этом альбоме да в «Жильце…» он и годы спустя не чувствует никаких изъянов и не хотел бы в них что-то изменить.

Дом на колесах

Совершенно необходимо отдельно рассказать про наш автобус…

Из мемуаров Олега Гаркуши

Мне, как человеку любящему путешествовать, очень нравилось, когда мы катались на своем автобусе в Европу. Сейчас таких ощущений не хватает.

Николай Рубанов

Это был период настоящей цыганщины. Мы чувствовали себя кочевниками или, по крайней мере, дальнобойщиками.

Дмитрий Озерский

Неутомимый дядюшка Кристоф, заряжавший «АукцЫону» все новые и новые старосветские туры, и постепенное привыкание группы к обитанию в Европе (не повлиявшее на сравнительную бытовую непритязательность «аукцыонщиков») в 1993 году натолкнули коллектив на рентабельную мысль: а не обзавестись ли собственным автотранспортом? При грамотном подходе к делу он должен был в итоге обойтись дешевле регулярной аренды за границей минивэнов и более вместительных машин для гастролей «Ы».

Когда замысел осуществился, известие об этом прозвучало на новорусской родине «АукцЫона», лечившейся в ту пору от советских болезней экономической «шоковой терапией», смачно: «Ы» в Германии купил себе «мерседесовский» автобус! Факт «аукцыоновского» преуспевания был, как говорится, налицо. Некоммерческая, независимая питерская команда действует с буржуйским шиком!

В действительности все, конечно, обстояло скромнее. Заняв недостающую сумму, «аукцыонщики» за 20 с лишним тысяч марок купили на турецкой барахолке в Германии подержанный автобус «мерседес» — «старенький, но с отменными рекомендациями», как напишет позже Гаркундель. «Нахваливая его, — запомнил Олег, — турки повторяли на ломаном немецком, что мотор „вери-вери гуд". Мотор и вправду ни разу нас не подвел».

За руль на первых порах усадили Бондарика.

— У меня имелись права соответствующей категории, —

объясняет Виктор. — После службы в армии я полтора года работал в автобусном парке. Два дня, с 4 утра до 11 вечера, вкалывал, потом следовали два выходных, и я отправлялся на «аукцыоновскую» точку, на Металлистов, репетировать…

В одиночку я нашим автобусом порулил недолго. Мы нашли водителя, Володю Егорьева, который вскоре сделался практически членом группы. Тогда мне стало полегче…

Белым шелком закружила мгла,
Белым волком кружит ночь,
И завела, и завела
0, тонут мои глаза,
Стынут они в слезах,
Звезды на косах
О, я уже все забыл,
Ты уже все сказал
Дом на колесах… —

так впишут «аукцыонщики» свой потертый «мерс» в эпохальный альбом «Птица», изданный менее чем через год после покупки автобуса. Они обжили эту передвижную «недвижимость» быстро и эргономично, и она действительно стала не просто их транспортом, но и мобильной кибиткой. Домом, в общем.

«В салоне появились столики и „нары", на которых можно отдыхать», — отметил в мемуарах Гаркуша.

— Автобус реально был нашим «домом на колесах», — повествует Бондарик. — И чайники в нем всякие имелись, и белье на натянутых нами веревках сушилось. И спать там приходилось часто, особенно когда бывали ночные переезды километров по 600-700.

— До сих пор помню ощущение, — говорит Озерский, — когда сидишь на переднем сиденье рядом с водителем глубокой ночью, смотришь в лобовое стекло, и видишь, как дорога наматывается на колеса. Наматывается и наматывается…

— Чем дольше ехали, тем чаще тормозить приходилось, чтобы кто-то в туалет сходил, — продолжает Бондарик. — Один раз кому-то дашь поблажку, и потянется: то один выйти попросится, то другой. Хотя мне лишний раз остановиться было несложно, это не раздражало. К тому же мне немножко прибавляли к гонорару — за вождение. Давали, так сказать, на ночную еду…

Мы начали ездить на своем автобусе еще в эпоху «челноков»,

но границу и таможню наловчились проходить достаточно быстро. Как ни странно, хватало

объяснения, что мы группа «АукцЫон» и едем на гастроли. Нам шли навстречу. Да и проверять у нас было особо нечего: пустой автобус — десять человек и инструменты. Постепенно мы достигли такого уровня, что объезжали большую очередь и умудрялись минут за двадцать миновать и нашу границу, и польскую.

В Польше, к слову, единственный раз попали в легкую аварию. Это случилось чуть ли не в первой нашей самостоятельной поездке. Я тогда уже сутки за рулем ехал и немножко переоценил собственные силы. Концентрация внимания снизилась, а тут въезжаем в город. В Европе людей на пешеходных переходах принято, как известно, пропускать, и вот передо мной на «зебре» притормаживает маленький «фиат». Я среагировал с опозданием, и наш автобус слегка его в зад боднул. Но ничего особенного не последовало. Вышел из «фиата» поляк, я дал ему 200 марок, и он счастливый уехал. У него, в принципе, имелась страховка, мог бы вызвать комиссаров и все прочее, однако мы с ним расстались проще.

Более стремное ДТП произошло с «Ы» зимой 1994-го в Германии.

— Там почти каждые гастроли были сопряжены с какими-то трудностями, — вздыхает Виктор. — То правильно запарковаться нужно, то сделать обязательную остановку после определенного времени, проведенного в пути, то еще что-то. Но самым жестким эпизодом наших путешествий, конечно, стал тот, когда у нас на автобане на скорости 100 километров в час у автобуса отлетели два задних колеса. Мы тогда уже с водителем ездили, поскольку весь тур мне было рулить тяжело, и он на одной из стоянок, пока мы выступали, поменял у нашего «мерседеса» колеса, а гайки как следует не закрутил. А я после концерта не проверил. И вот едем ночью, все постепенно засыпают, сзади послышался некий стук, но с усталости никто на это особого внимания не обратил: стучит себе и стучит. И вдруг смотрю в окно, о-па, наши задние колеса нас обгоняют! Хорошо, что зимой дело было и у трассы уже какое-то скольжение появилось, а иначе автобус мог просто тут же перевернуться, как консервная банка, и последствия были бы весьма печальными.

— В тот момент я поначалу вообще ничего не почувствовал, поскольку был пьяный, — констатирует Гаркундель. — А потом словно белая горячка началась: увидел вокруг кучу разноцветных мигающих огней и подумал, что я на дискотеке. Оказалось, это полицейские машины к нам съехались. В Европе ведь как сразу

происходит: увидел кто-то из проезжавших, что у нас стряслось ЧП, и позвонил куда следует. Полицейские примчались узнать, что да как, чего мы тут прямо на дороге ремонтируем (этого там вроде вообще не положено — нужно обращаться в сервисные службы), а выяснили, что у нас еще и визы просрочены. И забрали нас в участок. Мы сидели там, пока не откупились штрафом с помощью своего немецкого менеджера. Иначе могли и в тюрьму легко загреметь. Короче, повезло.

«Дом на колесах» прослужил «АукцЫону» без малого десятилетие. Это срок. Столько прилежные дети в школе учатся.

— Кочевая жизнь стала сочным дополнением к нашей концертной работе в европейских клубах, — считает Рубанов. — «АукцЫон» заматерел именно там. В России тогда была жопа полная, выступления у нас происходили раз в полгода. А в Европе мы давали серии по 15-20 концертов в месяц. Причем все очень честно. На халяву, на ностальгических воспоминаниях публики мы за рубежом выехать не могли, даже если бы хотели, ибо нас там никто не знал. Поэтому каждый концерт являлся настоящим вызовом. Нужно было выйти и сыграть убедительно, так, чтобы нас приняли.

— Германия нам дала больше всего, — рассуждает Бондарик. — Щедрую практику, различные площадки, работу на хорошем звуке. Мы в тот гастрольный период многому научились. Стали самостоятельными. Кроме Кристофа, нам ведь никто не помогал. Все лежало на наших плечах — от ремонта автобуса до записи песен.

— Автобусный опыт был очень интересным, — соглашается Шавейников. — Столько поездили, мир посмотрели. Потом, конечно, уже депресняк начался, устали друг от друга. Ленька отдельно сидел в автобусе, Матковский тоже, и остальные — сами по себе. В последних поездках бывало, что не успевали от дома отъехать, как хотелось обратно. Понимали: сейчас начнется одно и то же — рутинная работа. Но возвращались домой, и через две недели опять тянуло на гастроли. И не знаю — почему так?

— После месяца разъездов и выступлений, конечно, уже хотелось домой, — подтверждает Озерский. — Но по приезде в Питер довольно скоро опять возникало желание ехать в Европу. В автобусе все-таки было весело и интересно. Хотя каждый, разумеется, воспринимал те регулярные вояжи по-своему. После энного количества концертов и лет в такой дороге Ленька, например, насколько я понимаю, вообще перестал все это переносить. Но ему и сложнее, чем остальным в «Ы», выкладываться приходится больше всех.

— Поначалу, бесспорно, все выглядело романтично, —

соглашается Федоров. — Катаемся на своем автобусе, играем, смотрим… Но потом стало утомительно. Ребята, тот же Димка, переносили эти долгие путешествия легко, а я — нет. Последние наши автобусные гастроли в Германию вообще превратились в муку. В группе были определенные трения, все устали. А поскольку я как бы в центре «АукцЫона», то любые проблемы в конце концов сваливались на меня. Гаркуша был постоянно никакой, я полностью выжат и в заключительных поездках, где-то к середине тура, уже терял голос — это, по-моему, всех угнетало. Особых денег те выступления не приносили, но при этом мы понимали, что европейские гастроли — единственный наш стабильный заработок и возможность развиваться как группе, поэтому ездили фактически до упора.

— В 2002 году автобус мы успешно продали, — рапортует Бондарик. — Причем он был на ходу, хотя и подгнил за девять с лишним лет серьезной эксплуатации. Оставлять его в качестве экспоната не имело смысла. Да и где бы он стоял? Была идея сделать из него детский кинотеатр, так чтобы он катался по городу и показывал фильмы в разных районах. Но задумка не нашла продолжения, поскольку требовалось много средств для ее реализации, да и бензин нужно было бы оплачивать. В результате «дом на колесах» купили для бизнеса — простые парни из питерского первого парка, которые и не знали историю этого автобуса. Она им по барабану. «Мерседес» как «мерседес»…

Сделал «Птицу» и в больницу

После успеха «Птицы» возникло большое искушение поставить удачную схему на поток. И ежегодно выпускать альбомы типа «Птица-2» или «Птица-2000» и т.п. Но, к счастью, этого с нами не произошло.

Николай Рубанов

Когда появились положительные отклики на «Птицу», на них было, честно говоря, наплевать, поскольку мне никогда не нравилось, как мы сделали эту пластинку.

Леонид Федоров

То, что Федоров не любит «Птицу», — никакая не поза. Просто этот альбом получился, что называется, для всех и каждого, чего не скажешь о «Жопе» или даже «Багдаде…».

Олег Гаркуша

В 1993-м «аукцыонщики» непроизвольно отметили десятилетие существования своего бренда записью хитовейшего альбома «Птица». Мимолетный экс-участник «Ы» Евгений Дятлов, продолживший и после своего ухода из группы интересоваться тем, что с ней происходит, как-то, по старому знакомству, заглянул в гости к Лене, а тот «сидел на кухне и сочинял „Дорогу"». «Федоров предложил мне послушать мелодию песни, которая позже стала одной из основных в „Птице", — говорит Евгений. — И я тогда уже сказал: это будет хит».

Большинство отечественных рок-критиков в различных опросах или разговорах признавали «Птицу» лучшим альбомом 1993-го. При том что тот год получился весьма урожайным для российской рок-дискографии. «Бригада С» выпустила прощальный альбом «Реки», «Машина Времени» — «Внештатного командира земли», «Аквариум» — «Любимые песни Рамзеса IV», «Наутилус Помпилиус» — «Чужую землю», «Алиса» — «Для тех, кто свалился с Луны», «Калинов мост» — «Пояс Ульчи»… Но «Птица», щедро наполненная духовыми и струнными (Олег Рувинов на тубе, Аркадий Шилклопер на валторне, Рамиль Шамсутдинов на тромбоне, Терентий Дубровин на виолончели, Дима Матковский с ситаром и гавайской гитарой, наконец, скрипки, чье звучание не

проявлялось в «Ы» с момента ухода Дятлова), взлетела выше всех. Этот факт казался очевидным, хотя Федоров разглядел его не сразу.

— Мы записали «Птицу» осенью 1993-го, — конкретизирует Леня, — и только через год я услышал какую-то первую положительную рецензию на этот альбом. Мне вообще кажется, что ни одна программа «АукцЫона» изначально не воспринималась критиками положительно. Более того, про самые наши удачные альбомы писали наиболее отрицательно. На «Бодуна» я, помнится, прочитал какую-то жуткую рецензию в «Комсомолке», хотя до сих пор считаю его одной из лучших наших пластинок. Про «Жопу» вообще было молчание. О «Предателе» тоже никто ничего особо нам не говорил, кроме друзей. А «Жилец вершин», записанный после «Птицы», некоторые называли белибердой. Позитивные реакции появились тоже спустя примерно год.

Но мы никогда и задачи не ставили, чтобы кому-то понравиться, чтобы нас оценили. Однажды смешной момент был: мы только свели «Бодуна» и сидели, слушали его в студии. Тут приехал тогдашний директор «Калинова моста», тоже послушал и сказал что-то типа: «Я-то считал, что „АукцЫон" говно, а у него даже ничего музычка…» Я на него взглянул и подумал: ну да, у «Калинова моста» музыка-то, конечно, ого-го!..

Короче, никогда на наши альбомы сразу восторженно не реагировали, кроме первой программы — «Вернись в Сорренто». Про нее тут же все закричали, что это здорово.

Возможно, по Лениным критериям, «Птицу» народ распробовал чуть медленнее «Сорренто», но эта работа фактически сформировала новую генерацию почитателей «Ы» и годы спустя довела «аукцыоновскую» музыку до саундтреков к блокбастерам и рингтонов.

— Многие из тех, кто сегодня приходит на наши концерты, видимо, действительно узнали об «АукцЫоне» по «Птице», — признает Озерский. — Сначала услышали этот альбом, потом стали раскапывать, что же мы делали раньше.

Лене, однако, от снайперского попадания «Птицы» в сравнительно широкие массы (чего не происходило в таком масштабе ни с одним другим проектом «Ы») по сей день ни холодно, ни жарко. Конечно, в 99 случаях из 100, услышав авторское признание в неудовлетворенности собственным произведением, снискавшим громкий успех, вы справедливо примите это за кокетство, а то и за лицемерие. Но Федоров — тот единственный на сотню искренний случай «гамбургской» самооценки творца и безразличия к внешнему резонансу,

которому, право, можно доверять. Причем речь конкретно о Лениной рефлексии и критериях. Остальным участникам группы «Птица» принесла радость не меньшую, чем «аукцыоновским» фанам.

— Монтируя «Чайник вина», я осознал, что мы записали гениальную, на мой взгляд, пластинку, — рассказывает Федоров. — Мне вдруг стало понятно, что минимумом средств, ничего вроде специально не придумывая, можно делать офигенные вещи. И «Птица» была попыткой записать нечто подобное без Хвоста, чисто с «АукцЫоном». Но попытка провалилась. Сделать простую пластинку мы не смогли. «Птицу» загубили аранжировки. Предшествующие наши альбомы: «Как я стал предателем», «Бодун», «Жопа» — записаны именно так, как хотелось, они гораздо адекватнее «Птицы». В «Предателе», например, есть две песни, «Новогодняя» и «Вечер мой», которые в плане записи я считаю у нас чуть ли не сильнейшими. Они звучат отлично. А в «Птице» по-настоящему звучали только «Дорога», «Моя любовь» и «День рождения». «Седьмой» и «Все вертится» — плохо. «Глаза» — средне… При этом сами песни в «Птице» — одни из лучших написанных нами с Димкой — простые, открытые, ясные. Но музыку мы для них придумали хреновую, недоделанную какую-то. Я чувствовал в этом альбоме нестыковки. «Все вертится» мы, допустим, постоянно играли на концертах и сейчас еще играем. Это одна из лучших наших концертных вещей. А «Дорогу» или «Седьмого» перестали исполнять достаточно быстро и пока не собираемся. Хотя песни-то на самом деле отличные, но играть их в «живом» варианте неинтересно. Они не сделаны как концертные вещи. Это привело меня к какому-то слому после «Птицы». Я не понимал, почему так произошло.

— По завершении записи этого альбома, — говорит Озерский, — все мы были очень довольны, кроме Лени, пребывавшего тогда в полном депресняке и упадке. Помню, приходим к нему домой, он сидит на лестнице и слушает «Птицу» на своем бумбоксе. Низы все убрал, верхи вытащил и заявляет: какое говно мы записали. Спрашиваем: «А зачем ты звук на магнитофоне так настроил?» Леня в ответ: «Народ-то именно так и станет это слушать…»

— В тот период Озерский как-то сказал мне, — вспоминает Леня, — «тебе, видимо, нравятся песни Хвоста, потому что ты не участвовал в их сочинении». Возможно, и так. Записывая альбом с Хвостом, мне просто хотелось ему помочь, и мое участие в записи было абсолютно непроизвольным. А когда мы сочиняем с Димкой, то часто на ходу меняем слова, подбираем удачные варианты и сочетания, то есть это кропотливый процесс. Каждая песня выстрадана. Для «Птицы» мы написали песен 20. В

окончательный вариант альбома попало вдвое меньше. Такого «отсева» мы, пожалуй, больше никогда не делали.

Помню, Озерский принес на репетицию сразу две темы: «Моя любовь» и «Алкоголизм». Первая никому в группе не понравилась, а вторая понравилась всем. Мол, круто, вот это песня! В итоге «Алкоголизм» мы так и не смогли сделать и никогда группой не играли, а «Моя любовь» стала у нас одной из лучших концертных, да и студийных, вещей и уж точно лучшей записью в «Птице».

К слову, те песни, что в «Птицу» не попали, я все равно до сих пор пою: тот же «Алкоголизм», «Подорожник», «Заведующий», «Небо напополам».

— Мы с Леней садились на какой-нибудь кухне, — рассказывает Озерский, — и он под гитарку начинал петь «рыбу». Просто набор звуков. «Рыба» эта либо принималась за основу, либо я советовал что-то в ней изменить. Ленька ведь не всегда может уловить, как мелодия слышится со стороны. Иногда то же происходит у нас и с текстом: рождается некая фраза, но мы быстро понимаем, что она неестественна и так звучать не должна. Значит, ищем следующую. Если на чем-то останавливаемся, я начинаю вертеть в уме эту конструкцию, и вдруг подбирается нужное слово, затем бац, еще два-три слова или строка. Вокруг нее строим всю песню. Когда я зацепил мелодию, мне кажется, что текст уже написан и мне остается лишь его расшифровать. Но вот эта-то расшифровка порой выматывает капитально. Днями кручу в голове какую-то тему, не могу ни заснуть, ни успокоиться. И на нервной почве случаются приступы. Напишешь песню и на пару недель попадаешь в больницу. Наследственные проблемы со здоровьем, язва дают о себе знать. Я практически всегда в процессе работы над очередным альбомом проводил определенное время в больнице…

И, наверное, в этом одна из причин, по которой ко всем нашим альбомам я отношусь хорошо. Какие-то из них могу переслушивать раз от раза, другие — забросить в архив лет на пять-десять. Но однозначно, что в каждом из них нет ни грамма нашей неискренности. И «Птицу», которая может Федорову и не нравится, мы тоже записывали искренне. Этот альбом я воспринимаю как завершение еще одного «аукцыоновского» этапа, после которого у нас началось нечто совершенно другое.

— Основная нагрузка при воплощении наших альбомов ложится все-таки на Федорова, — констатирует Колик (чья супруга Татьяна нарисовала абстрактно-калейдоскопическую обложку «Птицы»). — Непосредственно студийная запись — не самое сложное. А вот мастеринг, сведение, создание, собственно, того, что теперь люди слышат на дисках в исполнении

«АукцЫона», — прерогатива Лени. В этих вопросах у остальных участников группы всегда были, грубо говоря, совещательные голоса. И даром для Лени такая нагрузка не проходит. Он очень страстный человек, когда дело касается его музыкальных проектов. Несколько раз после окончания работы над альбомом (и над «Птицей», кажется, тоже) ему становилось элементарно плохо от накопившейся усталости. Так что, в принципе, можно было и к врачам обратиться.

В отличие от Озерского или Федорова, Гаркуша в тот период если и рисковал угодить в клинику, то вряд ли из-за творческих мук. На креативном фронте ему как раз все давалось внешне играючи, даже когда тусовочно-питейное бытие почти полностью исключило его из созидательного «аукцыоновского» процесса. По свидетельствам участников «Ы», в период записи «Птицы» Гаркунделя они видели считанные разы и не подолгу. Тем не менее свою точечную лепту в самый популярный альбом «АукцЫона» Олег внес. Его перу принадлежит заглавная песня диска и текст, пристроенный к редкой композиции Матковского. Впрочем, оба «птичьих» стихотворения Гаркундель сочинил задолго до записи альбома.

— Сама «Птица» получилась буквально за несколько минут, — утверждает Гаркуша. — Федоров мне наигрывал мелодию, и я судорожно придумывал под нее слова. Обычно так они с Озерским работают, а я просто пишу стихи, сам по себе. Но в данном случае применил их метод. Леня меня лишь чуть-чуть корректировал. Убирал отдельные мои слова и вставлял свои.

А потом Дима Матковский, впервые в жизни наверное, сочинил инструментальную пьесу и сильно этим гордился. Как-то я зашел к Лене домой, он мне ее показал и говорит: надо эту тему не то чтобы подгладить, но подходящий стих ей найти. Я сразу предложил «Панковский сон», а затем прочел на ту же музыку «Пропали уши у меня средь бела дня…». «Уши» подошли. Правда, Дима обиделся. А на что обижаться-то? Это ж творчество.

— Все песни — наши детища, и плохих среди них нет, — по-отечески высказывается Бондарик. — Леня считает, что «Седьмой» — не концертная вещь? А мне она, честно говоря, очень нравится. «Птица» вообще примечательный альбом. Раньше мы еще в студии многое переделывали, барабаны с басом записывали отдельно. А «Птица» — практически игра в реальном времени. Дубль пишется, и все. Неважно, хороший он или плохой.

— По-моему, «Птицу» мы хорошо сыграли, — считает Шавейников. — Голова такая ясная была. Я во время студийных сессий, кажется, вообще ни разу тогда ничего не «махнул». Трезво подошел к записи, и кайфово получилось. Но Леня сказал, что

больше таких альбомов писать не будет. Возможно, я не соглашался с его категоричностью, но что поделаешь? Ему всегда хотелось и хочется чего-то иного. То, что заранее претендует на широкую популярность, ему делать неинтересно.

— В принципе, после «Птицы» мы вполне могли выпускать уже только концертные записи, типа как Grateful Dead, и это тоже нормально, — размышляет Рубанов. — Концерты же у нас разные получаются. А с годами и взаимопонимание наше поднимается на все более высокий уровень. Я, например, не являюсь студийным музыкантом, скорее именно концертным. Или можно было гнуть линию «Птицы». Но в какой-то личной беседе Федоров мне очень внятно объяснил, что повторяться не стоит. А кто у нас в группе главный?

Стойкий директор

«АукцЫон» — группа не коммерческая. У нас директора-то никогда нормального не было.

Олег Гаркуша

Товарищ Гаркунделя по хмельным «зажиганиям» и его гостиничный сосед на «аукцыоновских» гастролях раннего периода, Сергей Скворцов по прозвищу «Скво» (года три продержавшийся в группе в роли ее директора-администратора), а также гамбургский «таксист»-промоутер «дядюшка Кристоф» — вот, пожалуй, весь «административный штаб», оставивший след в биографии «Ы» на пути от «Сорренто» к «Птице». Были, конечно, и другие люди, которых в разное время принимали за директоров и продюсеров «АукцЫона». Скажем, Дмитрий Ицкович или Ольга Барабошкина. Но на самом деле тут речь просто о дружеской поддержке талантливой питерской команды столичными неформальными интеллигентами. Такую поддержку «аукцыонщикам» готовы были предоставить, и предоставляли в том или ином виде, многие отзывчивые, увлеченные граждане в разных городах по ту и эту сторону Российской Федерации. Большего, в общем-то, «АукцЫону» никогда и не требовалось.

Группа, на протяжении многих лет «успешно боровшаяся со своей популярностью» (так об «Ы» вроде бы высказался однажды продюсер Сергей Шкодин), просто никогда не интегрировалась в шоу-бизнес. Ну, не надо ей было. Ломало.

Долгосрочные контракты с рекорд-лейблами, жесткие ротации клипов и песен группы в эфирах музыкальных теле- и радиоканалов, массированный промоушен новых альбомов, детализация и пафосность бытового гастрольного райдера — это не про «АукцЫон». Ни прежде, ни сейчас.

— С самого начала, с 1983-го года, мы не стремились к материальным достижениям, — уверен Гаркундель. — Хотя у многих молодых музыкантов такое стремление на лбу напечатано. Вот я нынче, помимо «АукцЫона», занимаюсь общественной деятельностью, участвую в просмотре групп для фестиваля «Окна открой», причастен к другим фестивалям и вижу, что примерно половина начинающих команд сразу хочет денег, а другая половина желает прежде всего творить. Мы в 1980-х были из второй когорты. Дайте нам просто песни попеть, и больше ничего не требуется. Хотя предложения о сотрудничестве со стороны королей шоу-бизнеса, скажем Юрия Айзеншписа, к

нам поступали. Но «АукцЫон» их отвергал. Независимость важнее.

Звучит, конечно, слегка бравурно. Но… простим протрезвевшему поэту высокопарный слог. Тем более что по сути все верно. Более чем четвертьвековая биография «Ы» — хороший пример сохранения собственного коллективного «я» вопреки пресловутой «объективной реальности». Даже если подобный стоицизм грозил лишить Озерского дежурного пакета молока на концерте. Никто ведь не выставлял специальных требований приглашавшей «АукцЫон» стороне.

— Сложной в бытовом плане группой мы никогда не являлись, — считает Озерский. — Понтов у нас нет, и бытового райдера тоже. Несколько лет назад случайно довелось почитать райдер, который наш директор отправлял организаторам концертов в российских городах. Там было написано: «ребята едят и пьют все». Он, разумеется, наполучал от нас тумаков за такую вольность, хотя особо и не соврал. С любыми нашими директорами, что российскими, что зарубежными, мы всегда ругались по одному поводу: просили их в случае появления каких-то дополнительных средств вкладываться в улучшение качества концертного аппарата, а не в сервис повышенной комфортности. Поскольку на гастроли мы едем именно играть, а отдыхать в красивых отелях можно и в других местах, независимо от группы.

За первую десятилетку существования «АукцЫона» в роли его директоров побывали человек восемь-девять. Пофамильно, без запинки, их сейчас, кажется, никто из «аукцыонщиков» не перечислит.

— Почти все они работали с нами недолго, — объясняет Гаркуша, — и уходили по обычным в России, «директорским», причинам. Где-то чего-то недоплатили, скрыли, обманули, прокололись с предоплатой или гонораром за концерт… А потом у нас появился Сергей Васильев, который по странному стечению обстоятельств продержался директором дольше остальных. И держится до сих пор. Вроде бы он такой же, как и предыдущие наши директора, однако как-то в «АукцЫоне» прижился.

Возможно, здесь такая же ситуация, как в семье: живешь с женой десять лет, двадцать, понимаешь, что она, может, не очень и хороша, но и полвека с ней проживешь, поскольку уже прикипел, притерся к ней. С Васильевым — похожая история. Есть он, и ладно, бог с ним.

С Гаркушей у самого стойкого и преданного «аукцыоновского» директора сложились специфические отношения.

— Олег, единственный в «АукцЫоне», порой проявлял элементы звездной болезни, — повествует Васильев. — Когда Гаркуша бухал, то мог, скажем, попросить меня во время концерта сбегать за пивом. Но я принципиально этого не делал и оставался у сцены, поскольку следил за различными моментами, которые во время концерта могут произойти и где потребуется мое вмешательство. Гаркушу, естественно, раздражало мое поведение, он не раз просил ребят: «Давайте уберем этого директора». Но Олег все же не тот человек в «АукцЫоне», кто в одиночку решает подобные вопросы. Остальных музыкантов я устраивал, и меня не уволили. Кадровые решения в «Ы» принимаются большинством голосов. Федоров, в принципе, может что-то утвердить самостоятельно, но только в том случае, если поймет, что ситуация выходит из-под контроля и мешает всем.

Живи «АукцЫон» традиционными понятиями, а не в собственной системе координат, Васильева, вероятно, отлучили бы от группы еще до всяких трений с Гаркунделем. Например, после того, как «Ы» себе в убыток сыграл на первом организованном Сергеем концерте, или когда «новый директор» на дебютных для него заграничных гастролях заблевал «аукцыоновский» автобус. Но парня приняли таким, каков он есть, и получили настоящего Санчо Пансу группы.

— С юных лет я был фанатом «АукцЫона», — рассказывает Васильев. — Для меня это команда № 1 в стране. Впервые оказался на ее концерте, когда подрабатывал гардеробщиком в питерском ДК Связи. Второй раз попал на «аукцыоновский» сольник в декабре 1993-го, уже после того, как они записали «Птицу». Мне тогда очень хотелось сделать их концерт в ЛИАПе, где я учился. Там была некая компания, «Crazy reds» кажется, организовавшая сольник «Колибри» и обещавшая, что в следующий раз пригласит «АукцЫон». Но время шло, а «АукцЫон» у нас в институте все не появлялся. Я уж диплом получил, а концерта «Ы» так и не дождался. Подумал: почему бы мне самому его не устроить? Связи в вузе у меня сохранились.

Перед тем «аукцыоновским» выступлением в декабре 1993-го поймал в фойе кого-то из музыкантов группы и сообщил, что хочу пригласить «Ы» в ЛИАП. В ответ услышал: «Поговори с Федоровым». У «АукцЫона» в тот момент вообще директора не было.

Я подошел после концерта к сцене, обратился к Федорову, и он сказал: «Минут через 20 загляни в гримерку».

Сколько стоит «АукцЫон», я тогда понятия не имел. С этого вопроса и начал разговор с Леней. Когда он мне назвал сумму в

рублях, эквивалентную 500 долларам, я был в шоке. Не мог поверить, что такая группа работает за столь скромные деньги. Тем не менее, для осторожности, попросил ради студентов еще стольник скинуть. Федоров без проблем согласился. Я испытал повторный шок. Известный музыкант, не торгуясь, на двадцать процентов уменьшил гонорар своей команды, даже не требуя от меня дополнительных объяснений! Для себя я решил, что если удастся все же выручить на этом мероприятии 500 долларов, то столько «АукцЫону» и отдам.

Концерт состоялся в феврале 1994-го и прошел более-менее удачно, хотя опыт в проведении таких акций у меня был нулевой и материальные ресурсы отсутствовали.

За институтский сейшен «Ы» мне удалось-таки выручить 500 баксов, и я отдал их группе перед выступлением. Осталась даже некоторая сумма, чтобы рассчитаться за аппарат, зал и т. п. Положил эти деньги в свой рюкзак, и во время концерта его украли. Еще один шок! Для меня, в то время нигде не работавшего, сумма в несколько сотен долларов, которую требовалось срочно отдать, выглядела неподъемной. А расплатиться надо было с людьми, с которыми я работал впервые в жизни.

После концерта встретил Федорова, и он сам у меня спросил, чего я такой расстроенный, все ведь хорошо прошло. Деньги, говорю, украли, с партнерами нечем рассчитаться. «А сколько надо?» — заинтересовался Леня. «Триста», — отвечаю. И тут он спокойно отсчитывает эту сумму из «аукцыоновского» гонорара и возвращает мне со словами: иди, раздай и не парься.

Я был поражен! Таких взаимоотношений не бывает в нашей стране в принципе. Мне, конечно, стыдно стало. Я обещал, что обязательно этот долг группе отдам. А на следующий день поехал к Федорову домой, чтобы еще раз объяснить ему ситуацию в спокойной обстановке. Понятно же, «аукцыонщики» могли подумать, что я их просто обманул.

Приезжаю, а Леня мне с порога предлагает: «Поехали с нами в Германию». Это звучало невероятно! Я спросил что-то вроде: «Ты чудак, что ли? У меня вчера деньги пропали, а ты ведь даже не знаешь, украли их или я эту сумму просто прикарманил, и при этом зовешь меня с вами на гастроли!» Федоров невозмутимо ответил: «Да брось ты оправдываться. Поехали». И я действительно стал готовиться к поездке.

Леня не говорил мне сразу — будешь у нас директором. Он просто объяснил, что группе нужен человек для помощи в разных внемузыкальных вопросах. И я включился в процесс: делал «аукцыонщикам» визы, выполнял какие-то поручения в дороге

или когда проходили границу. Мне, в принципе, хотелось им помогать как близким людям, абсолютно бескорыстно. Тогда же я предложил Лене: «Давай я буду ваши пластинки на концертах продавать. У вас никто этим не занимается, а стоило бы заниматься». Федоров согласился. А на обратном пути из Германии у меня возник вопрос то ли о том, как разделить выручку от проданных дисков, то ли еще о чем-то, связанном с финансами, и Леня произнес: «Теперь ты директор, ты и решай». Вот с этого момента моя должность в группе была озвучена.

Директор Васильев с «АукцЫоном» уже более 15 лет. Похоже, для него это призвание с религиозным отсветом и школа жизни. То есть никак не бизнес. Поэтому, видимо, столько и держится.

— Моей мечтой, после того как я зацепился за «АукцЫон», было участие в записи их новой пластинки, — продолжает Васильев. — Ну то есть чтобы какой-то альбом был сделан при мне. И это сбылось. После «Птицы» вышел уже не один «аукцыоновский» диск. Когда записывали «Жилец вершин» и «Это мама», я присутствовал в студии. Как обычно, помогал, чем мог. Иногда Федоров даже интересовался у меня: как тебе такая вот песня? Не потому, что у меня какой-то авторитет, ему просто интересно порой услышать чье-то мнение…

Я изначально старался делать для группы все максимально хорошо. Концерты «Ы» организовывал сам, фактически кустарным способом, но вкладывал в них все свои силы и душу. Зато не требовались никакие промоутеры со стороны. Что собрали с продажи билетов, то и есть наш гонорар. Если в феврале 1994-го в моем институте «АукцЫон» еще работал за 500 долларов, то уже в сентябре того же года мы впервые получили за концерт вдвое больше. Мои старания оправдывались…

При этом случались «косяки», после которых думалось: всё, сейчас меня точно уволят. Например, когда в той, первой поездке в Германию я напился и облевал весь автобус. Проснулся с бодуна, жду, что сейчас мне скажут «до свидания». Но никто не ругался. Меня поражает в «аукцыонщиках» умение терпеть, прощать ошибки. И я у них этому научился…

В эпоху Хлебникова

Закончив работу над «Птицей», я понял, что мы в тупике. Наступил конкретный кризис…

Леонид Федоров

Из всех альбомов «АукцЫона» наиболее кропотливо создавался «Жилец вершин». На нем много копий было сломано…

Николай Рубанов

Развивая мысль Озерского о том, что «Птицей» для «Ы» завершился некий этап, вслед за которым «началось совершенно другое», можно подойти к утверждению, что упомянутый альбом вообще подытожил эволюцию «АукцЫона» как коллективной единицы. Вся дальнейшая история группы это, если хотите, движение по «тропику Федорова» с заездами на «запасные» пути.

Пользоваться уже изведанным Леня, выпустив «Птицу», категорически не хотел. Однако быстро отыскать новую, заманчивую, «непаханую территорию» после записи четырех разноплановых альбомов за пять лет Федорову самостоятельно не удавалось. К накатившему на него тогда состоянию подошла бы формулировка «кризис как предчувствие». Лидер «Ы» внутренне был готов к переходу на другой уровень творческой реализации, но для такого шага ему, видимо, требовалась чья-то подсказка. И она прозвучала из уст «доброго сказочника» (как выразился однажды музкритик Сергей Гурьев), парижского друга «аукцыонщиков» Алексея Хвостенко. Седобородый пиит из содружества «Хеленкутов» поведал Лене о том, что мировая литература делится на три эпохи. Раньше была эпоха Гомера, затем Данте, а теперь эпоха Хлебникова, в которой, собственно, Хвост с Федоровым и имеют счастье обитать. Следовательно, нет ничего естественнее и интереснее, чем запеть на велимировском языке. К тому же никто еще не доказал, что это возможно.

О поэзии Хлебникова, равно как и о самом алхимике славянской фонетики, Леня знал крайне мало, точнее — почти ничего. Сей пробел федоровской эрудиции Хвост ликвидировал в ресторане поезда Петербург-Москва, где за бутылкой водки подробно рассказал своему молодому соавтору-музыканту о гении русского футуризма. И тут Федорова «как ударило». Он «вдруг понял, что из всего этого может получиться что-то

необычное. И для нас необычное, и вообще…». «Вернувшись в Питер, я созвонился с нашими и сказал: „Тащите все идеи, у кого что есть. Все что угодно…"» — вспоминал Леня в интервью Андрею Бурлаке.

— О Хлебникове я знал и до того, как мы приступили к «Жильцу вершин», — говорит Рубанов. — Поэтому, честно говоря, сильно удивился, когда услышал, что Хвост предлагает сделать пластинку на хлебниковские стихи. Совершенно не представлял, что из такой затеи выйдет.

А кто представлял-то? По теперешнему преданию альбом созревал символический срок — девять месяцев, и все это время в отечественных околомузыкальных кругах раздавалось немало скептических высказываний. Мол, куда-то «АукцЫон» совсем в дебри понесло. Как можно Хлебникова спеть? Кто это станет слушать? Оттягиваются ребята с Хвостом сами для себя и т. п. Естественно, звучал и эпитет «заумь», когда-то щедро употреблявшийся в отношении самого Хлебникова. С позиции прагматиков действия «Ы» смотрелись вообще дико: коллектив никак не развивает успех «Птицы», чего-то два года ждет и в 1995-м преподносит поклонникам полубезумный, фри-джазовый альбом с голым юношей на внутреннем развороте обложки и инопланетными причитаниями-заклинаниями «Проум. Праум. Приум. Ниум. Взум. Роум. Заум. Выум. Воум. Боум. Быум. Бом!..»; «…кучери тучери, мучери ночери, точери тучери, вечери очери…». Что бы это значило?

Что? Вероятно, первое соприкосновение Федорова с бесконечностью, выход за края искусства, преодоление всех прежних форм.

— Для меня «Жилец вершин» — куда более этапный наш альбом, чем все остальные, — заявляет Леня. — Он многое во мне перевернул. «Жилец…» в сто раз сложнее любых записей, что мы сделали до него. Однако, создавая именно эту пластинку, мы находили массу простых ходов и решений, которые отлично работают. Благодаря «Жильцу» потом появились «Анабэна», «Зимы не будет»… У нас изменился подход к песням.

Чуть позже я опять проанализировал «Птицу» и заметил, что больше всего мне запоминаются в ней вещи, которые мы, что называется, не делали, не репетировали. Например, «Моя любовь» или «День рождения» (она придумалась вообще во время записи). То есть неотрепетированные песни наиболее «качают». Из таких вещей и складывался «Жилец вершин».

Для «простых ходов» в хлебниковском альбоме «аукцыонщики» задействовали такое количество аутентичных инструментов и загадочных приспособлений, что даже скромный

Леня, оценивая «Жильца», отметил: «…по использованию разных звуков мы там сами себя превзошли». Перкуссия Паши Литвинова деликатно сочеталась с флейтами интровертного духовика-саксофониста Анатолия Герасимова, музыканта-эмигранта, призванного «АукцЫоном» в компаньоны Колику. Последний, к слову, освоил в «Жильце вершин» египетскую тростниковую дудочку. Матковский взялся за гавайскую гитару, индийскую арфочку и тампуру. По утверждению Федорова, в студии иногда кто-то играл даже на метлах и газовых баллонах. Через всю эту чудодейственную звуковую вязь перетекала колыбельная хрипотца Хвоста, глаголившего велимировским слогом: «…и я думаю, что мир это только усмешка, что теплится на устах повешенного».

— Мне в кайф было записывать этот альбом, в нем ощущалось что-то новенькое. Такого мы раньше в «АукцЫоне» не делали, — подчеркивает Шавейников. — Хотя никакого Хлебникова я, конечно, никогда не читал и не собирался. Я же двоечник, зачем мне сложная литература? Тем более непонятные стихи — из одних звуков. Я в детстве читал про «Робинзона Крузо», «Пятнадцатилетнего капитана», и всё.

— О поэте Хлебникове я, как и Боря, до записи «Жильца» ничего не слышал, — признается Бондарик. — Но работать с материалом, предложенным Хвостом и Леней, оказалось интересно. Выяснилось, что и такие песни можно исполнять… А стихи Хлебникова я потом честно пытался почитать, но, видимо, уровень моей необразованности помешал мне «догнать» его поэзию…

В «Жильце вершин» ни единой строчки Озерского, ни одной прибауточки Гаркунделя, ничего от интонаций и мелодизма «Птицы», но тем не менее это был «АукцЫон». Другой, доселе невидимый. «АукцЫон», под теплым взглядом Хвоста создавший андеграундную сказку, благодаря которой стало известно, что если правильно выйти (или войти) в хлебниковский космос, он — поется. И даже откликается хитами. Одна лишь композиция «Бобэоби» приблизила к «Ы» не меньше новых почитателей, чем до нее «Дорога» или «Самолет».

Для Федорова сей проект стал еще и своего рода «рекомендательным письмом» к уже созвучной, но еще малознакомой ему творческой среде.

— Благодаря этому альбому, — говорит Леня, — у меня состоялась масса знакомств с интересными музыкантами, не имевшими отношения к року, и с людьми из других областей искусства. Собственно, с Владимиром Волковым я пересекся потому, что он послушал «Жильца…» и, как я позже выяснил, он

ему понравился.

Без особых эмоций воспринял сенсационный труд «Ы», наверное, только Гаркундель, вообще прошедший мимо студии, где создавался «Жилец» (и потому никак не упомянутый в «титрах» на обложке диска).

— В молодости я увлекался поэзией, — рассказывает Олег. — Читал и официально изданные поэтические сборники, и самиздатовские перепечатки. Мне нравились обэриуты: Хармс, Олейников, Введенский. Еще Ходасевич нравился. А Хлебников мне не был близок. Не люблю я всякую вычурную хуетень…

Совсем избежать этой «вычурности» Гаркуше, однако, не удалось. Однажды «аукцыонщики» растормошили его, еще не проспавшегося после очередной попойки, и заставили сниматься в черно-белом клипе на песню «Призраки» из «Жильца вершин». Олег вошел в кадр и… «застрелился». Пальнул себе из пистолета в висок, так что пуля вылетела между лопаток, и рухнул на пол, усеянный листами разлетевшейся неизвестной рукописи…

Матковский — в ашрам, Гаркуша — в профилакторий

Всегда был противником того, что коллектив много пьет, поскольку, по моим романтичным представлениям, артистам бухать — значит раньше срока помирать. А мне совсем не хочется, чтобы так происходило.

Сергей Васильев

Не завяжи я в свое время, сейчас меня бы в «АукцЫоне» не было. Помер бы уже — к бабушке не ходи.

Олег Гаркуша

То, что Гаркуша бросил пить, — позитивный момент и для него, и для группы, потому что вместо пьяной обезьяны появился трезвый артист…

Николай Рубанов

Какие тектонические сдвиги повлияли на «Ы» в середине кодовой десятилетки прошлого века, можно только догадываться. Очевидно одно: после «Жильца вершин» с группой стали происходить невообразимые прежде вещи. «АукцЫон» перестал записывать новые альбомы, из коллектива (впервые!) волевым решением большинства был удален один из участников (гитарист Дмитрий Матковский), а Гаркундель… бросил пить! Последние два события случились практически в полугодичном интервале.

Свой прощальный концерт с «АукцЫоном» Матковский отыграл в ноябре 1995-го. И достаточно холодно, если не сказать неприязненно, расстался с коллегами по многолетним гастрольным скитаниям, а потом и с отечеством, и с музыкой вообще. На главной странице своего персонального сайта экс-гитарист «Ы», осевший в Канаде, пояснил собственную трансформацию так: «Хвост как-то сказал: „Живопись — это музыка на холсте". Теперь я — художник. Добро пожаловать в мой худ-мир. Как говорится: „Худой мир лучше хорошей ссоры"».

Примечательно, что количественный состав «Ы» с уходом Димы не изменился. Его место как бы занял духовик Михаил Коловский, в качестве сессионного инструменталиста привлекавшийся «АукцЫоном» к записи «Жильца». Новый собрат

«аукцыонщиков» стал единственным дипломированным штатным музыкантом команды.

— Если профессионалом называть человека, имеющего официальную бумагу, подтверждающую, что он является музыкантом, — рассуждает Колик, — то у нас в таковом статусе только Миша Коловский. У него есть соответствующий документ.

— Мы не та группа, — подчеркивает Гаркуша, — которая вместо одного исполнителя сразу готова взять на его место другого, аналогичного плана. Нам, конечно, предлагали на замену Матковскому разных гитаристов, но так получилось, что вместо гитариста мы взяли тубиста.

— К какому-то моменту Матковский уже всех достал, — констатирует Федоров. — Колик его терпеть не мог, Мишка Раппопорт и Пашка Литвинов тоже были против него. После многочисленных долгих поездок по Европе мы все, в принципе, подустали друг от друга, но с Димой находить контакт становилось особенно сложно. В конце концов я остался, по сути, единственным человеком в группе, кто мог с ним общаться. Но и у меня, на фоне морального кризиса, сил отстаивать его перед коллективом не нашлось. И Матковского действительно убрали из «АукцЫона». А он не особо и сопротивлялся такому развитию ситуации.

— Кроме Матковского, из «АукцЫона» никого никогда официально не удаляли, — подтверждает Озерский. — Другие, из тех, кто уходил, делали это по собственной инициативе. Но с Димой мы постепенно разошлись во взглядах на музыку. Основательно это случилось уже после «Птицы», «Жильца вершин» и наших регулярных туров по Германии. «АукцЫон» оказался на некоем перепутье. Мы решали, в какую сторону двигаться: к большему импровизаторству, как предлагал, скажем, Рубанов, или к дисциплинированному исполнительству, чего хотел Матковский, хорошо придумывавший всякие риффы, строгие гитарные партии и т. п. Всем, видимо, захотелось тогда идти в сторону импровизации, и на собрании группы голосование сложилось не в пользу Димы. Выбор, конечно, пришлось делать не очень приятный. Но ничего закулисно не решалось. Вопрос стоял жестко: или Рубанов, или Матковский. Помимо прочих мотивов надо признать, что Николай Ильич на тот момент был гораздо более сильным музыкантом, чем Дима.

— Нет, это не правда, — отрицает вышеизложенную трактовку Рубанов. — Столь радикальной альтернативы никому не предлагалось. В конце концов, ни Матковский, ни я своим отсутствием не могли поколебать победное шествие «АукцЫона». Просто Дима, на мой взгляд, перестал совпадать с группой по

ритму жизни. Ему, скажем, больше нравилось сидеть в студии, а мы, напротив, много выступали. В отличие от других участников «Ы», я всего лишь отчетливо выразил свой конфликт с ним, обозначил различие наших взглядов на одну и ту же череду событий. Но все было очень вежливо.

— Я считал тогда, что нам не надо расставаться с Матковским, — говорит Бондарик, — но вопрос решился иначе. Видимо, так и должно было быть. Дима — специфический человек, рациональный, немножко математик. Эта рациональность его и подвела. Он начал какие-то меркантильные, прагматичные вещи внедрять в «АукцЫон», но они группой отторгались. Тогда Матковский избрал свой путь, уехал в Канаду, и, насколько я понимаю, там он счастлив.

— В ситуации с Матковским я никакую сторону не занимал, — рассказывает Шавейников. — Хотя с музыкальной точки зрения импровизацию в тот момент уже любил намного больше, чем строгую игру, заученные риффы. Хард-рок, скажем, меня перестал интересовать с тех пор, как я вжился в «АукцЫон» и почувствовал, какой здесь полет фантазии.

— Кроме музыкальных расхождений, у нас с Димой разнились и жизненные стремления, — продолжает объяснения Озерский. — Он постепенно увлекся Индией, ездил в ашрамы, стал более погруженным в себя. Кроме того, приближался срок идти в армию его сыну, и Матковский спешил до этого момента оформить все документы на выезд, чтобы уехать с семьей в Канаду. В общем, его пребывание в группе по многим причинам подвисало, и мы в некотором смысле ускорили решение данного вопроса. При этом никакого кандидата на Димино место у нас не было. То есть мы не стремились его выпихнуть ради кого-то. Просто настал момент сказать ему, что дальше мы попробуем что-то делать без него.

Пока «аукцыонщики» вынужденно и трудно «отцепляли» Матковского, ходячий символ «Ы» Гаркундель совершал последние витки по спирали спиртовых безумств. В короткой, заключительной главе своих непоследовательных, отрывочных реминисценций «Мальчик как мальчик» Олег отметит: «Порой мне казалось, что я чувствую запах алкоголя даже от собственной кожи».

Все вокруг (и сам Гаркуша в короткие часы просветления) понимали, что парню пора всерьез лечиться, иначе — полный абзац. «Если бы Олег еще какое-то время продолжал пить в том же темпе, то наверняка бы загнулся», — уверен Рубанов. Но худшего, слава богу, не стряслось. «Когда я был уж совсем плох, — пишет Гаркуша, — чудесный человек Женя Мочулов, директор

группы „ДДТ", предложил мне съездить в Америку. Для начала он предложил мне встретиться с американцами — членами организации анонимных алкоголиков».

Гаркундель явился на встречу с женой и с «большого бодуна». Но все не зря. Довольно скоро он полетел «в волшебный край под названием Эшли», что расположен «между Вашингтоном и Балтимором». В краю этом есть некое лечебно-психологическое заведение, типа санатория-профилактория, где «каждый американец, имеющий страховку, может провести 28 дней и подумать, так ли необходим в его жизни алкоголь». Олег, хоть и не был застрахованным американцем, тоже крепко подумал на животрепещущую тему, и вышло так, что день его прилета в Штаты на лечение, 22 июля 1996 года, стал последним днем его беспредельных возлияний. Сегодня Гаркуша не пьет.

— Абсолютно трезвым я прилетел в Россию 27 августа 1996 года, — повествует Олег. — И наш директор забацал тогда большой тур «АукцЫона» по стране. Начали мы с югов — Севастополь, Симферополь… А закончили Новосибирском. Где-то месяц катались. Ну и представь, выступаем на черноморском побережье, а там «красненькое сухое» рекой, портвейн, но мне уже по барабану. На сцене же я особых перемен в себе и в своих ощущениях не заметил. Даже кайфовее стало. Во всяком случае, ничего меня не обламывало, хотя многие утверждают, что алкоголь, наркотики, транквилизаторы всякие способствуют творчеству, раскрепощают… Хуйня это полная. Я и трезвый скачу на сцене так, что мама не горюй!

— После отрезвления в действиях Гаркуши появилась некая сознательность, — считает Колик. — Конечно, сегодня он отличается от себя прежнего, но в образ «АукцЫона» Олег по-своему встраивается.

— Теперь у меня есть возможность сравнивать, — рассуждает Гаркундель. — И то, что получается на концертах сейчас, — мне нравится. Вот недавно попалась видеозапись одного нашего выступления 1991 года, где я не то что совсем «в дрова», но изрядно пьяный на сцене. Так это ж смотреть невозможно. Мне стыдно. А раньше любому, кто сказал бы мне, что я там бухой, ответил бы: да нет, я — нормальный…

«Музыка моя, где-то рядом…»

Я считаю, что в песнях смысла быть не должно. Это же не агитплакат, а прежде всего ассоциативный и энергетический посыл. Вот какой смысл, например, в песне «Вечерний звон»? Гениальная вещь, отстраненная…

Леонид Федоров

С Леней я познакомилась в 1997 году, и, надо признать, с той поры он помудрел. По крайней мере, тогда он казался более бестолковым. А сейчас — очень толковый мальчик…

Лида Бенцианова, жена Леонида Федорова

Встреча Федорова со своей будущей, второй, супругой Лидой, трудившейся в продюсерской компании «Ы» (занятой организацией московских концертов отечественных рок-команд), хронологически совпала с началом его плодотворной и непредсказуемой сольной деятельности. Может, никакой взаимосвязи здесь нет, но звучит, согласитесь, поэтично. Поэтому так и запишем.

Не менее примечательно, что как только Леня преисполнился новой любви, его основательно потянуло прочь от… лирики. И тянет, как ему кажется, поныне. В одном из вечерних чайно-коньячных разговоров на московской кухне Лиды и Лени в районе «Серпуховской» («помудревший» Федоров постепенно перебрался на ПМЖ в столицу) — уже после того, как минула дюжина лет «аукцыоновского» альбомного «безмолвия» и группа записала-таки очередной студийный диск «Девушки поют» (о нем в следующей главе), — Леня говорил мне так: «Ни в одной нашей песне вербального смысла нет. Смысл есть в определенном состоянии, создаваемом этими песнями. В поэзии надо искать абсолютный полюс холода, потому что это свобода. Таким текстам можно придавать любое настроение. Я вообще к страстной поэзии отношусь сдержанно. Мой друг, композитор Владимир Иванович Мартынов, например, считает, что поэзия такая кончилась давным-давно».

Под «нашими песнями» неофутуристичный «заведующий всем» подразумевал в тот вечер не только (а скорее не столько) вещи, придуманные им с Озерским вне «Ы», а весь литературно-

художественный пласт, перелопаченный и спетый Федоровым в начале нового тысячелетия при содействии расширившегося круга его друзей по авангардно-аутентичной музыке и эмпирическому общению. Кроме Хвоста и Хлебникова, Леня расщепил на ноты, аккорды и звуки стихи Анри Волохонского и Александра Введенского, прозу Джеймса Джойса, занимательную филологию Андрея Смурова и Артура Молева. Дошел даже до монастырских духовных стихов, псалмов царя Давида и пастушьих заговоров, укомплектованных в набор «душеполезных песен на каждый день».

— Отталкиваешься от какого-то звука и нащупываешь песню, — разъясняет Леня. — 0 смысле текста не думаешь, он просто должен ложиться на музыку. Например, вся песня «Зима» на «Бодуне» выстроилась из слова «то ли». А, скажем, в «Предателе», одной из моих любимых «аукцыоновских» тем, есть противное звуковое сочетание «взвожу курки», которое, мне кажется, правильно так и не легло. Мы не нашли ему своевременно замену, и с тех пор оно торчит из песни. Мне важно, чтобы все фразы пелись, не вываливались интонационно из контекста. Последнее время я даже не учу песенные тексты, они сами всплывают в уме, когда звучит соответствующая музыка.

Меня именно таким подходом к поэзии зацепил Хлебников. Я понял, что он отталкивался от звуковой, ритмической основы стиха, она была ему важнее вербальных смыслов. А вот у Пушкина вербальная поэзия. Во все вложен конкретный смысл. Но дар его таков, что позволял создавать при этом абсолютно музыкальные вещи. У других же известных поэтов прошлого музыкальность в стихах вообще отсутствует, хотя некоторые из них, возможно, были глубже и мастеровитее Пушкина.

В другой раз, в том же московском жилище Лени, я слушал на его компьютере только что завершенный им альбом «Сноп снов».

Я все забыл, теперь пишу
За буквой букву,
Слог за слогом
Дышу,
Как будто бы душу
Себя,
Рожденного со стоном… —

пел Федоров очередной зазвучавший в нем стих Хвоста. Параллельно (и не впервые, кстати, при «вживании» в сольный

материал Лени) в уме моем всплывали разнообразные строки из раннего Маяковского. Тогда, кажется, вот эти:

Время!
Хоть ты, хромой богомаз,
лик намалюй мой
в божницу уродца века!
Я одинок, как последний глаз
у идущего к слепым человека!

Однако на тестовый вопрос: «Почему бы тебе, в череде прочих своих, спонтанно-концептуальных проектов, не обратиться и к почти юношескому периоду творчества нашего „агитатора, горлана, главаря'?» — Федоров с импонирующей категоричностью ответил: «Мне, если честно, Маяковский не нравится. Это малоинтересно. Он лирический поэт. А зачем мне чужая лирика?»

Следующий фрагмент нашего диалога, напоминавшего эстетическое анкетирование хозяина квартиры, уместно процитировать в форме интервью.

— А у Волохонского, значит, лирики нет?

— У Волохонского?! Лирики? Не слышал ни одного его лирического стихотворения. У Хвоста знаю один такой стих и одну песню. В остальном — у него тоже лирики нет. Холод там. Это абсолютно отъехавшие люди. Вот у «АукцЫона» лирики полно. У нас повсюду «мы», да «ты», да «я». Никак других слов не найдем, поскольку любим короткие слова, а эти как раз самое оно. Иногда пытались их заменять чуть более длинными: «дым», «дом», «снег», «бег», «век», «дождь», «лет», «ночь», «день». Но все равно словарный запасик получается небольшой. Есть, правда, еще несколько коротких слов, но в книжке их лучше не печатать…

— А «Холода» Озерского из твоего альбома «Таял» разве не лиричны?

— Это вообще молитва. Никакого отношения клирике. Хотя на том же альбоме мне больше «Бен Ладен» нравится. Вся его лексика бьет в точку.

— Может, тебе, помимо Введенского, полистать сборники других обэриутов — Хармса, Заболоцкого?

— Хармса, на мой взгляд, петь невозможно. Как и Заболоцкого. Не слышу в их стихах музыки.

— А Мандельштам музыкален?

— Нет. У него страсть в каждом стихотворении присутствует.

И у Хармса тоже. А вот у Введенского ее нет.

— Но тем не менее Хвост, Введенский, Волохонский — пронзительны?

— Конечно. Потому что это не лирика, и все звучит намного сильнее. Вот в чем дело. Мы с Димкой Озерским пытались искать в том же направлении, делились наблюдениями, как одна и та же фраза, произносимая от первого лица, выходит напыщенной и глупой, а если ее произнести отстраненно, обезличенно — получается совершенно иной эмоциональный окрас. Аналогичная ситуация складывается и с ее музыкальным исполнением.

При этом с сожалением констатирую, что наши с Озерским песни не бесстрастны. А страстность, она ведь всегда по какому-то поводу, но повод — сиюминутен. Он уходит, и страстность становится нелепой. В любой страстности, на мой взгляд, изначально заложена человеческая глупость. А хочется отстраненности, холодности, как у Цоя, Лори Андерсон, Введенского… В этом проявляется какой-то могучий покой…

Отклонившегося от «АукцЫона» Федорова народ впервые лицезрел 1 апреля 1997 года в ЦДХ на Крымском валу, куда Леня явился в одиночестве, с акустической гитарой, дабы, сидя на стульчике посреди пустой сцены, пропеть пару десятков песен, включенных в его дебютную сольную пластинку «Четыресполовинойтонны». То был винегрет из кусочков федоровского прошлого и набросков его ближайшего авторского будущего. Архивная Гаркушина «Лампа» соседствовала с «аукцыоновскими» вершинами — «День победы», «Зима», «Пионер», «Дом на колесах». Их дополняли экзерсисы «нового» Озерского — «Далеко», «Что-нибудь такое», которые три года спустя, на стыке тысячелетий, войдут в поворотный альбом Федорова — «Зимы не будет». К этому перечню примешивались и «доисторические» народные темы «Светлана», «Гусаки».

С предельным минимализмом и хохотливой обреченностью Леня, казалось, перепевал все, что попадалось ему под руку. Перепевал, никуда и ни во что не целясь. Просто выбрасывал из себя переполнявшие нутро музыку и слова, как проснувшийся вулкан Эйяфьятлайокудльтонны пепла.

— Я ничего специально не придумывал, не репетировал, — разъясняет Федоров. — Показывал вещи такими, какими они сами собой получались. Так же потом строилась и пластинка «Анабэна». В каждой ее песне есть музыка, и неважно, что там получилось хуже, что лучше. Главное — все сделано с совершенно другим подходом, не так, как раньше, в «АукцЫоне», когда мы записывали массу вариантов песни, потом долго отбирали

лучший из них, спорили и т. п.

Кстати, что касается альбома «Четыресполовинойтонны»,то вошедшие в него народные песни я помнил еще с той поры, когда осваивал гитару и разучивал блатные аккорды в деревне.

Из «многотонной» Лениной вязи проявилась одна, совсем не «аукцыоновская» интонация. Этакий шепоток вечности. Земной мотив о неземном, о бесконечном.

Далеко, далеко ли, далеко,
Одиноко ли, ой одиноко,
Не жалей его, не жалей —
Не до плохо ему,
Не до смеха.
И уехал, опять не уехал.
Сон недопокой его ничей
Падал на…

Интонация эта вольется заглавной темой в диск «Зимы не будет» (2000 год).

А-а-а,
0 том и пела,
А-а-а,
А жизнь летела,
0,
Потому и нет его…

Аукнется в «Анабэне» (2001) хвостенковской «Сонью».

Сонь от сони текла.
День от месяца.
Далека, далека
В небо лестница…

И застынет «Холодами» в альбоме «Таял» (2005).

Холода, холода.
Может быть, и нет,
Может, нет, может, да,
Везде, всегда
Ждать тебя велено,
Звать тебя просил.
Холода, холода,
Где ж ты был, был?

— Есть такие песни, которые и по два года дорабатываются, — рассказывает Озерский. — Вот «Далеко», пожалуй, создавалась наиболее долго. И это единственная песня, припев которой от начала до конца мне приснился. Первый куплет мы очень быстро написали, а с припевом никак не получалось. Уже и в Америку съездили, сделали там другой вариант этой песни. Все равно — не то. Хвост попытался что-то на нее написать. Получилась «Сонь». Но изначальный замысел мы с Леней все равно считали недоделанным. В конце концов отправились в какой-то дом отдыха и там продолжили над ней работать. Причем за это время успели много других вещей сочинить.

За ментально-композиторской эволюцией Федорова конца «лихих девяностых» — начала «подлых нулевых» только Озерский и поспевал. Остальные члены «Ы» (и немалая часть «аукцыоновских» поклонников) пребывали в определенной растерянности и ошеломлении от Лениной драйвовой самодостаточности и глубины творческих экспериментов. Попросту говоря, «не догоняли» в полной мере раскрывшуюся федоровскую суть. Зато «догнавшие» ее испытывали полнейший кайф.

С «тоннами», как уже говорилось, Леня справился в одиночку. «Зимы не будет» (название сие сделалось одним из слоганов поколения, а заодно предварило ставшую вскоре модной говорильню о «глобальном потеплении») сыграл с авант-джазовыми компаньонами — контрабасистом Владимиром Волковым и гитаристом Святославом Курашовым, с которыми познакомился в Нью-Йорке на первом курехинском фестивале «SKIF». Собственно, данный альбом и значился как проект трио «Федоров. Волков. Курашов». Здесь же, в «Зиме», Леня впервые сошелся с фольклористом-подвижником Сергеем Старостиным и создателем хора древнерусской духовной музыки «Сирин» Андреем Котовым. В дальнейшем, вместе и порознь, Старостин и Котов поучаствуют в большинстве федоровских сольных

альбомов. Котовская колесная лира прозвучит даже в чудеснейшем «Лиловом дне» (2003), записанном Леней в квартирных условиях фактически в одиночку. В этом альбоме — подлинном апофеозе гениального минимализма — основные хиты (заглавная песня «Вьюга», «Печаль», «Якоря») составлены (озарением Озерского) не более чем из полутора десятка недлинных слов. А песню «Муж», написанную «от» и «до» лично Федоровым, за один куплет «Ышь ли неышь / Кышь ли некышь / Кышь ли некышь некышь ли…» стоит сделать геральдической надписью «АукцЫона», хотя группа эту вещь никогда и не исполняла.

После «Зимы не будет» почти неразрывен с Леней стал и Волков. За десять лет у этого одержимого тандема образовалась совместная дискография, больше той, что накопил «АукцЫон» за четверть века. Как бы незаметно к «заведующему всем» присоединялись и другие изобретательные, независимо мыслящие личности, причем все они были старше Лени. Сам Владимир Мартынов подыгрывал ему на фортепиано в «Красоте» и «Снопе снов». Камерный ансамбль OPUS P0STH народной артистки России, скрипачки Татьяны Гринденко звучал в альбомах «Таял» и «Безондерс». Волохонский наполнил своими текстами и мелодекламациями «Горы и реки».

«Аукцыонщики» в федоровских проектах появлялись эпизодически и вразнобой. В нескольких песнях на «Анабэне» отметились Бондарик, Литвинов, Колов-ский и Шавейников. К «музыкальному сопровождению» альбома «Горы и реки» (2004) приложил руку Озерский. Еще через несколько лет для парочки вещей в «Красоте» (2006) Лене понадобился уже только Бондарик с бас-гитарой.

«Федорову „АукцЫон" наскучил», «он сохраняет его как концертный проект». Такие разговоры в меломанских кругах начались еще в середине 1998-го, когда исполнилось три года, как у «Ы» не появлялось нового материала, а Леня, на той самой питерской студии документальных фильмов, где отчасти ковался «Жилец вершин», с интересом взялся продюсировать дебютный альбом «Пуля» группы «Ленинград», собранной экс-басистом команды «Ухо Ван Гога» Сергеем Шнуровым.

Много позже заматеревший, популярный, медийный Шнур скажет в одном из интервью, вспоминая то время: «Федоров возился с нами долго… Наша группа в корне изменилась после такого сотрудничества. Появилось понимание драйва, отдавания себя на сцене всецело».

В «дефолтовую» российскую пору Леня увлекся куражными адептами нашей ненормативной лексики настолько, что добрый

друг «АукцЫона» Дима Ицкович (в чьей квартире рядом с Новым Арбатом «аукцыонщики» одно время получали кров и стол во время приездов в Москву), создатель почитаемого интеллигентского бренда «О.Г.И.» и продюсерской компании «Ы» (где, напомню, работала Лида Бенцианова), выкупил у питерского лейбла «Шок Records» контракт «Ленинграда» и вскоре устроил для журналистов в одном из своих первых кафе-читален близ Патриарших прудов презентацию новой команды с невских берегов, представлял которую Федоров.

25 декабря все того же 1998-го «Ленинград» впервые сыграл в Москве перед большой аудиторией. Дело было в «Горбушке», и, дабы совсем не сомневаться в успехе мероприятия, вторым (и главным) участником того сейшена организаторы поставили «АукцЫон».

Как-то так выходило со второй половины 1990-х, что «АукцЫон» то ли есть, то ли нет его. С одной стороны, гастроли группы по России и Европе периодически случались, а в 1999-м даже появился сингл «Небо напополам», записанный «аукцыонщиками» в альянсе с лидером коллектива «Не Ждали» Леонидом Сойбельманом и давший поклонникам «Ы» надежду, что вскоре может состояться релиз полноценного «аукцыоновского» альбома. С другой стороны, было очевидно, что в качестве единого креативного организма коллектив фактически прекратил функционировать. И его возможный новый альбом в тот период так и не появился. Песни же из вышеозначенного сингла впоследствии стали частью федоровской «Анабэны», изданной на собственном Ленином лейбле «Улитка рекорде».

Думается, для любой группы заметное и продолжительное отсутствие общих идей у ее участников — прямой путь к распаду. Однако «АукцЫон», со своим уникальным внутренним микроклиматом, опроверг и эту логику.

— Лично для меня ничего обидного в «обособлении» Лени не было, — поясняет Озерский. — Возможно, могли тогда обижаться Борюсик, Колик, Паша или Бондарик, не участвовавшие в его сольных альбомах. А я все-таки придумал некоторые песни для «Зимы не будет», «Лилового дня», для пластинки «Таял». То есть как автор я продолжал делать то же, что и в «АукцЫоне», и какого-то кризиса не чувствовал. Вообще именно благодаря Леньке «АукцЫону», по-моему, всегда удавалось уходить от тупиков. Ну, типа куда и как дальше плыть, не знаем, и тем не менее нужно подгонять и подгонять себя, вопреки желанию и вдохновению. Вовсе нет. Оказывается, можно задвинуть работу над новым альбомом «Ы» лет на десять, и ничего страшного в том не будет.

— Наверное, какой-то пессимизм в нас Леня в тот период замечал, — предполагает Шавейников. — Но при этом, видимо, думал: вот, возьму Борюсика в свой сольный альбом, он и сыграет не то, что сейчас мне хочется, а опять какой-нибудь «АукцЫон». И ведь легко именно так могло бы быть.

— Раз получилась длинная пауза между «аукцыоновскими» альбомами, значит, нужен нам был такой период, — философски рассуждает Бондарик. — Ну, не возникало у Лени посыла записывать с группой новый материал. Что тут поделать? Мы играли концерты. А в остальное время каждый занимался, чем хотел. Я, скажем так, работал над собой дома. Размышлял на разные темы, стал серьезные книги почитывать, даже по психологии какие-то труды. Немного поигрывал в сборных проектах со знакомыми музыкантами.

«Брошенным» Леней «аукцыонщикам» так или иначе удавалось реализовываться вне «Ы». Литвинов, кроме того что приходился ко двору многим группам в качестве сессионного перкуссиониста, стал арт-директором фестиваля «SKIF». Исцелившийся от алкозависимости Гаркундель вступал в различные творческие коллаборации (наиболее запомнился арт-проект троих Гаркуша — Михаил Коловский — Сергей Летов), давал персональные поэтические вечера и иногда снимался в кино, даже у мэтра Алексея Германа в черно-белой антисталинской саге «Хрусталев, машину!». Рубанов под девизом, «чтобы было красиво, не надо ничего бояться», создал «Союз Космического Авангарда», или попросту «СКА», затем объединился с тем же Сергеем Летовым (братом покойного лидера «Гражданской обороны» Егора Летова), Эдуардом Сивковым и Юрием Яремчуком в духовой квартет «Сакс-мафия», и оба проекта достаточно регулярно выступали и выступают по сей день. А Шавейников отбарабанил на одном из самых заметных альбомов питерской группы «Н.О.М.» — «Жир» — и даже съездил с этим «Неформальным объединением молодежи» на пару московских концертов, «когда у них избили барабанщика». Затем Борюсик лет пять ударно помогал команде Саши Чернецкого «Разные люди».

В общем, все в «АукцЫоне» в годы «временной стагнации» занимались своими делами и понятия не имели, будут ли еще когда-нибудь записывать что-то вместе, но тут с «Ы» случился очередной парадокс. В 2000-м популярность команды (уже вторую пятилетку кряду существовавшей от сейшена до сейшена, без какого-либо свежего материала) в одночасье достигла немыслимых ранее масштабов! Это на экраны страны вышел блокбастер Алексея Балабанова «Брат-2», в котором заокеанские

похождения простого русского киллера Данилы Багрова подзвучивались целым хит-парадом отечественных рок-композиций и в том числе песней «Дорога» из «аукцыоновской» «Птицы». Саундтрек второго «Брата» издан отдельным диском, и тираж его был сопоставим с самыми успешными сольными альбомами топовых групп начала миллениума. Строку «Я сам себе и небо, и луна…», к тому времени уже семь лет хором распеваемую фанами на каждом концерте «АукцЫона», теперь подхватила едва ли не вся страна. Когда грянула эра рингтонов, мелодию «Дороги» мне доводилось слышать даже из мобильников вполне себе пролетарских малых: один был грузчиком в продуктовом супермаркете, другой — сборщиком крупнокалиберных шкафов и стеллажей в мебельном салоне. «Брат-2» привел к «Ы» целую генерацию новых поклонников, для которых все сделанное группой прежде выглядело открытием. В 2004-м к ним добавилось еще некоторое количество федоровских «неофитов», услышавших записанную им несколько лет назад волшебную тему «Зимы не будет» в другом знаковом для постсоветской державы фильме Петра Буслова «Бумер». Бесконечно далеким от доминирующих образов и понятий новой России «аукцыонщикам» просто поразительно везло на кино про «братков».

— После выхода «Брата-2» разные люди в городах, где мы гастролировали, спрашивали: «Вы — тот самый „АукцЫон", который в „Брате" поет?» — вспоминает Шавейников. — И я в ответ удивлялся: «А раньше вы про такую группу никогда не слышали, что ли?» «Нет», — отвечали мне.

И Борюсика не обманывали. «АукцЫон», давно ставший вехой в нашей рок-музыке, для той аудитории, что формировалась «братами» и «бумерами», был и к началу второго путинского срока натуральной терра инкогнита. Вот характерная переписка юзеров на одном из музыкальных форумов рунета, датированная апрелем 2008-го, то есть тем годом, когда «Ы» отмечал свое 25-летие! Пишет «Сеня»: «Честно говоря, кроме песни „Дорога", ничего из репертуара „АукцЫона" не слышал, хотя группа вроде как довольно интересная. И то, эту песню услышал только благодаря фильму „Брат-2". Посоветуйте, какие хорошие песни еще есть у этой группы?» Откликается «Таял»: «„Пионер", „Зима", „Зимы не будет", „Таял", „День Победы", „Все вертится", „Еще не поздно"… и многие другие песни из ихнего репертуара достойны вашего внимания». Опять «Сеня»: «Спасибо. Скачал три песни — „Еще не поздно", „Пионер" и „Зимы не будет". Действительно, все три высокого уровня. Мне понравилось очень даже. Буду качать все остальное…» Подключается «selivan»: «„АукцЫон" здорово

поет! Я его тоже впервые услышал в фильме „Брат-2". Понравилось, и стал целенаправленно искать песни этой группы. Теперь слушаю. С удовольствием. Как говорится — спасибо фильму».

— По моим ощущениям, — размышляет Рубанов, — пока мы регулярно и подолгу ездили по Европе, в России произошло легкое угасание интереса к«АукцЫону». Выросло целое поколение слушателей, вообще не представлявших, что это за группа. А потом на экраны страны вышел «Брат-2», и все неожиданно нами заинтересовались. После чего начались странные вещи. Сейчас к нам на концерты в немалом количестве приходят пятнадцатилетние юноши и девушки, что меня искренне удивляет. Когда в зале «рубятся» наши сверстники и люди чуть младше, это понятно. Для них «АукцЫон» — что-то значимое со времен их школьно-студенческой юности и таковым остается по-ныне. Но какое дело до нас сегодняшним тинейджерам?

— Конечно, из-за «Брата-2» об «АукцЫоне» вся страна узнала, — говорит Гаркуша. — «Дорога» стала для нас примерно тем же, чем «Осень» для Юрия Шевчука. И, естественно, на концертах мы ее вообще исполнять перестали. К слову, особых материальных благ успех этого саундтрека ни Федорову, ни Озерскому как авторам песни не принес. Это ж известная, в принципе, история, как Балабанов около года бегал за Леней и говорил, что снимает некассовый фильм, который прибыли не принесет. Ну, а нам-то, и Федорову в частности, эти разговоры были по фигу. Мы никогда о гонорарах не торговались.

— Насколько я помню, — уточняет Озерский, — к нам обращался не сам Балабанов, а кто-то из администраторского корпуса «Брата-2», когда мы приезжали в Москву на гастроли. Мне и Лене со вздохом объясняли: «Вы же понимаете, проект некоммерческий. Войдите в наше положение». Ну, мы и вошли. И в этом случае, и в других тоже. Поэтому никакие фильмы, где звучат «аукцыоновские» песни, на наше благосостояние серьезно не влияли. Материал отдавался фактически задаром.

В среднем на сберкнижку я получаю от РАО авторских тысячи полторы в месяц. Бывает, и ничего не получаю, а иногда случаются всплески. Вот недавно за один месяц «набежало» 12 тысяч, а за другой 14 тысяч. Рублей, разумеется.

11 октября 2002 года «АукцЫон» ответил «на главный вопрос современности» (именно так утверждалось на титульной интернет-странице, посвященной альбому «Это Мама»). Вопрос формулировался просто и был явно подогнан издателями диска (или даже самими «аукцыонщиками») под текущий момент: «Когда же группа выпустит концертный альбом?» Мол, заждалась

прогрессивная общественность, так нате — получите!

На самом деле и «олдовые» поклонники «Ы», и те, кто прислушался к нему вслед за «Братом-2», желали наконец-таки услышать совершенно новый, скорее всего студийный «аукцыоновский» альбом, дабы понять: остались ли еще у этих музыкантов совместные творческие пути, кроме гастрольных маршрутов. Но «АукцЫон» предпочел тогда высказаться синтетически и замысловато. Пластинку «Это Мама» составил десяток песен, сыгранных исключительно участниками «Ы» фактически в unplugged-варианте. Новыми на диске были лишь две вещи — первая («Якоря») и последняя («О погоде»). Остальные восемь треков являлись равномерным миксом из знаковых «аукцыоновских» хитов «доптичьего» периода («Зима», «Осколки», «Самолет», «Фа-Фа») и Лениных сольных удач последних лет («Заведующий», «Стало», «Голова-нога», «Зимы не будет»).

Однако этого оказалось достаточно, чтобы почувствовать — Федоров и «аукцыонщики» по-прежнему совместны. «АукцЫон» переосмысливал свои старые боевики с той же органичностью и иной страстью, с какой впрягался в песни Лени, изначально сделанные им вне группы. У «Ы» опять появился мощный общий импульс. И создание в обозримом будущем его полновесного нового альбома уже не выглядело утопией.

В «Это Мама» почти на кодовом уровне даже существовал соответствующий сигнал: в песню «Фа-фа» вплетался безжалостный речитатив темы «Профукал», той, что через пять лет и откроется долгожданный «аукцыоновский» номерной альбом «Девушки поют».

Забавное изречение на сайте группы, представлявшее компилятивный проект «Ы»-2002, весьма точно характеризовало суть данной работы и очерчиваемые ею перспективы: «Отрадно, что по сей день творчество „АукцЫона" не утратило пророческой силы. „Это Мама" — яркий тому пример. „Это" — указывает нам цель, задает вектор движения. „Мама" — возвращает к истокам».

Друзья уходят. Девушки поют…

После записи альбома «Девушки поют» все музыканты «АукцЫона» по-другому стали играть. И Борюсик тоже…

Леонид Федоров

В «Девушках…» надо было головой думать, когда в студии сидели, и импровизировать не так, как раньше.

Борис Шавейников

Эволюционный вектор Лени в снежный рождественский день 2004 года направил «аукцыонщиков» в карнавальных прикидах (словно к ним вернулся Кира Миллер) на правую половину сцены (если глядеть из партера) столичного концертного зала имени Чайковского. Левую занимал ансамбль «Академия старинной музыки» под предводительством скрипачки Татьяны Гринденко в монашеских одеяниях. На стыке аутентичного средневековья и рок-андеграунда миллениума, то бишь по центру академической площадки, располагался неистовый импровизатор Владимир Волков с привычным к его «агрессии» контрабасом. Играли сочинение немецкого композитора XIV века Михаэля Преториуса и арию «Гения Холода» выдающегося английского маэстро XVII столетия Генри Перселла, меж ними вплетались вирши Гаркунделя под скрипичное сопровождение и этапные творения «Ы». В «неопсалом» ликующей души «Все вертится» из «аукцыоновской» «Птицы» проникал органный саунд так, словно изначально для него эта песня и предназначалась. «АукцЫон» на глазах слегка ошалевшей публики перемещался в какое-то иное измерение. Его музыканты перерастали традиции, на которые опирались ранее, и с радостью плескались в чем-то, доселе им неведомом. «Втянулись» в тот вечер «аукцыонщики» и в исполнение длинного, медитативно-нарастающего музыкального произведения «Листок из альбома» Владимира Мартынова, чей эсхатологический литературный труд «Конец времени композиторов» стал для Федорова в некотором роде путеводным на заре третьего тысячелетия. И «АукцЫону» оставалось это чувствовать и принимать.

Буквально через полмесяца после рождественского перфоманса «Ы», 21 января 2004-го, произошло странное, но знаменательное событие. Тогдашний президент РФ В. В. Путин

подписал указ о предоставлении парижскому сквотеру Алексею Хвостенко российского гражданства. Шестидесятитрехлетний Хвост отметил сей факт татуировкой скорпиона на своем левом плече и серией разнообразных весенних выступлений во вновь обретенном отечестве, в том числе — несколькими аншлаговыми концертами в Питере и Москве с любимым «АукцЫоном».

Новое (как потом оказалось — последнее) пришествие Хвоста в Россию совпало с активнейшей фазой сотрудничества Лени с Анри Волохонским, который, напротив, ни под каким предлогом заглядывать на историческую родину не желал. Он творил издалека. И за один лишь, все тот же 2004 год Федоров записал две пластинки, «Горы и реки» и «Джойс» (близкие к мартыновским выводам о развитии музыки), где тексты, переводы и «магический голос» (определение Лени) Волохонского занимали центральное место.

А Хвост… Хвост иногда встречался и пел с «аукцыонщиками», общался с митьками, проводил свои литературно-музыкальные вечера, познакомился с ивановской молодой группой «Дегенераторс» и записал с ней альбом… «Могила». 14 ноября 2004-го поэту Алексею Хвостенко исполнилось 64 года, а через две с небольшим недели, 30 ноября, он умер от сердечной недостаточности в 61-й московской больнице. Леня простился со своим «вторым отцом»…

— Когда мы в последний раз виделись с Хвостом, это было уже удручающе, — вздыхает Озерский. — Если взрослый дяденька весит меньше сорока килограммов, то понятно, что все обстоит не очень хорошо… Каждый в «АукцЫоне» воспринял его уход с грустью. Но, конечно, Ленька отреагировал на случившееся сильнее всех. Его отношения с Хвостом были наиболее близкими.

И 8 декабря 2004-го Леня первым из музыкантов вышел на сцену столичного ЦДХ, где в центре стоял высокий черный стул с раскрытой тетрадью, и запел «Конь унес любимого в далекую страну». Стул тот был приготовлен для Хвоста, ибо мероприятие, обернувшееся вечером его памяти, изначально планировалось как очередной поэтический концерт Хвостенко, билеты на который поступили в продажу еще с месяц назад.

В конце апреля 2005-го «АукцЫон» отправился в десятидневное гастрольное турне по Штатам, уместив в него восемь клубных концертов в Сиэтле, Портленде, Сан-Франциско, Чикаго, Бостоне и Нью-Йорке. Тогда же группу, выбравшуюся из «ленинградского подполья на американскую сцену» и преподносящую публике «изящную чепуху с хриплой чувствительностью», пригласили на Третий нью-йоркский globalFEST, намеченный на январь 2006-го. «АукцЫон» сыграл

там, но уже без… Паши Литвинова. Едва минул год со дня ухода Хвоста, как «аукцыонщикам» пришлось принять новый удар судьбы. 15 декабря 2005-го, после второго за полмесяца инсульта, бессменный перкуссионист «Ы» Литвинов скончался. Ему было 46. Двое его сыновей подросткового возраста остались фактически сиротами. Их мама умерла тремя годами раньше…

Один из последних своих больших концертов с «АукцЫоном» Павел отыграл 1 октября того же 2005-го в питерском Дворце спорта «Юбилейный», когда презентовался DVD с фильмом «АукцЫон: Как слышится, так и пишется». Потом, правда, были еще короткие гастроли по Украине…

— Неожиданно Пашка ушел, — говорит Гаркуша. — Был человек и нет. Да, он лежал последние две недели в больнице, но… Я тоже, вот, недавно лежал в больнице. У меня камни из почек пошли. Теоретически, наверное, мог коньки отбросить. Но обошлось же. И про Литвинова все так думали. И вдруг хряп, и всё. На Пашкиных поминках, кажется, кто-то из присутствовавших уже предлагал себя на его место в «АукцЫоне». Интересовались, собираемся ли мы нового перкуссиониста приглашать? Ну, разве так можно?

— Резко все произошло, болезненно, — вздыхает Рубанов. — Коллектив осиротел. На сцене Паша располагался в моем углу, и еще долгое время после его смерти я на концертах осторожно делал шаги назад, хотя там теперь никого не было. Но на подсознательном уровне привычка сохранялась. Раньше ведь за моей спиной стояли его стоечки, барабанчики…

«АукцЫон», в принципе, звучит и без перкуссии, но Павел был одним из нас, подходящим по духу человеком. Его не заменить просто другим перкуссионистом.

— Горе это тяжело переживалось, — рассказывает Васильев. — Детей жалко. Им пришлось к пожилой бабушке переехать. Мы до сих пор отдаем им долю гонорара Павла с каждого концерта «АукцЫона». И квартиру его отремонтировали. Она ведь пустовала. А так стали ее сдавать, и у Пашиных ребят хоть какие-то средства появились. В июле 2009-го старшему из них стукнуло 18. А он такой, немножко трудный парень. Учился плохо, поступать никуда не хотел, балду гонял, короче. И я ему сказал: «Федя, теперь ты совершеннолетний. Либо поступай в институт, и тогда все остается по-прежнему, либо мы станем отдавать половину отцовского гонорара только Саше, а твою долю срежем». Федор задумался…

— Смерть Литвинова — шок, что тут говорить, — краток Шавейников. — На первых концертах без него мне как-то не по себе становилось: поворачиваю голову влево, а там вместо Паши

колонка какая-то стоит…

Два концерта «АукцЫона» на globalFEST, 21-22 января 2006 года, имели грустный оттенок, ибо стали первыми выступлениями «Ы» с «осиротевшей» ритм-секцией. Но эти же сейшены (черно-белая пропорциональность жизни, увы, неизбывна) открыли группе путь к неожиданным возможностям и долгожданному новому альбому.

Рождение последнего началось с того, что в «Большом Яблоке» (Нью-Йорке то есть) «аукцыонщиков» услышал трубач Фрэнк Лондон из разудалого, громадного коллектива бруклинских евреев The Klezmatics, что годом позже, в 2007-м, удостоился премии «Грэмми». Впечатленный «безумными русскими» Фрэнк пошел с ними знакомиться и заодно припас для «аукцыонщиков» почти сенсационное предложение.

— Лондон сказал, что ему очень понравилось наше выступление (а мы там действительно хорошо сыграли), — рассказывает Леня, — и интересно было бы с «АукцЫоном» что-нибудь совместно записать. А вообще мы, типа, можем назвать любых нью-йоркских музыкантов, с которым хотели бы поработать, и он постарается с ними договориться, поскольку практически всех их лично знает. Они нам еще и «скидки сделают» со своих обычных сессионных гонораров.

Мы, конечно, ошалели от такого сюрприза, и я ему ответил через сопровождавшего нас переводчика Макса, что хочу, мол, Джона Зорна, Марка Рибо, Джона Медески, ну и ты, Фрэнк, само собой, приходи…

Через несколько дней Лондон на полном серьезе сообщил нам, что Медески и Рибо согласны, а Зорн, к сожалению, не может, поскольку в тот момент он вообще ни в каких чужих проектах решил не участвовать…

Сколь вдохновился Леня готовой стать явью «американской мечтой», легко почувствовать, например, из фрагмента его интервью, опубликованного в мартовском номере русской версии журнала «Роллинг Стоун» за 2006 год.

«РС»: — И когда вы едете на запись?

Федоров: — Предварительно договорились на май-июнь. Я сейчас так говорю, будто все уже состоялось. Конечно, нет. Еще массу вопросов надо решить.

«РС»: — Например, что, собственно, записывать?

Федоров: — Как что? Новое, разумеется.

«РС»: — Разве у «АукцЫона» есть новый материал?

Федоров: — Пока нет. Но, думаю, не проблема будет найти.

«РС»: — Странно. Почему же в течение 12 лет это было проблемой?

Федоров: — Да никогда не было. Проблема была в том, чтобы получить удовольствие от процесса записи. Мы перепробовали здесь уже все и вся, нам стало просто скучно. В Штатах, надеюсь, все по-другому будет. В Нью-Йорке очень кайфово. Там атмосфера подвигает к творчеству, самовыражению. Весь воздух этим пропитан. А когда есть общий кайф, что-нибудь обязательно родится, пусть даже прямо в студии. Я знаю это по своему опыту…

Лето 2006-го, однако, пришлось переждать. «АукцЫон» провел его на редкость публично в своем отечестве: поучаствовал с песнями в Открытом проекте телеканала ТВЦ, выступил на паре крупных опенэйров (на «Старом мельнике» в Самаре и «Крыльях» на столичном летном поле в Тушино), дал еще несколько сольных концертов и только в сентябре опять перемахнул через Атлантику, где в обещанной Фрэнком нью-йоркской студии «Stratosphere Sound» фактически в онлайн-режиме за неделю возник последний (на сегодняшний день), самый лапидарный, графический, зрелый, горячечный, вольный, изощренный «аукцыоновский» альбом «Девушки поют».

Квартет маститых американцев (помимо гитариста Рибо, клавишника Медески, трубача Лондона, подыграть «Ы» согласился пятидесятилетний саксофонист-импровизатор, выпускник колледжа Беркли Нед Ротенберг) включился в аранжировки и запись предложенного «АукцЫоном» материала без единой совместной репетиции с неизвестной иностранной группой — и абсолютно не врубаясь в корневую суть приблизившихся к лучшим творениям русского футуризма, метафоричных, непереводимых, новых текстов Озерского, но буквально осязая их фонетику.

Белым телом надоелом
Пылом былом опустелом
Тылом жилом или ходом
Мылом с мылом с параходом
Там дам даром туда-сюда.

Как и предполагал, вернее даже, подсознательно хотел Леня, песни рождались «прямо в студии». Дюжина не вписанных в какие-либо стилевые, жанровые схемы музыкантов из двух стран, двух миров с принципиально разным уровнем свободы и художественной независимости в пространстве «Stratosphere Sound» на ходу становилась единым, бурлящим организмом.

— Ощущения от записи «Девушек…» были чумовыми, — говорит Федоров. — В первый день нашей работы американцы ничего не понимали. Рибо вообще обалдел, когда ему в ухо одновременно задудели туба, труба и саксофон. Но потом, когда альбом свели, он послушал и остался им очень доволен.

Эти именитые американские ребята наглядно показали, что в основе всего — желание играть, а не техника. Ведь смотришь на игру Рибо, и кажется, все просто, я так тоже смогу. Ни фига, не сможешь! Так только он может, и это круто, это все в его душе. И Медески ничего сложного не делает, просто играет, как сам хочет и как никто, кроме него, не играет. В этом вся магия. Но они еще и талантливые артисты. Рибо играет три ноты так, что и Стив Вай отдыхает, и Владимир Кузьмин. Майк абсолютно неподражаем. Поэтому он любимый гитарист Джона Зорна и вообще способен вписаться в любой музыкальный проект. Когда мы с ним разговаривали, он признался, что даже не помнит всех альбомов, в записи которых принимал участие. Его диапазон: от фри-джаза до Чака Берри. С последним он однажды ездил в тур, где сидел в кулисах и играл вместо Берри, а тот просто скакал по сцене. При этом Рибо сольно записал много потрясающих вещей, которые мало кто может исполнить.

— Для меня запись «Девушек…» принципиально отличалась от всего, что мы делали прежде, — подчеркивает Бондарик. — Игра в два баса имела свои

нюансы и дополнительные сложности. К тому же приходилось взаимодействовать с музыкантами, которых воочию видел впервые, и весь анализ сыгранного нами происходил прямо в процессе записи, так сказать, пока вращалась пленка.

— Из всех наших альбомов сложнее всего, конечно, давался «Девушки поют», — отмечает Шавейников. — Раньше я знал, что многое зависит от меня, а тут, напротив, многое не от меня зависело, а от людей, игравших рядом, причем иностранцев. С ними непросто было договориться. Приходилось придумывать что-то, не столь вольно, как, скажем, когда мы замечательную тему «Фа-фа» записывали. В ней воздух есть, а в «Девушках…» — плотняк такой в каждой песне.

— Общение с теми музыкантами, что участвовали в записи альбома «Девушки поют», — продолжает Федоров, — несомненно, помогло нам профессионально вырасти. И это, возможно, один из важнейших моментов данного проекта. По сравнению, допустим, с «Птицей» у нас получилась работа, уже значительно больше похожая на музыку.

— Рибо, Медески, Ротенберг… — размышляет Борюсик. — Думаю, их участие в альбоме важнее Леньке, чем, положим, мне.

Мне все равно. Я до момента записи «Девушек…» их и не знал. Ну, что-то из песен Тома Уэйтса, в которых играет Рибо, мне Ленька однажды дал послушать, но так, чтобы я основательно знакомился с творчеством приглашенных нами американцев, этого не было…

— Ленька, конечно, больше меня различной музыки слушает, но что касается Рибо, Медески, то эти исполнители из числа и моих любимых, — говорит Озерский. — И вдруг ситуация сложилась так, что мне удается с ними вместе что-то сделать, да хоть просто постоять и посмотреть, как они работают. Это же кайф! Им ничего не требовалось специально объяснять во время нашей студийной сессии. Они просто приходили и начинали играть.

— Эксперимент с известными приглашенными музыкантами оказался для нас удачным, — считает Рубанов. — Все происходило вполне естественно. Было ясно, что американцы пришли не для того, чтобы нас заменить, а для того, чтобы дополнить. Хотя, возможно, Федоров и не отказался бы постоянно выступать с такими людьми, но «АукцЫону» это не по силам, точнее, не по средствам.

— Я в этом проекте стоял, в принципе, особняком (главной моей задачей были тексты), поэтому чувствовал себя в столь авторитетной компании нормально, — развивает тему Озерский. — Даже если бы ни единой сыгранной мною ноты в пластинку не попало, я все равно поехал бы в Нью-Йорк на запись и переживал за то, чтобы альбом получился в лучшем виде. Сам бы, грубо говоря, вырезал свои партии из окончательного варианта, если бы они смотрелись неудачно. Общий результат важнее. А играть, как Медески, я все равно никогда не смогу.

Десять треков для «Девушек…», одним из которых оказалась мелодекламация раритетной гаркунделевской «Доброты», сочиненной им еще в год московской Олимпиады, окончательно были записаны 18 сентября 2006-го. Зимой 2007-го их свели и отмастерили в том же Нью-Йорке, а официальная презентация альбома в Питере и Москве состоялась 21 и 22 апреля. И хотя к этому моменту «аукцыонщики» уже успели пропеть практически весь свежеиспеченный материал на своих зимних концертах, полновесную премьеру вожделенной, новой (да еще и американской!) пластинки «Ы» встречали с трепетом. Тем паче что главные штатовские корифеи, приложившие руку к «Девушкам…», лично явились сыграть с «АукцЫоном» на первом представлении альбома в России.

Дабы не воссоздавать по памяти атмосферу исторического события, позволю себе процитировать фрагмент своей же заметки

в «Известиях», написанной на следующее утро после московской презентации «Девушек…»:

В этот вечер в «Б1 Maximum» легко можно было встретить тех, кого не видел более десятка лет — аккурат со времени выхода предыдущей полновесной студийной пластинки «АукцЫона». Подходящим приветствием выглядел забавный (и, в сущности, недалекий от истины) вопрос: «Ну, вы готовы к прослушиванию шедевра?»

Представление «шедевра» началось с выхода нарядного Олега Гаркуши. Его теперешнему «костюму с отливом» позавидовал бы крамаровский Федя из «Джентльменов удачи». Нацепив фирменные белые перчатки, долговязый «аукцыоновский» пиит-шоумен протяжно зачитал опус о «злом похмелье», под который на сцене собралась вся группа и давно обещанные «бонусные» звезды в лице гитариста Марка Рибо и клавишника Джона Медески. Первую тему «Профукал», которая и открывает новый диск «АукцЫона», Леня грянул так, что шум, произведенный на той же сцене неделей раньше продюсируемым им когда-то «Ленинградом», показался ласковым морским прибоем. Кроме подпрыгивающего и кружащегося волчком Гаркуши, конвульсивной гитары и пластики Федорова, привычного звукового напора «АукцЫона» поэтическая истерика покрывалась контрабасом Владимира Волкова и авангардными пассажами Рибо и Медески. Из чрезмерного уважения к последним их инструменты «вывели на пульте» так, что гитара Рибо, например, звучала порой громче «моторхэдовского» саунда. Леня, впрочем, умудрялся перекрикивать и перешептывать и ее.

В этом концерте Федоров, казалось, ориентировался на зал даже меньше обычного. Он пел для себя, словно вновь переживая удовольствие от неожиданно сложившегося проекта. Когда после долгого экспрессивного клавишного интро Медески к «Рогану Борну» Леня поскакал со стулом вокруг микрофона, стало очевидно, что он не вполне здесь, не совсем с нами…

Сообщество вольных трубадуров

Сольно или с Вовой Волковым я сейчас зарабатываю значительно больше, чем с группой. Но «АукцЫон» — моя дань дружбе и удовольствие от совместных выступлений с его участниками.

Леонид Федоров

На сегодняшний день участие в «АукцЫоне» дает мне, к сожалению, наименьшие средства к существованию.

Николай Рубанов

Думаю, у нашей группы еще откроется второе дыхание. Во всяком случае, я на это надеюсь…

Борис Шавейников

Год 2010-й, тесная гримерка передового (в культурологическом смысле) московского клуба «Икра», час до концерта «Ы». Колик рассматривает мундштуки к своим саксофонам и кларнетам, Борюсик с Бондариком не спеша, до испарины, попивают чай, Озерский в уголке тихо беседует с кем-то из своих столичных знакомых, Леня самоуглубленно (или отстраненно) покуривает, Волков (а он теперь фактически штатный участник группы) тоже здесь, но словно растворен в воздухе, Коловский, Раппопорт — каждый занят чем-то своим… Плавность закулисной «аукцыоновской» обстановки — почти идиллическая.

Потоки суетного извне традиционно принимает на себя Гаркундель. Облачаясь в куртуазный концертный прикид, он попутно отвечает на вопросы двух телевизионных съемочных групп, корреспондентки какого-то издания и делает чуть «звездный» жест в сторону молодой администраторши клуба: «Девушка, принесите мне, пожалуйста, капучино с четырьмя кусками сахара».

Через час на сцене все «взорвется». Незримая, собственная внутренняя сила потащит, разметет «АукцЫон» в диапазоне от экстаза до транса, и с переполненным залом начнет происходить то же самое. Проект «Девушки поют» (за которым у группы опять наступило альбомное затишье, длящееся поныне) в определенной степени «просеял», «рассортировал» аудиторию «Ы» на ту, что

самозабвенно входит в резонанс с сегодняшним, беспримерно высоко (хотя бы по меркам русского рока) взлетевшим «АукцЫоном», и ту, что «залипла» в фазе «Птицы» в надежде, что Леня со товарищи к ней еще вернутся. Вторых на «аукцыоновских» (тем паче федоровских сейшенах), на мой взгляд, становится все меньше. Надеюсь, они переходят в стан первых, ибо в целом народа на концертах «Ы» по-прежнему полно. «„Дорогу" давай!» — практически никто из зала уже не кричит, зато «Долги» или «Рогана Борна» встречают как «Отче наш».

К излету нулевых уникально нестареющий «АукцЫон» превратился (по сути и форме своего существования) в этакое сообщество вольных трубадуров, которое в любом сочетании если не смех (привет «бременским музыкантам»), то уж радость точно приносит людям. Даже если группе неожиданно выпадает играть в усеченном составе, как на памятном июньском концерте 2009-го в подмосковном Архангельском на VI Международном фестивале «Усадьба-джаз», до которого вдруг не добрался Шавейников.

От Питера до Москвы Борюсик с «АукцЫоном» в поезде еще как-то тогда доехал, но выйти вечером на сцену категорически не мог. Его унесло в алкогольный астрал, и чуть ли не впервые «аукцыонщики» отыграли (и клево получилось!) свою большую концертную программу без барабанов. Просто на фоне ударной установки. Шутить им, правда, после такого случая поначалу совсем не хотелось.

— Лет 15-20 назад, будучи молодыми, мы, возможно, посмотрели бы на эту ситуацию спокойнее, — размышлял сразу после концерта в Архангельском Гаркуша, — но сейчас она напрягает. Боря — взрослый человек, и вытворять подобные вещи ему не стоит. Речь даже не столько об алкоголизме. Пусть пьет как собака, это его личное дело. Но у нас до «Усадьбы-джаз» месяца полтора концертов не было. Он что, не мог нажраться тогда? Нет, сделал это именно в момент московских гастролей. Вот что обидно. И ведь он не понимает всей серьезности ситуации. Его просто выгонят из группы, и тогда он запьет еще круче — однозначно. И впоследствии умрет.

— У Бори не в первый раз подобный срыв произошел, — отмечал Васильев. — И в группе это всех, честно говоря, заебало. Ему нужно что-то кардинальное с собой сделать, подшиться, что ли. Короче, все зависит от того, как он себя теперь поведет. Простое извинение уже не проканает.

Но это были, как вскоре выяснилось, сиюминутные эмоции. Все «проканало» для Борюсика даже без «простых извинений», поскольку и в зрелом своем возрасте «аукцыонщики» сохраняют ту же толерантность межличностных отношений, что стала их

фирменной чертой еще на заре «Ы».

— Проблема разрулилась мирным путем, — объясняет Васильев. — Месяц с Шавейниковым никто из группы не общался, а затем подошло время очередного нашего концерта, я ему позвонил и сказал, во сколько саунд-чек. Он приехал. Отыграл программу.

— Никто из ребят не высказал мне упреков после того фестиваля, но мне было очень плохо, — признается Шавейников. — Не с бодуна плохо, а морально. Я чувствовал, что серьезно подвел группу. Вообще, надо стараться уважать коллектив и не бухать, во всяком случае так, как я это делаю. А то по пьяни начинаются всякие рассуждения из серии «Я — крутой!» или маразм старческий прет. Да и физических сил уже просто не хватает после бухалова, чтобы хорошо сыграть.

На меня, конечно, никто в группе не орет, потому что коллектив у нас терпимый. Но я не хочу этим обстоятельством пользоваться. Мне важно, чтобы ребята не думали, будто я у Лени фаворит и поэтому могу делать, что захочу…

Хотя были времена, когда я полагал, что махну на «АукцЫон» рукой. Мол, не хотите меня принимать таким, какой я есть, ну и ладно, упрашивать никого не стану, уйду. Но при этом совершенно не представлял, что делать дальше. Я же ничего другого, кроме игры на барабанах, не умею. Образования у меня нет.

— Группа у нас странная, — улыбается Гаркундель. — Конечно, без ругани не обходится, но серьезных конфликтов я не помню. Если бы таковой случился, типа кто-то пальцы веером стал растопыривать, рассказывать, кому и что делать, как гонорары делить, меня бы, наверное, в «АукцЫоне» уже не было. Но мы вместе без малого тридцать лет, и все спокойно.

— Я с «аукцыонщиками» сейчас как-то даже побаиваюсь выпивать, — признается Шавейников, — поскольку очень их люблю и уважаю и не хочу непредсказуемых ситуаций. Я ведь одной рюмочкой-то не ограничиваюсь, поэтому выпиваю обычно где-нибудь на стороне, чтобы стыдно не было…

Гаркуша мне, конечно, постоянно рекомендует полечиться. Отправлял меня в этот знаменитый «Дом на горе» под Питером. Но мне там абсолютно не понравилось. Это ж психиатрическая лечебница какая-то, там сумасшедшая публика кругом, алкоголики беспросветные и прочие. А я все-таки человек творческий. Мне надо дома посидеть, позаниматься. Хотя у меня барабанов в квартире нет, но и дивана хватает «постучать». Включаю компьютер и под него барабаню, как в старые добрые времена под магнитофон. Причем ставлю что-то старое — «Дип

Перпл» и т. п. И играю просто для себя, чтобы знать, что могу такое исполнить. Хотя и «аукцыновские» альбомы часто переслушиваю. Хочется вернуться в прошлое и внимательно взглянуть на то, что сейчас пролетает на концерте просто как отыгрыш…

Понятно, что у Леньки ныне совсем другие проекты, он играет просто гениально. Насмотрелся на таких музыкантов-монстров, у которых есть чему поучиться. Тем не менее когда он начинает играть на репетициях, я, в принципе, быстро подхватываю и обыгрываю его идеи.

После «Девушек…», однако, эта способность Борюсика «заведующему всем» пока не пригодилась. Федоров вновь слегка «отплыл» от «АукцЫона», укрылся в своей московской квартире-лаборатории и продолжил ежегодно выбрасывать из нее во внешний мир шедевры, получающиеся у него в процессе «поиска музыки, которой нет». В 2008-м, под Новый год, появился «Сноп снов», сделанный Леней и Вовой Волковым из текстов Волохонского и Хвоста, словно мимикрировавших под все пласты мировой поэзии сразу. Через год возникли «Волны» на темы Озерского, который успел к выходу этого альбома наконец-то издать и первый сборник своих изумительно-«детских» стихов «Там, где…». Оба проекта презентовались на майском концерте в столичном ЦДХ. Опять не постесняюсь цитирования фрагмента своей же газетной публикации о том событии.

В ЦДХ отсутствовал Волков. Вместо него были сэмплы, синтезаторные «примочки», Озерский за клавишами и, разумеется, Федоров, скачущий на стуле с гитарой. Так «Волны» и пропели.

К шестилетней давности «Лиловому дню», записанному Леней еще без Волкова, «Волны» ближе, чем, скажем, к прошлогоднему диску «Сноп снов». И в этом видится некая цикличность. Леня, аки «цветик-семицветик», совершив круг, вернулся на новом витке своего художественного роста к прежнему состоянию. А Озерский, как автор, за этот срок сделал серьезный шаг вперед, и две силы сошлись в «Волнах» где надо и когда следует. Для «АукцЫона» такая программа, возможно, оказалась бы слишком деликатной. Даже столь сыгранным коллективом ее могли слегка «придушить»…

Из книги «Там, где…» в «Волны» попала пара тем, в том числе непоправимо-прощальная, ерническо-беззащитная «Мы уходим», на диске переименованная в «Тишину». Черты сегодняшнего поэта Озерского в ней особенно ясны и выпуклы. Впрочем, так же, как и в поэме «Бурбуляк» (это в книге), и в теме «Запрещено» (она есть и в книге, и в альбоме).

Запрещено искать рассвет —
Проснешься через десять лет.
Запрещено искать закат —
Проснешься десять лет назад…
Нельзя искать мечту дождя,
И тех, что в радуге сидят.
Пойдешь вдоль радуги зимой —
Придешь домой, а дом пустой.
И не ищи ежиный след —
Увидишь то, чего и нет.
Нельзя искать, запрещено!
А за окном опять темно…

Про «АукцЫон» в «Волнах», между прочим, вспоминают. Три «сказителя» Федоров, Волков и Дмитрий Ицкович зачитывают галлюциногенный рассказ «Вол НЫ», где ни одна фамилия участников группы не обойдена стороной.

Зимой 2010-го Леня в компании уже почти родных Джона Медески, Марка Рибо, примкнувшего к ним барабанщика Чеса Смита, Владимира Волкова и Вити Бондарика осилил в знакомой нью-йоркской студии Stratosphere Sound совсем, казалось бы, неподъемную задачу: создал альбом-полотно, альбом-эпос, альбом-мистерию на длиннейшую в мире поэму-палиндром «Разин» Велимира Хлебникова. На алой обложке диска, названного «РАЗИНРИМИЛЕВ», чернело отображение наскального рисунка шеститысячелетней давности, который обнаружил художник Артур Молев на стене пещеры в момент внушительного отлива на Онежском озере… Все составляющие проекта выглядели высшим пилотажем. «РАЗИНРИМИЛЕВ» обретал какое-то исполинское звучание и при прослушивании его в тесной «творческой» комнате московского Лениного жилища, и в душноватой столичной «Горбушке», где 12 марта 2010-го состоялась его официальная презентация. Как и в случае с альбомом «Девушки поют», в премьерном концерте сыграли и все американцы, участвовавшие в записи новой пластинки.

Еще раз обращусь к собственной заметке в «Известиях», написанной «по горячим следам»:

Спустя 15 лет после «Жильца вершин» Федоров докопался, пожалуй, до сердцевины велимировской алхимии.

Тепел нож, жон лепет.
И но хохотали лат охохони.
Ум дев лил ведьму.
Кат медведь, как дев дем? — Так!

Попробуйте это пропеть, попробуйте хотя бы пересказать или складно прочесть с листа. Вряд ли получится. Федоров это не просто поет, он делает из этого хит «Пляска». Разгульное, по-разински стремное веселье видится и слышится. Что завораживало Хлебникова и вытягивало из него стих-шифр, стих-звук, стих-заговор, то и Федорова тащит за собой. И ладно, Волков — он свой, но и американцы (которым и захочешь, не переведешь, что тут поется) врубаются в такого «Разина» и, похоже, кайфуют. И вся заполненная «Горбушка» кайфовала, хотя стоило бы, наверное, для пущего погружения раздать публике текст поэмы. Не раздали и даже не весь палиндром исполнили. При всей его драматургичности и монолитности (невзирая на разделение текста по главам-картинам) для «живой» подачи «Разин» невероятно труден. Диск позволяет оценить этот проект емче. Но Федоров в этот вечер, надо признать, был максимально артистичен. Хотя, вроде бы, сидел как обычно на стульчике, извивался, мурлыкал, шептал и вскрикивал, но выходило что-то сродни «Хованщине» в виде моноспектакля…

«Мы уходим прямо в даль…»

В заголовке этой главы — начальная строка из стихотворения Озерского, вошедшего в его первый и единственный пока поэтический сборник. Конечно, оно про кого и что угодно — всякому про свое. Но прочтите его целиком, нараспев или нервно, рэперским речитативом или с кукольным жеманством, и увидите «АукцЫон» как метафору, путь и субстанцию.

— Я недавно пришел к выводу, что у «АукцЫона» нет будущего, — говорит Колик. — У него есть только настоящее. Но в этом настоящем мы пребываем уже не одно десятилетие. И сколько еще так будет длиться — непонятно.

Как Русь Гоголю, «АукцЫон» никому, даже его непосредственным обитателям, не дает прямых и однозначных ответов. В постоянном приближении к ним — весь кайф этой группы. Самой алогичной и непривязанной к среде, географии и плей-листу.

— Мы давно уже перед концертами не составляем список песен, которые собираемся исполнить, — рассказывает Борюсик. — В начале 1990-х, когда мы

в Европе много выступали, Ленька еще писал какие-то листочки с нашей предполагаемой программой, а потом мы от них отказались. Теперь любой концерт у нас зависит только оттого, что Леня хочет и может в конкретный момент спеть…

— А мне еще нужно понять, когда свои стихи почитать, — говорит Гаркундель. — Иногда очень долго стою за кулисами, решаю: выходить на сцену или нет? Смотрю, Федоров гитару настраивает. Вот и пауза. Выхожу, читаю. А бывает наоборот: жду начала песни, на которой я, как правило, со сцены удаляюсь. Слышу первые звуки, вроде она. Ухожу. А потом оказывается, что это другая песня…

Дискография «АукцЫона»

«Вернись в Сорренто» (1986)
«В Багдаде все спокойно» (1987)
«Как я стал предателем» (1988)
«Жопа» (1990)
«Бодун» (1991)
«Чайник вина» (1992)
«Птица» (1993)
«Жилец вершин» (1995)
«Это мама» (2002)
«Девушки поют» (2007)

Дискография Леонида Федорова

«Четыресполовинойтонны» (1997)
«Зимы не будет» (2000)
«Анабэна» (2001)
«Лиловый день» (2003)
«Горы и реки» (2004)
«Джойс» (2004)
«Таял» (2005)
«Безондерс»(2005)
«Красота» (2006)
«Романсы» (2007)
«Сноп снов» (2008)
«Волны» (2009)
«РАЗИНРИМИЛЕВ» (2010)
«Wolfgang» (2010)

Новая книга известного музыкального журналиста Михаила Марголиса шаг за шагом ведет читателя по «долгой дороге бескайфовой», открывая в более чем тридцатилетней истории культовой группы «АукцЫон» самые неожиданные повороты и сюжеты...

Когда-то в одном из музыкальных журналов я назвал «АукцЫон» «коллективным Пьеро без занудства и деструктивной тоски». Но с тем же процентом ассоциативной точности «АукцЫон» можно представить ушедшим ото всех Колобком; шаловливым Карлсоном, независимость кого реалисты и ханжи принимали исключительно за вредоносное или бессмысленное озорство; искателем счастья Маленьким Муком, не вписавшимся в обывательские стереотипы и местечковые нравы, и еще много кем. Важнее, однако, что в «АукцЫоне» действительно никогда не было скуки, занудства, строгих правил, одинаковости. Оттого и не определил его никто в конкретную стилевую нишу. С этим бэндом вообще непонятно что делать. Плакать, смеяться, погружаться в транс, впадать в экстаз, прислушиваться, исследуя каждую фразочку и звук, или «употреблять» целиком, не разбирая на компоненты? Кто они, «аукцыонщики», в конце концов, такие: клоуны, феерические менестрели, психи, анатомы музыки? Впрочем, а на фига это определять и знать? Зачем препарировать чудо?

Михаил Марголис

Фото на обложке Сергея Бабенко

амфора
amphora.ru

ISBN 978-5-367-01615-4